

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

СЕРГЕЙ

КАРА-МУРЗА

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ЗАДАЧИ

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

СЕРГЕЙ

КАРА-МУРЗА

РУССКИЙ КОММУНИЗМ
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ЗАДАЧИ

Москва
алгоритм

УДК 338
ББК 65.9(2)
К 21

Кара-Мурза С.Г.

К 21 Русский коммунизм. Теория, практика, задачи. – М.: Алгоритм, 2013. – 256 с.

ISBN 978-5-4438-0313-5

Весь XX век Россия (СССР) жила под влиянием большой мировоззренческой системы, которую можно назвать русский коммунизм. Цель книги – разобраться, какие главные задачи, важные для России, он смог решить, а какие по разным причинам не решил, почему и потерпел поражение в конце XX века.

Русский коммунизм – сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу. Это синтез двух больших блоков, которые сблизились в революции 1905 г. и стали единым целым перед Великой Отечественной войной. Первый блок – «крестьянский общинный коммунизм». Второй – русская социалистическая мысль, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм. Революция 1905 года – дело общинного коммунизма, зеркало ее – Лев Толстой.

Мы рассмотрим особенность образа мыслей и действий большевиков, которые во многом определили их успехи. Понять сегодня источники эффективности их доктрин и решений – наша национальная задача. Советский народ, «ведомый» русским коммунизмом, смог решить задачи огромных масштабов и сложности. Подобные задачи на нас уже накатывают.

**УДК 338
ББК 65.9(2)**

ISBN 978-5-4438-0313-5

© Кара-Мурза С.Г., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

ВСТУПЛЕНИЕ

XX век — это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение двух веков. В разных формах эти силы будут определять нашу судьбу и в XXI веке. Но весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, которую можно назвать *русский коммунизм*.

Конечно, исходные элементы этой мировоззренческой системы, сложившись в русской культуре, развивались всеми народами России (затем СССР) применительно к их этническим культурам. Так возник советский строй и советский коммунизм. Но мы здесь не будем обсуждать национальные оттенки этого явления и будем называть его именем, указывающим на истоки. Можно назвать его *большевизмом*, но с натяжкой, так как в большевизме была сильна и «космополитическая» компонента, перешедшая в оппозицию к русскому коммунизму, породив тяжелый конфликт с большими жертвами в 30-е годы.

Русский коммунизм — сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы СССР — глядя на те точки, по которым бьют в последние двадцать пять лет.

В самой грубой форме русский коммунизм можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали со-

единяться в ходе революции 1905—1907 гг. и стали единым целым перед Великой Отечественной войной (а если заострять, то после 1938 года). Первый блок — то, что Макс Вебер назвал — вслед за Марксом, но более определенно — «*крестьянский общинный коммунизм*» (иногда он называл его *архаический крестьянский коммунизм*¹). Второй — русская *социалистическая* мысль, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм, но в русском марксизме было скрыто наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры, оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью и породившим многие ереси. Он имел идеалом *град Китеж* (хилиастическую ересь «Царства Божьего на земле»). Социалисты в России исповедовали идущий от Просвещения идеал прогресса и гуманизм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 года — дело общинного коммунизма, почти без влияния блока социалистов. Зеркало ее — Лев Толстой, выразитель крестьянского мироощущения. После той революции произошел уже необратимый раскол у марксистов (социал-демократов), и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда и выросла концепция «союза рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник *большевизм*, первый эшелон русского коммунизма.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел — ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консервато-

¹ Некоторые просвещенные интеллектуалы теперь говорят, что русский коммунизм был проектом *архаического* общества. Это ошибка. Российское крестьянство уже до монгольского нашествия не было архаическим. Тем более не смогла бы из архаической общности организовать современная армия для Отечественной войны 1812 года. А уж в конце XIX века и традиционализм русского крестьянского общества был сильно модернизирован.

ры-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданской войны видные кадры из всех них включились в советское строительство.

С самого начала надо подчеркнуть, что все мы в постсоветских республиках — наследники русского коммунизма, даже те, кто от него отшатнулся или старается уничтожить его наследие. Никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. К несчастью, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Не следует идти у них на поводу — отворачиваться от этого знания глупо.

Цель этой книги — разобраться, хоть в первом приближении, какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм, а какие по разным причинам не решил, почему и потерпел поражение в конце XX века.

Зачем нужны эти раскопки? Ведь русский коммунизм, особенно на том его этапе, который называют большевизмом, — уже предмет истории. Можно ли в нынешнем обществе использовать опыт большевиков и те социальные формы, которые они создавали для решения актуальных в те годы проблем? Я вижу это дело так.

Большевизм сформировался и стал организующей силой в общественном процессе в момент разрыва непрерывности в развитии цивилизации Нового времени, в ходе глобального конфликта традиционных обществ с модерном метрополии мировой капиталистической системы. Этот модерн наступал на все незападные общества и культуры уже в форме империализма и в ходе этого столкновения сорвался в катастрофу самих оснований своей цивилизации — в формах Первой мировой войны, фашизма и Второй мировой войны. Большевизм, зарождавшийся как будто как проект освобождения эксплуатируемых и угнетенных масс России, сразу оказался втянут в эту глобальную катастрофу. Прежде всего потому, что, как оказалось, социальные противоречия России нельзя было разрешить или смягчить, если не вырваться из

исторической ловушки периферийного капитализма, в которую втянул Россию западный капитализм.

Таким образом, реализация проекта русского коммунизма требовала осознания природы той катастрофы, в которую втягивал мир общий кризис капитализма и порожденные капитализмом структуры. Эта катастрофа «не укладывалась» в картину мира, представленную Просвещением и созданными на его основе главными социальными учениями — либерализмом и марксизмом. Они были механистичны, представляли общество как равновесную ньютоновскую машину движения масс с обратимыми стационарными процессами. Начало XX века — кризис этой классической механистической картины мира, который сразу выплеснулся в обществоведение. Из всех общественно-политических движений новые познавательные возможности неклассической картины мира для понимания общества освоил именно русский коммунизм.

Этот опыт для нас актуален, ибо современное сознание и познание общества функционируют в рамках тех норм и приемов, которые в России вырабатывали и испытывали большевики (о других модификациях, созданных в иных культурах, мы здесь не говорим). Эти нормы и приемы, продукт синтеза рациональности модерна и неклассических представлений о хаосе, необратимости и нестабильности, еще будут «работать» довольно долго — хотя и в споре и взаимодействии с постмодерном.

В этой книге мы не будем вдаваться в философию познания, а рассмотрим те подходы большевиков к общественным проблемам, которые сильно отличались от подходов их союзников, оппонентов и врагов. Эти отличия во многом и предопределили эффективность решений и действий большевиков — зачастую при большом перевесе сил у их противников. Понять источники этой эффективности сегодня является для российского общества национальной задачей. Наша беда и вина в том, что это знание, которое, казалось, к середине XX века уже было укоренено в нашей культуре, не было оформлено и со сменой поколений постепенно иссякло. В резуль-

тате качество решений на всех уровнях общественного организма снизилось, что в конце концов привело к краху СССР, а затем и глубокому затяжному кризису.

Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ, «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Эта книга — не история русского коммунизма. В ней мы опишем лишь некоторые эпизоды нашей истории XX века, в которых отражены принципы выработки решений, которым следовали большевики — в сравнении с методологическими установками их оппонентов.

Разбор провалов и поражений большевиков — особая тема, требующая подробного исторического исследования, ведь часто поражения обусловлены нехваткой ресурсов, в том числе времени. Эту важную тему мы не затрагиваем, над ней надо работать, но некоторые случаи, в которых были допущены принципиальные методологические ошибки, коротко разберем.

Мы не пытаемся и дать социальный и культурный портрет того человеческого типа, который собрался под знамя русского коммунизма. Это — всего несколько поколений, но они сложились в особый культурно-исторический тип, во многом определивший судьбу России и повлиявший на ход событий во всем мире. Создать такой портрет, без патетики и фальши, было бы очень важно для нашего общества. У тех людей нам надо очень многому научиться, иначе мы не переживем тот мрак, который наступает на человечество.

Раздел 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО КОММУНИЗМА

Глава 1. ВЫЗРЕВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩИННОГО КОММУНИЗМА

Некоторые историки утверждают, что никакого советского проекта не было, что революция была следствием заговора «закулисы» и ошибкой истории, а советы «работали, как говорится, прямо с колес» — без проекта и без своей философской базы. Это неверно и является следствием преувеличенного значения, которое придается очередной идеологической доктрине, и пренебрежением к знанию неявному и обыденному, не изложенному в трудах авторитетных интеллектуалов на малопонятном языке. Да, советский проект не был предусмотрен Марксом и не описан в трудах солидных философов XIX века, но он вызревал очень долго. Просто политики и философы его не сразу заметили.

Откуда взялись декреты советской власти и сама идея национализации земли? Они взялись из тех представлений общинного крестьянства, которые вынашивались в течение примерно 30-40 лет. Уже в «Письмах из деревни» Энгельгардта (80-е годы XIX века) видно, как в крестьянской общине вырабатывалось и совершенствовалось представление о благой жизни, а потом (в 1905—1907 гг.) излагалось эпическим стилем в виде наказов и приговоров. Из наказов и брали эти представления эсеры и большевики. Как мог стать Толстой «зеркалом русской революции», если бы крестьянские чаяния не превратились в развитое мировоззрение? Сегодня процесс формирования этого проекта реконструирован достаточно надежно.

Корни революции — в реформе 1861 г., когда крестьяне были освобождены от крепостной зависимости почти без земли. Было утверждено «временнообязанное» состояние — крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Почему-то решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. Денег крестьяне накопить не могли, и пришлось издать закон об обязательном выкупе. Точнее, государство заплатило помещикам плату за землю, переходящую к крестьянам, — и обязало крестьян вносить в подконтрольные правительству банки *выкупные платежи*. Фактически крестьяне оказались вынуждены платить государству высокую арендную плату за землю. Какого же размера были эти платежи и подати?

Как ни странно, мало кто из нас ознакомился с исключительно важным историческим документом пореформенной России — «Трудами податной комиссии». Но подробные выписки из нее сделал К. Маркс в своей работе «Заметки о реформе 1861 г.» [1]. Оттуда и возьмем некоторые данные.

Бывшие *государственные* крестьяне вносили налоги и подати в размере 92,75% своего чистого дохода от хозяйствования на земле, так что в их распоряжении оставалось 7,25% дохода. Например, в Новгородской губернии платежи по отношению к доходу с десятины составляли для бывших государственных крестьян ровно 100%.

Бывшие *помещичьи* крестьяне платили из своего дохода с сельского хозяйства в среднем 198,25% (в Новгородской губернии 180%). Таким образом, они отдавали правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же из заработков за другие работы. При малых наделах крестьяне, выкупившие свои наделы, платили 275% дохода, полученного с земли!

Выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю были тяжелейшей нагрузкой. В 1902 г. они составили 90 млн. рублей — более трети тех денег, что крестьянство получало от экспорта хлеба. Освобождение от выкупных

платежей — одно из главных завоеваний крестьянства в революции 1905—1907 гг. Уже в 1906 г. выкупные платежи снизились до 35 млн., а в 1907 г. — до 0,5 млн. рублей. Фактически они были отменены. Но и остальные налоги и подати были очень велики. Эта тема поднимается в очень большой части петиций и наказов крестьян.

Россия в конце XIX и начале XX века была страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

Составление петиций, наказов и приговоров стало в 1905—1907 гг. особой формой политической борьбы крестьянства. Поскольку установки крестьянского общинного коммунизма были выражены в совокупности этих наказов и приговоров и на них же во многом основывалась доктрина и эсеров, и большевиков в русской революции, надо коротко сказать об этом явлении.

Известно, что в российских законах отсутствовало петиционное право — подача всяческих прошений и проектов «об общей пользе» была запрещена. Особенно этот запрет был оговорен при учреждении Государственной думы. В параграфе 61 положения о Госдуме было сказано: «В Государственную думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы» [2, т. 1, с. 36].

Таким образом, составляя наказы и приговоры, крестьяне прекрасно понимали, что коллективно совершают противоправные действия, и эти действия были уже активной формой борьбы. Размах ее был велик. В I Государственную думу

поступило свыше 4000 пакетов и телеграмм. Только в Трудовую группу депутатов Госдумы было подано более 400 приговоров и наказов из 50 губерний с общим числом подписей крестьян-домохозяев 44 826. В Российском государственном историческом архиве в делах Совета Министров и I Государственной думы хранится свыше 1 тыс. коллективных заявлений сельских и волостных сходов.

Поскольку наказ или приговор должны были подписывать все участники сельского схода, и это считалось уголовным преступлением, не могло быть и речи о том, чтобы отнестись к составлению текста легковесно, тем более допустить, чтобы в него внесли свои требования и формулировки какие-то посторонние люди. Известен, например, такой случай. Крестьяне двух деревень Клинского уезда составили на сходе приговор и отдали поправить его врачу местной фабрики. Но, боясь, что он, как человек «рабочей партии», может приписать что-то лишнее, дали после него проверить текст попу-черносотенцу. Затем снова попросили врача посмотреть, «не наплел ли он чего-либо» [2, т. 1, с. 96].

Власти непрерывно направляли на места циркуляры с требованием пресекать обсуждение на сельских сходах политических вопросов и составление петиций, наказывали полицейских и стражников, которые не смогли предотвратить этих действий (даже если составлялись и отправлялись при-ветственные телеграммы). Документы захватывались на месте или изымались на почте. Так, приговор, составленный сходом Муравьевской вол. Мышкинского уезда Ярославской губ. 18 июня 1906 г., «полиция ловила для уничтожения, почему и решено послать его немедленно с нарочным, который то пешком, то на лошадях, то водою окольными путями попал на железную дорогу».

В какой обстановке происходило обсуждение документов, видно из множества сообщений. Так, газета «Право» писала о сходе крестьян близ ст. Крюково Московской губ.: «Крестьяне собрались на небольшой поляне и стали обсуж-

дать проект наказа депутату от Москов. губ. Через несколько минут после того, как собрание было открыто, на крестьян налетели стражники — осетины и черкесы — силою разогнали собравшихся» [2, т. 1, с. 40].

Наказ трудовикам I Госдумы в с. Медуши Петергофского уезда Петербургской губ. был принят на волостном сходе, происходившем, как пишет газета «Мысль» (22 июня 1906 г.), в такой обстановке: «Он со всех сторон был окружен вооруженными ружьями стражниками, в присутствии урядника, исправника и т.д. Тотчас после схода в лесу был выработан наказ и подписывался на спинах у крестьян» [2, т. 1, с. 40, 97].

Привидем часть главных требований крестьян.

В заявлении в Комитет по землеустроительным делам Нижегородской губ. крестьяне с. Виткулово писали: «Мы признаем, что непосильная тяжесть оброков и налогов тяжелым гнетом лежит на нас, и нет силы и возможности сполна и своевременно выполнять их. Близость всякого срока платежей и повинностей камнем ложится на наше сердце, а страх перед властью за неаккуратность платежей заставляет нас или продавать последнее, или идти в кабалу» [2, т. 1, с. 130].

Это непосильное налоговое бремя в конце концов привело крестьян к убеждению, что правительство — их враг, что разговаривать с ним можно только на языке силы. В приговоре крестьян дер. Стопино Владимирской губ. во II Госдуму в июне 1907 г. сказано вещь, которая к этому времени стала совершенно очевидной практически для всего крестьянства, и оно не нуждалось для ее понимания ни в какой политической агитации: «Горький опыт жизни убеждал нас, что правительство, века угнетавшее народ, правительство, видевшее и желавшее видеть в нас послушную платежную скотину, ничего для нас сделать не может... Правительство, состоящее из дворян чиновников, не знавшее нужд народа, не может вывести измученную родину на путь права и законности» [2, т. 2, с. 239].

Поскольку крестьяне составляли подавляющее большинство населения России, эти высокие налоги даже при низкой

доходности крестьянского хозяйства стали важнейшим источником средств для финансирования индустриализации, создания анклавов капиталистического хозяйства. За счет этих денег, например, финансировалось строительство железных дорог, которые затем приватизировались, и крестьянские деньги переходили в карман буржуазии.

Надо подчеркнуть вещь, которая с трудом укладывается в наше «прогрессиистское» сознание: такое важное принесенное капитализмом техническое средство, как железные дороги, вело к разорению крестьянского хозяйства и к резкому ухудшению материального положения крестьян. Виднейший специалист в области хлебной торговли П.И. Лященко писал: «Железные дороги вместо того, чтобы служить клапаном, вывозящим избыток, стали постепенно служить способом для более легкого и полного выжимания из хозяйства последнего пуда хлеба, последней копейки» [3].

Таким образом, налоговый пресс искусственно поднял товарность сельскохозяйственного производства, так что крестьяне были вынуждены продавать зерно и скот, сокращая собственное потребление. С другой стороны, появившиеся железные дороги облегчили заготовки хлеба и отправку его в порты и прямо на экспорт. Но этот экспорт, давая большие доходы банкам и правительству, мало сказывался на экономике крестьянского двора. Подробно фактическая сторона дела изложена в книге видного экономиста П. Лященко «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства» (М., 1927).

Он пишет: «Иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь промышленных предприятий, но тот же иностранный банковый капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами... Он начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредственно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецкой Нейфельд, массы греческих, отчасти итальянских и др.) и специальные экспортные общества, или субсидируя

и кредитую те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала...

Но вследствие особых условий банковых покупок — прежде всего полной зависимости всей нашей банковской системы от иностранного капитала — положительных для народного хозяйства сторон в этом приливе крупного капитала к хлебной торговле было мало... Ни за качеством хлеба, ни за его чистотой, ни за другими условиями покупки и сдачи ни банк, ни его подставной клиент-скупщик не следили и ответственности за все это банк не принимал. При сосредоточении в руках банка (в портах или на крупных потребительных рынках) больших партий он, однако, не заботился ни об очистке зерна, ни об улучшении его качества, ни о правильности хранения: он должен был спешить с его продажей, часто влияя таким образом на понижение цен...

Таким образом «частный» банковский капитал не менее как на три четверти обслуживал финансирование нашей хлебной торговли. При этом главными частными банками, принимавшими наиболее широкое участие в хлеботорговых вообще и хлебоэкспортных операциях, были: Азовско-донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-азиатский, — работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный — немецкими» (см. [43]).

В начале XX века, когда государство с помощью налогообложения стало разрушать натуральное хозяйство крестьян без модернизации — просто заставляя крестьян выносить продукт на рынок, терпение крестьян лопнуло. Вот что говорил историк В.В. Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.: «К концу XIX века масштабы неурожая и голодных бедствий в России возросли... В 1872—1873 и 1891—1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов арендных цен на

землю... — все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий» [4].

Помимо выкупных платежей за земельные наделы крестьян причиной их нарастающей ненависти стал сам способ наделения их землей во время реформы 1861 г. Прежде всего, земли крестьянам было выделено поразительно мало — при отсутствии каких бы то ни было механизмов наделения землей по мере роста сельского населения. В прошении крестьян Квашенкино-Горского общества Лужского уезда Петербургской губ. во II Госдуму в январе 1907 г. говорится: «Наделены мы были по выходе на волю по три десятины на душу... Население выросло до того, что в настоящее время уже на душу не приходится и полдесятины. Население положительно бедствует и бедствует единственно потому, что земли нет; нет ее не только для пашни, а даже под необходимые для хозяйства постройки» [2, т. 1, с. 111].

А собрание крестьян четырех волостей Волоколамского уезда Московской губ. в наказе, посланном в Трудовую группу I Госдумы в мае 1906 г., так обобщило представление о положении крестьянства: «Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, почему все трудовое крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у тунеядцев помещиков образовались колоссальные богатства» [2, т. 1, с. 111—112].

Плата, которую платили крестьяне помещикам за аренду земли, была столь высока, что сегодня невозможно объяснить читателям (и даже в личных разговорах), как же такое могло быть. По данным помещичьих местных комитетов, созданных С.Ю. Витте, перед 1905 г. крестьяне 49 европейских губерний ежегодно выплачивали помещикам за аренду 315 млн. рублей, то есть в среднем по 25 руб. на двор (вспомним, что все годовое пропитание крестьянина обходилось примерно в 20 рублей) [2, т. 1, с. 117].

А.В. Чаянов в книге «Теория крестьянского хозяйства» (1923) пишет: «Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия» [5, с. 407].

Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой у крестьян были очень велики. А.В. Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Разница колоссальна — 16,6 руб. с десятины, в семь (!) раз больше чистого дохода.

В другом месте А.В. Чаянов объясняет: «Под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платят за аренду земли не только ренту и весь чистый доход, но и значительную часть своей заработной платы. В данном случае опять интересы крестьянина как рабочего, бедствующего в своем хозяйстве от безработицы, пересиливают его интересы как предпринимателя» [5, с. 200].

Политика землеустройства при выделении наделов крестьянам во время реформы 1861 г. заложила основания для

глубокой вражды между крестьянами и помещиками. Суть в том, что при разделе земли помещики отделили от дореформенной площади крестьянских наделов более 20%, а в черноземных губерниях «отрезки» доходили до 40% и более [2, т. 1, с. 107]. При этом именно помещик обладал правом размежевания, и он разместил «отрезки» таким образом, что они окружали крестьянские наделы. Тем самым помещик резко затруднил для крестьян и ведение хозяйства, и даже быт — и это стало средством угнетения крестьян.

Вот приговор-наказ крестьян с. Казакова Арзамасского уезда (2 ноября 1905 г.): «Помещики вскружили нас совсем; куда ни повернись — везде все их земля и лес, а нам и скотину выгнать некуда; зашла корова на землю помещика — штраф, проехал нечаянно его дорогой — штраф, пойдешь к нему землю брать в аренду — норовится взять как можно дороже, а не возьмешь — сиди совсем без хлеба; вырубил прут из его леса — в суд и сдерут в три раза дороже, да еще отсидишь» [2, т. 1, с. 115].

Во многих приговорах говорится, что помещики нарезали землю так, что не оставили крестьянам прогонов для скота, чтобы можно было пускать скотину на свой же выпас. Ставя крестьян в безвыходное положение, помещики заставляли их платить за аренду земли не деньгами, а отработками. Отработки не поддавались учету и реально оказывались не только очень невыгодными для крестьян, но и подрывали их собственное хозяйство. Крестьяне дер. Высоцкой и Поречье Можайского уезда Московской губ. пишут в приговоре в I Госдуму (июль 1906 г.) об аренде покосов и пастбищ: «И то и другое — только заработай с круговой порукой друг за друга. В таком положении и дуешь на его работах без оглядки все лето — то условная работа, то штрафная, а своя и узенькая полосенка работаете лишь тогда, когда у князя делать нечего; в конце концов подчтешь заработную выручку за все лето от князя и приходится в итоге — на каждого по 4 коп. за день рабочий» [2, т. 1, с. 120].

Для бедственного положения крестьян имелась *фундаментальная* причина. Развитие капитализма в России шло по совершенно иному пути, нежели на Западе. Оно и не могло в принципе повторить путь Запада, поскольку происходило при активном участии уже сложившегося зрелого западного капитализма. Это влияние заключалось прежде всего в том, что западный капитал вне своей «метрополии» везде насаждал формы *периферийного* капитализма. Иного и не могло быть, и утверждения нынешних антисоветских идеологов, что без Октябрьской революции в России установился бы такой же капитализм, как в Англии или Швеции, наивны (или недобросовестны).

Видный теоретик нынешней глобализации И. Валлерстайн пишет: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии» [6]. По всем признакам Россия сдвигалась как раз в зону периферии, быстро теряя после русско-японской войны возможность остаться на «полупериферии» мировой капиталистической системы.

Но, становясь зоной «периферийного капитализма», Россия попала в историческую ловушку. В ней промышленность была анклавом западного капитализма, а крестьянство — его «внутренней колонией». Единое народное хозяйство, при котором промышленность вбирает рабочую силу из деревни, а взамен обеспечивает село машинами и удобрениями, оказалось разорванным.

При этом сужался внутренний рынок для промышленной продукции, так что ход индустриализации был очень неустойчивым. Нынешние антисоветские идеологи ничего не пишут, например, о том, что и производство чугуна в России, и его потребление на душу населения в начале XX века сокращалось. А во Франции за 1900—1909 гг. его производство выросло на 40%, в Германии на 67%, в США на 87%.

За 1870—1900 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России выросла на 20,5%, площадь пашни на

40,5%, сельское население на 56,9%, а количество скота — всего на 9,5%. Таким образом, на душу населения стало существенно меньше пашни и намного меньше скота. Прокормиться людям было все труднее. В 1877 г. менее 8 десятин на двор имели 28,6% крестьянских хозяйств, а в 1905 г. — уже 50%. Количество лошадей на один крестьянский двор сократилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900—1905 гг. Это — значительное сокращение тягловой силы, что еще больше ухудшало положение. Одна из важных причин того, что потерпела неудачу реформа Столыпина, заключалась в том, что не было ресурсов, чтобы материально поддержать крестьян, выделявшихся на хутора или переселявшихся в Сибирь.

Если оставить в стороне философию, то для реформы Столыпина существовало вот какое «непреодолимое» ограничение. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. То есть даже по лошади с сохой на все дворы не хватало — в 1912 г. 31,6% крестьянских дворов в России были безлошадными, а 32,1% дворов имели по одной лошади. Что же могло в этих условиях дать разрушение общины? Из каких средств могли быть обустроены, скажем, 5 млн. хуторов, не говоря уж о фермах? Потому-то столыпинский уклад втянул в себя всего лишь 5% дворов, зато разорил множество.

После 1905 г. покупка земли общинами и аренда земли у землевладельцев нарастала. Историк В.В. Кабанов пишет: «Все более определяющей становилась тенденция к перемещению центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйство крестьянское, прогресс в мелкотоварных хозяйствах становился заметнее. Накануне Первой мировой войны крестьяне производили 92,6% совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства, а помещики — только 7,4%» [32].

Столыпин верил, что инициатива «освобожденного» мужика-хозяина и невидимая рука рынка гораздо сильнее всяких там капиталов, плугов, лошадей и дорог. За пять лет столыпинской реформы количество лошадей — главной тягло-

вой силы в России — снизилось в расчете на 100 человек с 23 до 18. Как можно было при этом ожидать роста производства зерна? Никак — независимо от формы собственности на землю. И увеличить число лошадей было уже невозможно, потому что земли для пастбищ не было, а при использовании зерна на корм добавочные лошади съели бы как раз весь прирост производства зерна. В 1928 г., накануне коллективизации, в европейской части СССР под пастбищами находилось 1,6% всех сельскохозяйственных угодий (для сравнения: в Великобритании 56%, в Голландии 38,4%), почти такой же (1,5%) была доля земли под посевами трав и кормовых культур (в Великобритании 32,7%).

За 60 дореволюционных лет самым урожайным в России был 1909 г. В этот год в 35 губерниях с общим населением 60 млн. человек (что составляло почти половину населения России) было произведено зерна, за вычетом посевного материала, ровно по 15 пудов на человека, что составляло официальный физиологический минимум. То есть никакой товарной продукции село этой части России в среднем не производило. А значит, и ресурсов для развития не возникало¹.

Низкий уровень технологии поглощал все силы крестьян. В 1909 г. средний урожай зерновых был около 52 пудов с десятины, т.е. 7,8 ц/га. И на весь цикл обработки 1 десятины земли тратилось в среднем 38 человеко-дней (и 29 лошаде-дней), или 4,48 человеко-дня на центнер зерна. Если считать рабочий день крестьянина в страду за 12 часов, то выходит, что на производство одного центнера зерна затрачивалось в 1909 г. 53,8 человеко-часа. А в РСФСР уже в 60-е годы трудозатраты на центнер зерна снизились в колхозах до 2,3 и в совхозах до 1,3 человеко-часа.

Выход из этой исторической ловушки власти России пытались произвести именно *за счет крестьян*, как «революцию сверху», разрушавшую крестьянскую общину и деревню, на-

¹ Надо вспомнить, что лошадь стоила в то время 80—90 руб., а зерно оптовики скупали по цене 20—50 коп. за пуд. Значит, за лошадь надо было отдать самое меньшее 160 пудов зерна.

саждавшую капитализм на земле. В бытность Витте премьер-министром при нем работало сельскохозяйственное совещание. Витте издал труды этого совещания под своим именем в виде книги «Записка по крестьянскому делу» (СПб., 1905). В ней была высказана мысль о необходимости превращения общины в *частно*-правовое общество, поскольку якобы «крестьян нельзя насильственно удерживать в условиях общинного землепользования». В ответ на это в феврале 1905 г. А.В. Кривошеин, будущий соратник Столыпина по земельной реформе, подал записку «Земельная политика и крестьянский вопрос», в которой выступил за ликвидацию не только общинного, но и подворного землепользования, замену их частным землевладением (признавая, однако, что это — «задача нескольких поколений»).

Мысль о том, что крестьянская община становится источником главной угрозы для общественного и политического строя царской России, в 1905 г. вполне созрела в интеллектуальных кругах монархической верхушки. В мае 1905 г. была составлена записка шести старейших сановников о путях преодоления политического кризиса («записка А.Н. Куломзина»). Она опровергала официальную точку зрения на крестьянство как консервативную монархически настроенную силу. Корень проблемы старые сановники видели в существовании «в низших слоях населения инстинктивного стремления к ниспровержению частной собственности» и в том, что «общинные порядки» поддерживают это стремление [7, с. 120, 136].

Разрушительная идея программы Столыпина пугала даже либералов — поборников модернизации по западному типу. Е.Н. Трубецкой писал в 1906 г., что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения... ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он предвидел, что в политическом плане это ведет «к возбуждению одной части крестьянского населения против другой», и предлагал не поддерживать реформу именно из-за того, что она вызовет «раздор и междоусобье в крестьянской среде».

Поощряя приватизацию общинного надела, реформа Столыпина создала раскол на селе. Из общины вышли прежде всего те многоземельные крестьяне, которым при переделе община должна была бы убавить надел согласно их семейному положению. Они «увели» землю из общины, заплатив за излишки по льготной цене, и затем, во многих случаях, продали ее уже по рыночной цене. Другая категория — напротив, малоземельные бедные крестьяне, которые отчаялись прокормиться своим хозяйством и махнули рукой на свой надел. Они тоже часто продавали свою приватизированную землю. Но при этом вовсе не превращались в батраков — не было для их найма достаточно фермеров.

В труде А. Финн-Енотаевского «Обзор экономической жизни России» (СПб., 1911) сказано о результатах реформы: «Все это ведет к обезземеливанию массового крестьянина, что при настоящих условиях имеет своим результатом не столько пролетаризацию, сколько увеличение пауперизма в деревне. Переход земли в единоличную собственность сам по себе еще не делает прогресса в земледелии. Все остальные условия, препятствующие земледельческой культуре, остаются в силе...

Содействуя развитию зажиточного крестьянского хозяйства за счет массового, отнимая у него землю в пользу богатого, толкая массового крестьянина на усиленную ликвидацию своего хозяйства, обезземеливая его в то время, когда наша экономическая жизнь требует увеличения земли у крестьянской бедноты, — этот закон содействует обнищанию широких слоев крестьянства, а вместе с тем и регрессу земледельческой культуры» [8, с. 134—135].

Озлобление крестьян вызвала и переселенческая программа Столыпина, предложение бросить родные места и переселиться в Сибирь вызвало очень резкую реакцию крестьян. Крестьяне Малоярославецкого уезда Калужской губ. написали в Государственную думу такой наказ (20 мая 1906 г.): «Министры отказали нам в земле, прочитали, что частновладельческих земель отчуждать нельзя, а откуда же тогда мы

возьмем землю, без которой нам надо умирать голодной смертью. Министры говорят, что в Азии где-то есть много свободной земли и можно нас туда переселить. А мы понимаем это дело так: спокон веков у нас заведен обычай, что на новое место идет старший брат, а младший остается на корню. Так пускай и теперь поедут в Сибирь или в Азию наши старшие братья, господа помещики-дворяне и богатейшие землевладельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь в России» [2, т. 1, с. 142].

В селе Пушкино Костромского уезда и губ. 28 мая 1906 г. состоялся сход, на который прибыл «полицейский чин», который уговаривал крестьян переселяться в Сибирь. Крестьяне ему ответили, а потом написали в своем приговоре в Государственную думу: «Если вы уже очень хвалите Сибирь, так и переселяйтесь туда сами. Вас меньше, чем нас, а следовательно, и ломки будет меньше. А землю оставьте нам» [2, т. 1, с. 142].

Сход села Яковлево Орловского уезда и губ. написал в мае 1906 г. наказ в Государственную думу: «Мы в кабале у помещиков, земли их тесным кольцом окружили наши деревни, они сытеют на наших спинах, а нам есть нечего, требуйте во что бы то ни стало отчуждения земли у частновладельцев-помещиков и раздачи ее безземельным и малоземельным крестьянам. Казенных земель у нас нет, а переселяться на свободные казенные земли в среднеазиатские степи мы не желаем, пусть переселяются туда наши помещики и заводят там образцовые хозяйства, которых мы здесь что-то не видим» [2, т. 1, с. 143].

Еще хуже обстояло дело у тех крестьян, которые сделали попытку обосноваться на новом месте за Уралом. Вот брошюра «Правда о переселенческом деле» (С.-Пб., 1913). Автор ее — статский советник А.И. Комаров, прослуживший 27 лет в Сибири. Он вышел в отставку, потому что не вынес «такого государственного расхищения или, вернее, разгрома сибирских земель и лесов, пред которым бывшее когда-то расхищение башкирских земель — сущие пустяки».

Этот чиновник — противник революции, социал-демократов и эсеров. Именно поэтому он и предупреждает в своей брошюре об «обратных переселенцах», которых в 1911 г. возвращалось в европейскую Россию в количестве 60% от тех, кто переселялся в Сибирь: «Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, что всю жизнь был батраком, возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать отдельно, и этот человек, справедливо обьятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить, — этот человек ужасен для всякого государственного строя»¹.

Но и те, кому удалось прижиться в Сибири, сыграли «страшную роль» в судьбе Белого движения и лично Верховного правителя России Колчака. 18 мая 1919 г., военный министр Колчака генерал А.П. Будберг записал в дневнике: «Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири... главными районами восстаний являются поселения *столыпинских аграрников*... В зашифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова “перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным”» [9, с. 214].

В приговорах и наказах 1905—1907 гг. крестьяне отвергали реформу Столыпина принципиально и непримиримо. Исследователь массива наказов историк Л.Т. Сенчакова подчеркивает, что в приговорах и наказах нет *ни одного*, в котором выражалась бы поддержка этой реформы. Крестьяне признавали многообразие форм землепользования (общинное, индивидуальное, артельное), но категорически требовали ликвидации помещичьего землевладения без выкупа. Общим было отрицание программы приватизации общинной земли с правом ее купли-продажи.

¹ Это место процитировал Ленин в речи «К вопросу об аграрной политике современного правительства», которую должен был зачитать в Думе большевик-депутат (ему дали зачитать около половины текста).

Крестьяне Костромского уезда и губ. писали в марте 1907 г. во II Госдуму об указе, вводящем в действие реформу Столыпина: «Закон 9 ноября 1906 г. должен быть уничтожен окончательно. Права на земельную частную собственность не должно быть» [2, т. 1, с. 141].

А в обобщенном приговоре крестьян всей Костромской губ., отправленном в Госдуму в те же дни, говорилось: «Требовать отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу наделной земли, так как закон этот через 10—15 лет может обезземелить большую часть населения и наделная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда» [там же].

Именно так, как предполагали костромские крестьяне, и пошел процесс скупки земли в ходе реформы. В своих объяснениях неприятия программы Столыпина крестьяне продемонстрировали удивительные по нынешним временам дальновидность и здравый смысл. Вот как обосновал свое несогласие с Указом волостной сход Рыбацкой волости Петербургского уезда: «По мнению крестьян, этот закон Государственной Думой одобрен не будет, так как он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь и все потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам.

Всей землей правила вся община, и за таковую землю вся община платила подати, несла разного рода повинности и распоряжалась землею, убавляя от многоземельных и прибавляя малоземельным, и потому никто не может требовать себе выдела земли в частную собственность и потому наша волость этого допустить не может. Она не может допустить и мысли, чтобы малосемейные, но многоземельные крестьяне обогащались за счет многоземельных, но малоземельных

крестьян... Государственная дума, мы думаем, не отменит общинного владения землей» [2, т. 1, с. 141—142].

Этот довод против приватизации земли, согласно которому земля есть достояние всего народа и ее купля-продажа нарушает права будущих поколений, в разных вариациях звучит во множестве наказов и приговоров¹. И в разных выражениях крестьяне требуют национализации земли (чаще всего говорится о необходимости создания Государственного фонда). Приговор волостного схода Муравьевской волости Ярославской губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.) гласил: «Мы признаем землю Божьей, которой должен пользоваться тот, кто ее работает; оградите переход земли в одни руки, ибо будет то же, что и теперь, — ловкие люди будут скупать для притеснения трудового крестьянства: по нашему убеждению частной собственности на землю допустить невозможно» [2, т. 1, с. 137].

В июне 1906 г. в I Госдуму был направлен и приговор с. Старой Михайловки Саранского уезда Пензенской губ.: «Мы желаем, чтобы зло земельной частной собственности покончить в один раз и навсегда, как это нам показала история, что вознаграждение ведет к величайшему обнищанию страны и к непосильному гнету для нас крестьян. У нас у всех в памяти кутузки, продажа скота, заушение со стороны властей, слезы жен и детей, которые оплакивали трудами откормленную скотину и продавали с торгов кулаку за недоимки; мы знаем, что землей владеют только тысячи людей, а безземельных миллионы, а поэтому право и желание должно быть по закону на стороне большинства» [2, т. 1, с. 136].

Таково было тогда всеобщее представление крестьян о правильном и справедливом способе владения и пользования землей. Взяв в 1906 г. курс на разрушение общины, при-

¹ Заметим, что в приговорах 1906—1907 гг. речь идет об Указе, всего лишь разрешавшем выход из общины и приватизацию наделной земли. А 14 июня 1910 г. вышел жесткий антиобщинный закон, который обязывал разверстать на индивидуальные участки земли общин, в которых с 1861 г. не производились переделы земли. Таких земель, по оценкам историков, было по России примерно 40%. То есть насильно ликвидировалась почти половина общин.

ватизацию наделной земли и введение ее свободной купли-продажи, государство пошло напролом против ясно выраженной воли подавляющего большинства народа. Это стало источником глубокой ненависти крестьян и к правительству, и к тем социальным группам, которые поддерживали реформу. И ненависть эта не могла исчезнуть или утолиться без решения земельного вопроса.

Земский деятель либерал Д.Н. Шипов писал: «...пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит или, скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти» (цит. в [39]).

Советская власть, как известно, полностью приняла крестьянский наказ, так что община стала основным институтом, проводящим землеустройство, — а распределить надо было 150 млн. десятин земли, которую получили крестьяне по Декрету о земле. Автоматически были устранены арендные платежи, величина которых составляла огромную сумму 700 млн. золотых рублей. Это сразу улучшило положение основной массы крестьян-середняков, которые были главными арендаторами. Крестьянам списали задолженность в Крестьянский банк в размере 1,4 млрд. золотых рублей. И эти шаги вовсе не были тактическими, конъюнктурными. Они вытекали из того нового, преодолевающего догмы марксизма представления о крестьянстве и русской революции, которое созрело в среде большевиков после 1907 г.

Напротив, в этом процессе либералы (кадеты) и эсеры взяли на вооружение принцип *непредрешенчества*. Иными словами, они не выдвигали гласно никакой социальной программы на будущее, даже относительно государственного устройства.

Надо сказать, что даже сегодня, когда от деятелей нашей антисоветской интеллигенции приходится слышать, что Россия начала XX века была «процветающей сельскохозяйственной страной», то даже у многих внуков крестьян снова под-

нимается ненависть к этой несправедливости. Я, например, зная от матери реальность жизни крестьянского двора, не могу примириться с такими деятелями, какого бы цвета флагом они над собой ни размахивали.

Давайте же прочитаем хотя бы краткую выжимку из статьи известных экономистов-агров Н. Якушкина и Д. Литовченко в самом распространенном в России энциклопедическом словаре 1913 г.:

Новый энциклопедический словарь. Под общ. ред. акад. К.К.Арсеньева. Т.14. СПб.: Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон, 1913.

«Голод в России. ...Вплоть до середины XIX в. наименее обеспеченными хлебом и наиболее страдавшими от голодовок являются губернии белорусские и литовские... Но уже с середины XIX в. центр голодовок как бы перемещается к востоку, захватывая сначала черноземный район, а затем и Поволжье. В 1872 г. разразился первый самарский голод, поразивший именно ту губернию, которая до того времени считалась богатейшей житницей России. И после голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, Нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XIX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 98 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)...

Каковы же причины современных русских голодовок? Подвоз хлеба в нуждающиеся местности в XX в. уже не встре-

чает тех затруднений, как в старое время... Причина современных голодовок не в сфере обмена, а в сфере производства хлеба, и вызываются прежде всего чрезвычайными колебаниями русских урожаев в связи с их низкой абсолютной величиной и недостаточным земельным обеспечением населения, что, в свою очередь, не дает ему возможности накопить в урожайные годы денежные или хлебные запасы... По известным расчетам Мареса в черноземной России 68% населения не получают с наделных земель достаточно хлеба для продовольствия даже в урожайные годы и вынуждены добывать продовольственные средства арендой земель и посторонними заработками... Исключительная неустойчивость русских урожаев объясняется, прежде всего, неблагоприятными климатическими условиями... При низкой абсолютной величине урожаев, неустойчивость их, как следствие неблагоприятных климатических условий, является основной причиной наших частых голодовок. Ослабление зависимости крестьянского хозяйства от неустойчивости урожаев является поэтому одним из главнейших способов устранения голодовок. Отчасти наблюдающаяся неустойчивость урожаев, независимо от климатических условий, объясняется низким уровнем земледельческой техники... Но поскольку неустойчивость урожая есть явление, вообще свойственное зерновым культурам, избавить от риска недорода может только интенсификация земледелия, полный или частичный переход к многополью, введение в севооборот разнообразных, по преимуществу промышленных культур. В этом отношении положение крестьянского хозяйства очень медленно изменяется... Для всей массы земледельческого населения России, особенно черноземной полосы, общим фоном по-прежнему остается трехпольное хозяйство со всеми опасностями экстенсивной зерновой культуры...

С другой стороны, значение неустойчивости зернового хозяйства имеет как будто тенденцию увеличиваться под влиянием вовлечения крестьянского хозяйства в меновой

оборот. Из зерновых культур наибольшей абсолютной устойчивостью урожаев отличаются пшеница и ячмень. Между тем, под влиянием спроса на мировом рынке именно эти хлеба имеют тенденцию расширяться за счет наиболее устойчивых ржи и овса. Внедрение денежных отношений в крестьянское хозяйство оказывает воздействие на народное продовольствие и в других отношениях. Увеличение нужды в деньгах для уплаты налогов, аренды и для удовлетворения собственных потребностей заставляет крестьянина выносить на рынок все большее количество произведений своего хозяйства. В результате на рынок вывозится осенью даже тот хлеб, который затем весной самим же крестьянам приходится выкупать обратно. Вся разница в осенних и весенних ценах ложится на крестьянское хозяйство как следствие такой своеобразной залоговой операции. И поскольку общая совокупность неблагоприятных экономических условий заставляет прибегать к ней все более широкие и менее обеспеченные собственным хлебом группы крестьянских хозяйств, постольку возрастает возможность возникновения острой продовольственной нужды. Еще важнее общее значение перехода крестьянского хозяйства от натурального строя к денежно-меновым отношениям. Прежде всего сокращается значение натуральных хлебных запасов, которые раньше, переходя от урожайных годов к неурожайным, ослабляли силу продовольственной нужды... Подводя итоги, можно сказать, что русские голодовки являются следствием неблагоприятного сочетания общественных, экономических и климатических условий».

В одной недавней книге о реформе Столыпина подмечена красноречивая деталь: «Когда началась подготовка к реставрации капитализма в СССР, то из всех библиотек стали исчезать книги о голоде в России и о питании народа. Я приведу ряд названий, но половина из них исчезла из основного фонда даже в Ленинке, правда, они остались в каталоге (думаю, после «ремонта» Ленинки они исчезнут и оттуда».

Далее автор приводит список из 21 книги [8, с. 54].

Во время перестройки С. Говорухин написал книгу и снял фильм «Россия, которую мы потеряли». Он, по-моему, прекрасно показывает (сам того не понимая) истоки ярости крестьян, которая прорвалась во время революции и Гражданской войны. Вот, С. Говорухин дает описание витрины Елисеевского магазина: «Жирные остендские устрицы, фигурно разложенные на слое снега, огромные красные омары и лангусты». И тут же — крик боли за поруганную большевиками родину, лишенную омаров: «Ну, хватит, наверное. Похоже на издевательство над нашим человеком». Какой же вывод делает сценарист из списка цен и доходов? Что Россия в целом якобы была благополучным обществом, а втянувшиеся в революцию рабочие, которые на свою зарплату могли зажрать-ся (мясо — 15 копеек за фунт), взбесились с жиру¹.

Взвесим реальность более верными гирыми. Надо отметить, что достоверная информация о реальной жизни крестьян доходила до общества от военных. Они первыми забили тревогу из-за того, что наступление капитализма привело к резкому ухудшению питания, а затем и здоровья призывников в армию из крестьян. Будущий главнокомандующий генерал В. Гурко привел данные с 1871 по 1901 г. и сообщил, что 40% крестьянских парней впервые в жизни пробуют мясо в армии. Генерал А.Д. Нечволодов в известной книге «От разорения к достатку» (1906) приводит данные из статьи ака-

¹ В своем сценарии С. Говорухин пошел, кстати, на обычное для антисоветской пропаганды вранье. Он пишет о зарплате рабочих: «Слесарь получал 74 руб. в месяц, профессиональный рабочий — 344 руб.» (слесарей режиссер считает рабочими-любителями?). В действительности имеется надежная статистика номинальной и реальной (в «товарных» рублях) зарплаты рабочих, включая сверхурочную работу, по 20 отраслям промышленности. Данные эти, в частности, приведены в работе Б. Граве «Состав рабочего класса и заработная плата в России в годы войны», перепечатанной в книге «Экономическое развитие России» (1928 г.) [43]. Согласно этим данным, «номинальный месячный заработок в бумажных рублях» составлял для фабрично-заводских рабочих в среднем для России в 1913 г. 22 рубля. Реальная зарплата «в товарных рублях» во втором полугодии 1916 г. составляла 85% от уровня 1913 г. Но даже и в бумажных рублях она выросла всего до 45 руб. Какие там 344 рубля!

демика Тарханова «Нужды народного питания» в «Литературном медицинском журнале» (март 1906), согласно которым русские крестьяне в среднем на душу населения потребляли продовольствия на 20,44 руб. в год, а английские — на 101,25 руб. Полезно бы это было прочесть С. Говорухину, который расписывает «жирные остендские устрицы» в столичных магазинах «России, которую мы потеряли».

В результате реформы Столыпина и расширения экспорта зерна существенно сократилось животноводство и повысились цены на мясо. В статье «Обзор мясного рынка» («Промышленность и торговля», 1910, № 2) сказано: «Все увеличивающаяся дороговизна мяса сделала этот предмет первой необходимости почти предметом роскоши, недоступной не только бедному человеку, но даже и среднему классу городского населения». А крестьяне ели мяса намного меньше, чем в городе.

Именно из-за недостаточного потребления белковых продуктов, и особенно мяса, жители Центральной России стали в начале XX века такими низкорослыми. В Клинском уезде Московской губ. в 1909 г. мужчины к окончанию периода роста — 21 году — имели в среднем рост 160,5 см, а женщины 147 см. Более старшее поколение было крупнее. Мужчины 50—59 лет в среднем имел рост 163,8 см, а женщины 154,5 см [8, с. 136, 152].

Как писал Л.Н. Толстой, в России голод наступает не когда хлеб не уродился, а когда не уродилась лебеда. Скучно протопить избу обходилось крестьянину в 20 рублей, а денег у него не было. Вот, объехал Толстой четыре черноземных уезда Тульской губернии, обошел почти все дворы. В статье «О голоде» он пишет: «Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, — с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные... Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому

она несъедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют. Здесь бедные дворы доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим».

Каков же главный вывод Толстого? В том, что причина — *неправильное устройство жизни*: «Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было! И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!».

Вот именно отсюда жирные остендские устрицы, и в этом — суть той больной России, о которой мечтает С. Говорухин. И Толстой, как зеркало русской революции, так прямо и сказал: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». Это сказал великий писатель, а рабочие, которые на месячную зарплату якобы могли купить по тонне мяса, его поняли и устроили революцию. Они посчитали, что эта жизнь — против совести. Революция, как бы она ни была ужасна, была именно спасением корня России — грубо, жестоко совершенным, почти без помощи культурного слоя.

Чтобы хоть приблизительно представить себе, как питались в предреволюционные (довоенные) годы рабочие и крестьяне России, можно сравнить их рацион с тем, который мы еще приблизительно помним и который, кстати, считался скудным, — с рационом 1986 г. Если вчитаться в следующую ниже таблицу, то видно, что разница колоссальная. Не чуть-чуть меньше мяса, молока и сахара, а меньше *во много раз*, чем то, что мы считаем нормальным (и даже недостаточным) для человека. Тем более для человека, занятого тяжелым физическим трудом.

Потребление продуктов питания в семьях рабочих и крестьян в дореволюционный период и в 1986 г. (по материалам обследования семейных бюджетов; на душу населения в год, кг)*

	Рабочие		Крестьяне (колхозники)	
	До революции	1986 г.	До революции	1986 г.
Мясо и мясопродукты	22,5	82,2	14,9	58,7
Молоко и молочные продукты	87,0	340,9	107,0	350,7
Яйца, шт.	53	277	33	294
Рыба и рыбопродукты	14,5	21,2	5,5	14,8
Сахар	9,4	35,3	3,0	41,3
Картофель	90,2	92,1	77,7	142,9
Овощи и бахчевые	41,0	82,5	25,5	96,1
Хлебные продукты	174,3	87,2	256,0	150,1

* Примечание. Сравниваются семейные бюджеты семей рабочих городов Петербурга (Ленинграда), Ногинска и Фурманова, крестьян (колхозников) Вологодской, Кировской, Воронежской и Харьковской областей [10].

Тяжелое материальное положение крестьян в начале XX века породило острую *духовную* проблему. Толстой не раз писал, что к этому времени произошло знаменательное и для правящих кругов неожиданное повышение нравственных запросов крестьянства. Он писал в 1895 г.: «В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой» [11].

Главное было в том, что принципиально менялись представления о *справедливости*. В прошлом крестьянские бунты и восстания были следствием нарушения помещиками и чиновниками межсословных «договоров», невыполнения их традиционных обязанностей. Крестьяне бунтовали против «злых поме-

щиков» и «злых бояр», но не против самого устройства сословного общества и тем более не против монархии. В 70—80-е годы XIX века крестьяне зачастую сами вязали и сдавали в полицию агитаторов, которые «шли в народ» и пытались объяснить несправедливость всего общественного строя. Теперь, в начале XX века, крестьяне стали считать несправедливым и нетерпимым само социальное *неравенство*.

Проблема *осознания* массами объективной реальности и определения привычной несправедливости как *зла* исключительно важна для объяснения процессов созревания революции и выработки советского проекта, актуальна она для нас и сегодня. Реформа 1861 г., как она была проведена, «включила» этот процесс осознания. Наказы и приговоры крестьян, затрагивающие темы человеческого достоинства, поражают своим глубоким эпическим смыслом — сегодня, в нашем нынешнем моральном релятивизме, даже не верится, что неграмотные сельские труженики на своих сходах могли так поставить и сформулировать вопрос.

Крестьяне России переросли сословное устройство общества, они обрели именно *гражданское* чувство. Судя по многим признакам, оно им было присуще даже в гораздо большей степени, нежели привилегированным сословиям. 12 июля 1905 г. крестьяне с. Ратислова Владимирской губ. составили приговор, в котором содержался такой пункт: «Третья наша теснота — наше особое, крестьянское положение. До сих пор смотрят на нас, как на ребят, приставляют к нам нянек, и законы-то для нас особые; а ведь все мы члены одного и того же государства, как и другие сословия, к чему же для нас особое положение? Было бы гораздо справедливее, если бы законы были одинаковы, как для купцов, дворян, так и для крестьян равным образом и суд был бы одинаков для всех» [2, т. 2, с. 251].

Когда читаешь эти приговоры и наказания в совокупности, то видишь, что революция означала для крестьян переход в качественно иное духовное состояние. Их уже нельзя было удовлетворить какими-то льготами и «смягчениями» — тре-

бование свободы и гражданских прав приобрело экзистенциальный, духовный характер, речь велась о проблеме бытия, имевшей даже религиозное измерение. *«Желаем, чтобы все перед законом были равны и назывались бы одним именем — русские граждане».*

В очень большом числе наказов крестьяне подчеркивали, что свобода (или воля) для них важна в той же степени, что и земля: «без воли мы не сможем удержать за собой и землю». В наказе Иванцевского сельского общества Лукояновской вол. Нижегородской губ. во II Госдуму (апрель 1907 г.) говорилось: «Мы прекрасно знаем, что даже если мы добьемся земли, подоходного налога, всеобщего обязательного дарового обучения и замены постоянного войска народным ополчением, все-таки толку будет мало, потому что правительство может все это от нас снова забрать. Поэтому нам необходима широкая возможность защищать наши права и интересы. Для этого нам надо, чтобы была предоставлена полная свобода говорить и писать в защиту своих интересов и в обличение всякой неправды властей и мошенничеств богатеев, свободно устраивать собрания для обсуждения наших нужд, составлять союзы для защиты наших прав. Требуя полной воли, мы желаем, чтобы никто в государстве не мог быть посажен в тюрьму по усмотрению властей, не мог быть подвергнут обыску без дозволения суда — словом, чтобы была полная неприкосновенность личности и жилища всех граждан. А чтобы судьи были справедливы, не потакали властям и в угоду им не притесняли граждан обысками и арестами, мы требуем, чтобы они не были подвластны начальству: пусть их выбирает весь народ и пусть за неправые дела их можно привлекать по суду» [2, т. 2, с. 256].

Таким образом, в отличие от того, что приходилось слышать во время перестройки от наших либеральных идеологов (например, А.Н. Яковлева), понимание *воли* у крестьян вовсе не было архаичным. В нем, конечно, отвергалась идея разделения человечества на «атомы» (*индивиды*), представление о человеке было общинным, но это представление вполне вме-

щало в себя гражданскую концепцию прав и свобод. В рамках мироощущения традиционного общества крестьяне России в начале XX века имели развитые и одинаково понимаемые в пределах России представления о гражданских свободах.

Вот что сказано в принятом 31 июля 1905 г. приговоре Прямухинского волостного схода Новоторжского уезда Тверской губ.: «Крестьяне давно бы высказали свои нужды. Но правительство полицейскими средствами, как железными клещами, сдавило свободу слова русских людей. Мы лишены права открыто говорить о своих нуждах, мы не можем читать правдивое слово о нуждах народа. Не желая дольше быть безгласными рабами, мы требуем: свободы слова, печати, собраний» [2, т. 2, с. 254].

Как известно, правящая верхушка в то время категорически отвергла требование введения бессословности. Было вполне правильно понято, что это изменение «сознательно или бессознательно» ведет Россию к ликвидации монархии и установлению республиканского строя, ибо именно сословность является одной из важнейших опор монархии.

После 1905 г. крестьяне стали нетерпимы и к привычным ранее издевательствам начальников — короткий миг революционного разрыва с господствующими кругами преобразил представление крестьян о самих себе. Вот приговор из Арзамасского уезда Нижегородской губ. в губернское земское собрание: «Мы, крестьяне села Криуши, не желаем, чтобы над нами и нашим старостой издевались разные стражники, урядники и господа земские начальники; чтобы они то и дело сажали в каталажку (не за то ли, что с нас жалованье получают, что мы на них работали, не зная отдыха ни зимой, ни летом, не имея часто денег на самые необходимые нужды, даже на керосин), они же грозят казаками» [2, т. 1, с. 193].

Особой причиной для назревания ненависти крестьян (как и рабочих и особенно интеллигенции) была образовательная политика государства. В целом, под давлением наступающего на Россию капитализма западного типа, правящая верхушка в начале XX века взяла курс на создание шко-

лы «двух коридоров» по западному образцу. Иными словами, на превращение школы, имеющей целью воспроизводство народа, в школу, «производящую» классы.

Однако в отношении крестьян образовательная политика царского правительства поражает совсем уж дискриминационным характером. Крестьян-общинников, которые получали образование, согласно законодательству, действовавшему до осени 1906 г., исключали из общины с изъятием у них наделной земли. Крестьянин реально не мог получить даже того образования, которое прямо было ему необходимо для улучшения собственного хозяйства, — в земледельческом училище, школе садоводства и др., поскольку окончившим курс таких учебных заведений присваивалось звание *личного почетного гражданства*. Вследствие этого крестьянин формально переходил в другое сословие и утрачивал право пользования наделной землей. Лишались такие крестьяне и права избирать и быть избранными от крестьянства. Как пишет Л.Т. Сенчакова, «понятие *образованные крестьяне* выглядело логическим абсурдом: одно из двух — или образованные, или крестьяне» [2, т. 1, с. 180].

Содержание сельских школ (земских и церковно-приходских) почти целиком ложилось на плечи самих крестьян (помещение, отопление, квартиру учителю, сторож), а уровень обучения был очень низким. В приговоре в I Госдуму схода Спасо-Липецкого сельского общества (Смоленская губ., 4 июня 1906 г.) говорилось: «Страдаем мы также от духовной темноты, от невежества. В селе у нас есть церковная школа, которая ничего населению не приносит. Обучение же в ней с платой (за каждого ученика вносится 1 р. денег и воз дров, а также натурой). Те скудные знания, которые дети получают в школе, скоро забываются. О библиотеках и читальнях и помину нет» [2, т. 1, с. 185].

Более того, в среде крестьян сложилось устойчивое убеждение, что правящие круги злонамеренно препятствуют развитию народного просвещения и образования. В приговоре в I Госдуму схода крестьян с. Воскресенского Пензенско-

го уезда и губ. (июль 1906 г.) сказано: «Все начальники поставлены смотреть, как бы к мужикам не попала хорошая книга или газета, из которой они могут узнать, как избавиться от своих притеснителей и научиться, как лучше устраивать свою жизнь. Такие книги и газеты они отбирают, называют их вредными, и непокорным людям грозят казаками» (там же).

Вот еще маленький штрих: крестьяне стали глубоко переживать тот факт, что их детям приходилось в раннем возрасте выполнять тяжелую полевую работу. Так, в заявлении крестьян д. Виткулово Горбатовского уезда Нижегородской губ. в Комитет по землеустроительным делам (8 января 1906 г.) сказано: «Наши дети в самом нежном возрасте 9—10 лет уже обречены на непосильный труд вместе с нами. У них нет времени быть детьми. Вечная каторжная работа из-за насущного хлеба отнимает у них возможность посещать школу даже в продолжение трех зим, а полученные в школе знания о боге и его мире забываются, благодаря той же нужде» (там же).

Мой дед был казак-бедняк из Семиречья, у него было семеро детей. Мать рассказывала, что старшим приходилось работать с отцом в поле уже с 5—6 лет. Детский организм не выдерживает длительного труда, даже если он кажется не таким уж тяжелым — целый день присматривать за младшими, пока мать в поле. К концу дня дети навзрыд плакали просто от усталости — и отец их плакал над ними. Так же было дело и с их сверстниками на соседних полях. Изменить это положение стало нравственным и даже религиозным долгом крестьян.

Ощущение безысходности стало в России причиной такой социальной болезни, как *алкоголизм*. В начале XX века русскими врачами и социологами было проведено несколько больших исследований алкоголизма в России. Их результаты приведены в статье социолога Ф.Э. Шереги [16]. Тогда пресса говорила о «вырождении русского народа» по причине «массовых недородов, алкоголизма, сифилиса». Согласно официальной статистике, из 227 158 призывников 1902—1904 гг. по причине «наследственного алкоголизма» было браковано 19,5%.

В вышедшей в 1909 г. книге «Алкоголизм и борьба с ним» ее редактор М.Н. Нижегородцев писал: «Первая коренная группа причин алкоголизма масс заключается в условиях экономических (отрицательные стороны капиталистического строя и аграрных условий), санитарно-гигиенических (пища, жилище и пр.), правовых и нравственных в более тесном смысле слова (недовольство своим личным, гражданским и политическим положением)».

Историки, а тем более нынешние идеологизированные публицисты избегают говорить о том глубоком нравственно-психологическом кризисе, который повлекла за собой реформа, превратившаяся в насильственное разрушение крестьянской общины как центра жизнеустройства. Ведь одной из важных функций общины было служить инстанцией, задающей в деревне иерархию авторитетов и культурных норм, налагающей быстрые и непререкаемые санкции за нарушение этих норм крестьянского общежития. Разрушение общины при одновременном быстром и глубоком обеднении масс населения вызвало вспышку массового насилия. Журнал «Нива» писал в 1913 г. о неведомой ранее тяжелой социальной болезни России — деревенском *хулиганстве*:

«О том, что такое хулиганство и каковы его корни, не имеют даже приблизительного представления ни публицисты, которые пишут громовые статьи, ни администраторы, сочиняющие о нем канцелярские проекты. И те, и другие называют хулиганство чисто деревенским озорством. Но это озорство убийц и разрушителей, оперирующих ножом и огнем. В буйных проявлениях своих оно связано с абсолютным отсутствием каких бы то ни было нравственных и гражданско-правовых условий. Ничто божественное и человеческое уже не сдерживает...

Несомненно, во всероссийском разливе хулиганства, быстро затопляющего мутными, грязными волнами и наши столицы, и тихие деревни, приходится видеть начало какого-то болезненного перерождения русской народной души, глубокий разрушительный процесс, охватывающий всю нацио-

нальную психику. Великий полуторастамиллионный народ, живший целые столетия определенным строем религиозно-политических понятий и верований, как бы усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя, без всякой нравственной опоры. Прежние морально-религиозные устои, на которых держалась и личная, и гражданская жизнь, чем-то подорваны... Широкий и бурный разлив хулиганства служит внешним показателем внутреннего кризиса народной души» [17].

Деморализация общества, вызванная подрывом традиционных оснований жизни, была столь глубока, что видный деятель земства Д.Н. Шипов считал даже, что революция стала необходимой для возрождения общества, и чем скорее она произойдет, тем менее разрушительной станет. И так думал не только либерал Шипов. В июне 1905 г. в Петербурге прошло совещание 26 губернских предводителей дворянства, которое поддержало требования земцев о проведении конституционных реформ. В записке, поданной царю, содержалась важная и глубокая мысль: «Роковое стечение обстоятельств таково, что, если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости» (цит. в [7, с. 156]).

Революция 1905—1907 гг. была лишь первой пробой сил крестьянского коммунизма. Она не достигла всех своих целей, но стала «университетом» для рабочих и крестьян. Никакой подавленности и униженности во взглядах крестьян после поражения революции не наблюдается — они именно рассматривают будущую борьбу как трагическую, но все более неизбежную альтернативу. И в этом нет никакого чувства мести, а осознание того, что у народа, видимо, не будет иного пути, как «временно впасть в пучину бедствий».

Наказ крестьян с. Никольского Орловского уезда и губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.) гласит: «Если депутаты не истребуют от правительства исполнения народной воли, то народ

сам найдет средства и силы завоевать свое счастье, но тогда вина, что родина временно впадет в пучину бедствий, ляжет не на народ, а на само слепое правительство и на бессильную думу, взявшую на свою совесть и страх действовать от имени народа» [2, т. 2, с. 271].

Во многих приговорах и наказах крестьяне предупреждают, что их надежда на Государственную думу — последняя. Если она окажется бессильной, то переход к борьбе с применением насилия станет неизбежным. Так, сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков» [2, т. 2, с. 272]¹.

После 1905 г. легитимность монархического государства в сознании крестьян была резко ослаблена. В своих наказах и приговорах крестьяне разумно не упоминали самого царя, однако их отношение к монархическому бюрократическому строю выражалось вполне определенно. Вот, например, приговор крестьян деревень Назаровка и Ильинская Юрьевецкого уезда Костромской губ., направленный в Госдуму в июне 1906 г. В нем сказано о царской бюрократии так: «Эта сытая, разжиревшая на чужой счет часть общества в безумстве своем роет сама себе яму, в которую скоро и впадет. Она, эта ненасытная бюрократия, как все равно утопающий, хочет спастись, хватавшись за соломинку, несмотря на верную свою гибель» [2, т. 2, с. 236].

¹ Надо отметить, что даже помещики, жившие «на земле», выступали против волны репрессий, начатых после 1905 года. В 1906 г. помещики Дона обратились к министру внутренних дел с петицией, говоря о карателях: «Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невинными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

А вот наказ крестьян и мещан Новооскольского уезда Курской губ. в Трудовую группу I Госдумы (июнь 1906 г.). По степени холодной ненависти к правительству этот текст можно считать настоящим манифестом. И поскольку подобные указы, в огромном количестве поступившие в Государственную думу, были прекрасно известны правительству и не побуждали его к поиску компромисса с крестьянством, следует считать, что со стороны правящих кругов готовность к гражданской войне вполне созрела. Вот формулировки из упомянутого наказа: «Само правительство хочет поморить крестьян голодной смертью. Просим Государственную думу постараться уничтожить трутней, которые даром едят мед. Это министры и государственный совет запутали весь русский народ, как паук мух в свою паутину; мухи кричат и жужжат, но пока ничего с пауком поделывать нельзя» [2, т. 2, с. 237].

Свое отношение к тем порядкам, которые даже сословное самоуправление (земство) превратили в инструмент угнетения, они четко выражали и на языке социальных интересов, и на языке духовных ценностей. Вот два красноречивых, но совершенно типичных приговора.

Крестьяне Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губ. пишут в ноябре 1905 г.: «Волостное правление служит не нам, а мы принуждены служить ему; когда мы вздумали заявить ему о нашей нужде нашей земской управе, о том, что кругом нас лишь надувают и обирают, что на обсеменение нам дали почти наполовину семян невсхожих, что нам грозит и на будущий год неурожай, что становые да урядники за подати и штрафы готовы последний кусок у полуголодных ребятишек наших изо рта вырвать, — так что с нами хотят сделать земский начальник с волостным правлением? Он приказал арестовать нашего уполномоченного собирать подати, он обещал засадить в холодную всех, подписавших эту бумагу! Это что значит? Это значит, что у нас, у холодных и голодных, у темных вырывают кусок хлеба и в то же время не дают никакой возможности никому голоса своего подать. Это значит, что нас сознательно толкают в могилу

от голодной смерти, а мы слова не могли сказать против этого!» [2, т. 1, с. 171]¹.

А вот приговор сельского схода дер. Коптевка Богородицкого уезда Тульской губ. в Трудовую группу I Госдумы (июль 1906 г.): «Мы не можем защищать своих интересов даже совершенно мирными средствами: наши мирные села превращаются в военные лагеря, а нас ставят в положение покоренного народа, с которым можно во всякое время расправиться шашками и нагайками, прикрываясь готовностью служить порядку и закону. Произвол и беззаконие свили себе прочное гнездо в наших бедных деревушках, над которыми витают кровавые призраки убитых за то, что они осмелились просить кусок хлеба» [2, т. 1, с. 172].

Те наказания, которые крестьяне составляли на сельских и волостных сходах, сослужили неоценимую службу для развития самосознания подавляющего большинства народа благодаря тому «эху», которое вызывали эти документы. Дело в том, что крестьяне и сами передавали свои наказания в газеты, и просили об этом своих депутатов. Газета «Право» писала в 1906 г.: «Особенный эффект производился, когда получалась газета с напечатанным местным приговором. Это вызывало немедленное составление нескольких приговоров другими деревнями, сходных с напечатанным по содержанию, но имевших всегда и некоторые отличия сообразно с местными условиями и носивших следы оригинального творчества» [2, т. 1, с. 90—91].

Большую известность приобрел приговор сельского схода крестьян с. Маркова Московской губ. Там осенью 1905 г. крестьяне учредили у себя «республику», избрали «правительство» и перестали выполнять распоряжения властей.

¹ При этом надо учесть, что все расходы земства на уровне волости несли исключительно крестьяне — из мирских сборов, хотя волостными учреждениями пользовались и помещики. Кстати, земля крестьян была обложена земскими сборами вдвое большими, чем земля помещиков, а церковные и монастырские земли были вообще освобождены от сборов. Так что крестьяне оплачивали не только всю волостную и сельскую администрацию, суд и охрану, но и репрессии против них самих, например, такую статью расходов как «высылка в Сибирь порочных членов общества».

Приговор этот был напечатан во многих газетах, а потом вышел в издательстве «Колокол» отдельной брошюрой тиражом почти полмиллиона экземпляров. Он попал и за границу и был напечатан в газетах Франции и США под заголовком «Крестьянский манифест» [2, т. 1, с. 93].

Легальная борьба крестьян в виде кампании петиций, наказов и приговоров, посылаемых в Государственную думу, показала высокую степень зрелости крестьянских представлений о желаемом жизнеустройстве, их общность для всей территории Центральной России и непреклонность в намерении идти в достижении своих целей до конца.

Об этом опыте кадет Н.А. Гредескул писал, споря с авторами «Вех», которые считали русскую революцию интеллигентской: «Нет, русское освободительное движение в такой мере было “народным” и даже “всенародным”, что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно “проникло” всюду, до последней крестьянской избы, и оно “захватило” всех, решительно всех в России — все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло “ураганом”, или, если угодно, “землетрясением” через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция всего народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение» [12, с. 254].

Так виделось первое массовое политическое движение, «собранное» на матрице общинного крестьянского коммунизма до его интеграции с социалистическими учениями, опиравшимися на Просвещение.

Глава 2. СОЕДИНЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО КОММУНИЗМА С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ УЧЕНИЕМ

Историю социалистических учений в России мы знаем гораздо лучше, чем историю крестьянского общинного коммунизма (само это понятие в приложении к России ввел Макс

Вебер, и его «Русские студии» стали для нас доступны недавно). Поэтому здесь мы коротко остановимся именно на моменте того соединения социалистических учений с крестьянским коммунизмом, которое и привело к возникновению той конструкции, которую называли *русским коммунизмом*. Иногда его называем, коротко, *большевизмом* или *марксизмом-ленинизмом*, но это более размытые понятия, и их смысл надо соотносить с тем контекстом, в котором их применяют.

Например, важный и радикальный «проект Троцкого», оказавший большое влияние на ход советской революции, какое-то время был составной частью большевизма и часто считается частью истинного марксизма-ленинизма (в отличие от «проекта Сталина»), но мы его не включим в систему русского коммунизма, т.к. он несовместим с общинным крестьянским коммунизмом.

Социокультурной общностью, которая послужила посредником, соединившим общинное крестьянство с социалистическими группами (в основном эсерами и большевиками), были молодые грамотные рабочие, недавно перебравшиеся работать в промышленности и не потерявшие связи с деревней. К моменту революции 1917 г. общая численность рабочего класса в России оценивалась в 15 млн. человек — примерно 10% всего населения. Но к этой категории тогда причисляли и сельский пролетариат (около 5 млн. человек), и городскую бедноту. Историки пытались уточнить число рабочих, выделив разные его составляющие. В результате считают, что рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн.

В подавляющем большинстве они были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами. В 1905 г. половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках». С другой стороны, много молодых крестьян прибывало в город на сезонные работы,

когда в городе не хватало рабочей силы. Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Городской рабочий начала XX века говорил и одевался примерно так же, как и крестьянин, в общем, был близок к нему по образу жизни и по типу культуры¹. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне.

Эти рабочие еще не превратились в класс (*пролетариат*) и в общественном сознании причислялись к *трудовому* люду («Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой»). Для того, чтобы класс возник, требуется, чтобы принадлежащие к нему люди сами считали себя классом. Маркс даже выработал сложную пару понятий — «класс в себе» и «класс для себя». Рабочие, которые не осознали себя классом, это еще не класс, это «класс в себе» — то «сырье», которое еще надо подвергнуть специальной обработке, чтобы получился класс. В России сословное общество стало распадаться лишь в конце XIX века, и классы возникнуть не успели.

В сословном российском обществе начала XX века понятие класса не обозначало социальных сущностей. Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «В мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным, реакционным классом» [18, с. 88—89]. Таким образом, в России под «пролетариатом» понимался не класс, а именно народ, за исключением очень небольшой, неопределенной группы «буржуев».

В реальной политической практике большевики на первом этапе обращались именно к *народному*, а не *классовому*,

¹ Многие наблюдатели отмечали даже странное на первый взгляд явление: рабочие в России начала века «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были более крестьянами, чем те, кто остался в деревне.

чувству — потому что народное чувство было ближе и понятнее людям. Так, Ленин писал в листовке «Первое мая» (1905 г.): «Товарищи рабочие! Мы не позволим больше так надругаться над русским народом. Мы встанем на защиту свободы, мы дадим отпор всем, кто хочет отвлечь народный гнев от нашего настоящего врага. Мы поднимем восстание с оружием в руках, чтобы свергнуть царское правительство и завоевать свободу всему народу... Пусть первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания,— давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на тирана... Пусть вооружится весь народ, пусть дадут ружье каждому рабочему, чтобы сам народ, а не кучка грабителей, решал свою судьбу» [19].

Этот единый народ рабочих и крестьян и был *гражданским обществом* России, ядром всего общества, составленным из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Оно было отлично от западного гражданского общества тем, что представляло из себя *Республику трудящихся*, в то время как ядро западного общества представляло собой *Республику собственников*. Сословные «оболочки» российского общества (дворяне, буржуазия, чиновничество) утрачивали жизненные силы и даже в краткосрочной перспективе должны были занять подчиненное положение, как это и произошло поначалу в советское время.

Современные исторические исследования массового сознания крестьян, проведенные путем изучения большого массива документов 1905—1907 гг. (наказов, приговоров и петиций), подводят нас к важному выводу о причинах того разрыва внутри революционного социалистического движения, который привел и к трагедии Гражданской войны. Сейчас эти причины видятся таким образом.

Революционная интеллигенция, которая вырабатывала идеологию, стратегию и тактику русской революции, получила европейское образование и в начале XX века находилась под сильнейшим влиянием марксизма. Согласно тому видению истории, которое исходило из представления о «стол-

бовой дороге цивилизации» как смене социально-экономических формаций, на той стадии развития, на котором находилась Россия, революционным классом должна была быть буржуазия и помогающий ей пролетариат. Именно они рассматривались как носители прогресса и модернизации. Главной задачей революции в России, которая, следовательно, могла быть только буржуазной, являлось свержение монархии, устранение сословных перегородок, ликвидация барьеров на пути свободного развития капитализма в деревне и городе. В такой революции крестьянство как консервативная монархическая сила, опора традиционного общества, виделось противником главных устремлений революции.

Впоследствии, когда крестьянство будет разложено на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, а капитализм в России исчерпает возможности служить мотором развития производительных сил, созреют условия для социалистической пролетарской революции. В такой схеме и в таких категориях мыслили все течения социалистической мысли.

Ленин первый перешел к принципиально иной модели, объясняющей природу русской революции и место в ней крестьянства. Но и он «приходил к ленинизму» трудно, с отступлениями и противоречиями, традиционное сословное российское общество считалось архаичным и противопоставлялось гражданскому обществу. Такое видение сохранилось и сегодня, и наши нынешние либералы и демократы не далеко ушли в этом от кадетов и меньшевиков.

Более того, это «русское гражданское общество» было очень развитым и в смысле внутренней организации. Если на Западе после рассыпания общин и превращения людей в «свободные атомы» потребовалось около двух веков для того, чтобы из этой человеческой пыли начали складываться *ассоциации* для ведения борьбы за свои права и интересы (партии, профсоюзы и т.д.), то Россия эти структуры унаследовала от своей долгой истории.

Такой структурой, принимавшей множественные и очень гибкие формы, была *община*, пережившая татарское иго и

феодализм, абсолютизм монархии и наступление капитализма. Маркс замечательно уловил эту роль русской общины, но не успел развить эту важную мысль. Соединение граждан огромного революционного народа в общины сразу создавало организационную матрицу и для государственного строительства и самоуправления, и для поиска хозяйственных форм с большим потенциалом развития.

Не в вялой русской буржуазии, которая уже не могла повторить рывка «юной» буржуазии Запада, и не в мифическом «пролетариате», собственнике и продавце рабочей силы, какого в России и в помине не было, следовало эсерам и меньшевикам видеть субъекта русской революции, а в этом огромном и едином *народе*, носителе гражданского сознания. Но эсеры и меньшевики слишком верили западным авторитетам и считали, что в отсталой России рано думать о социалистической революции, надо сначала укрепить капитализм.

Надо сказать о том культурном типе, который представлял из себя молодой грамотный русский рабочий начала XX века. Он не просто обладал большой тягой к знанию и чтению, которая была вообще характерна для пришедших из деревни рабочих. Русский рабочий одновременно получил три типа литературы на пике их зрелости — русскую классическую литературу «золотого века», оптимистическую просветительскую литературу эпохи индустриализма и столь же оптимистическое обществоведение марксизма. Это сочетание во времени уникально. А.А. Богданов в 1912 г. писал, что в те годы в России в заводских рабочих библиотеках были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Дарвина или «Астрономия» Фламмарiona — и они были зачитаны до дыр. В заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

С конца XIX века Россия стала мировой ведущей «цивилизацией книги». Русская литература могла вырасти только на волне мощного культурного подъема, через соединение православного мироощущения с идеалами Просвещения.

В.В. Кожин приводит данные о книгопечатании в России: в 1893 году были изданы книги 7,8 тыс. названий общим тиражом 27,2 млн. экземпляров, а в 1913 году — 34 тыс. названий тиражом 133 млн. экземпляров. Это значит, что в 1913 г. в России вышло почти столько же книг, сколько в Англии, Франции и США, вместе взятых (35,4 тыс. названий). Несколько впереди России была только Германия (35 тыс.), что во многом объясняется наличием в ней очень развитой полиграфической базы и выполнением заказов из разных стран, в том числе из России. Эти заказы составляли издание более 10 тыс. названий книг [20, с. 45].

В России к концу 1913 г. было 127 тыс. студентов — больше, чем в Германии и Франции, вместе взятых. Это значит, что для быстрого развития культуры того времени сложилась широкая социальная база. Хотя крестьянство в большинстве своем было еще неграмотным, определяющим динамику фактором является не столько масса, сколько структура общества. Молодежь и в деревне была уже грамотной, а в городе грамотные в возрасте 20—30 лет составляли к 1917 году 87% [20, с. 51].

Революционный подъем породил совершенно необычный в истории культуры тип — *русского рабочего* начала XX века. Этот русский рабочий, авангард революции, в своем мироощущении соединил Православие и Просвещение, уже слитые в классической русской культуре, с идеалом *действия*, направленного на земное воплощение мечты о равенстве и справедливости. Сохраняя космическое чувство крестьянина, рабочий внес в общинный идеал равенства и справедливости вектор реального построения на нашей земле материальных оснований для Царства добра. Эта *действенность* идеала, означавшая отход от толстовского *непротивления злу насилем*, была важнейшей предпосылкой к тому, чтобы ответить на несправедливость «детей Каина» революционным сопротивлением¹.

¹ В народных религиозных верованиях, например, в тайных псалмах духов борцов, «детьми Каина» считаются «зараженные сребролюбием господа», а «детьми Авеля» — бедные люди, которые «питаются трудом».

Революционное движение русского рабочего и стоявшего за ним общинного крестьянина было «православной Реформацией» России. В нем был силен мотив жертвенности. Свидетель и мыслитель революции, патриарх русского символизма, на склоне лет вступивший в коммунистическую партию, — Валерий Брюсов написал:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражения, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.

Важный фактор формирования большевизма, который обходило официальное советское обществоведение, состоит в том, что коммунистическое учение того времени в России, и прежде всего «архаический крестьянский коммунизм», было в огромной степени *верой*, особой религией. М.М. Пришвин записал в своем дневнике 7 января 1919 г.: «Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального изнутри, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога»¹.

¹ Я буду часто подкреплять мои рассуждения наблюдениями писателя М.М. Пришвина. Он был умный человек и либерал, преданный идеалам Февраля. В своем неприятии грядущей советской революции он доходил до прозрений. Он оставил нам скрупулезное, день за днем, описание тех событий в своих дневниках [63]. Пришвин был чуть ли не единственный писатель, который провел годы революции в деревне, в сердце России, на своем хуторе в Елецком уезде Орловской

В мировоззренческой матрице русского народа содержалась одна тема, о которой думали, но совсем не говорили, — о поиске возможности соединения правды-истины и правды-справедливости. Это и определило возможность синтеза общинного коммунизма с научным в большевизме. Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции», а ведь Толстой и Достоевский — два великих религиозных мыслителя. О них Бердяев говорит: «И Толстой, и Достоевский по-разному, но оба отрицают европейский мир, цивилизованный и буржуазный, и они — предшественники революции... Для русского сознания XIX века характерно, что русские безрелигиозные направления — социализм, народничество, анархизм, нигилизм и самый наш атеизм — имели религиозную тему и переживались с религиозным пафосом. Это отлично понимал Достоевский. Он говорит, что русский социализм есть вопрос о Боге и бессмертии. Для революционной интеллигенции революция была религиозной, она была тоталитарна, и отношение к ней было тоталитарное» [21].

Рассматривая русскую революцию как *религиозное* (хотя и антицерковное) движение, можно сказать, что почвенная составляющая большевизма была *ересью православия*, которой двигала именно православная любовь к ближнему — но избыточная, страстная. Это можно видеть и в трудах философов-эмигрантов, и даже у Андрея Платонова в «Чевенгуре»¹.

губернии. И не за письменным столом — сам пахал свои 16 десятин (ему сельский сход даже запретил иметь работника). Кроме того, он действительно был в гуще всех событий, как делегат Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии, ежедневно заседал в своем сельском комитете, объезжал уезды и волости. Временами бывал в Петербурге — в министерствах, Государственной думе и Совете.

¹ Духовенство, как и все остальные сословия России, раскололось в отношении к революции. Были иерархи, которые и в движении к Октябрю угадывали путь к избавлению от *общенациональной* катастрофы. Ректор духовной Академии в Сергиеве Посаде А.М. Труберовский во вступительной лекции 15 сентября 1917 г. сказал: «Великая русская революция не является простой «классовой борьбой», в ней заинтересованы одинаково пролетарий и буржуазия, сколько ради личного блага, столько же во имя социальной справедливости» [22]. Открытый конфликт Православной церкви с советской властью вплоть до стабилизации государства в середи-

Хороший обзор развития этого процесса дан А.С. Балакиревым, этот процесс широко освещен и в литературе, и в воспоминаниях виднейших представителей интеллигенции революционного времени (например, М.М. Пришвина). А.С. Балакирев говорит об «атмосфере напряженных духовно-религиозных исканий в рабочей среде», которая отражена в исторических источниках того времени. Он пишет: «Агитаторы-революционеры, стремясь к скорейшей организации экономических и политических выступлений, старались избегать бесед на религиозные темы, как отвлекающих от сути дела, но участники кружков снова и снова поднимали эти вопросы. «Сознательные» рабочие, ссылаясь на собственный опыт, доказывали, что без решения вопроса о религии организовать рабочее движение не удастся. Наибольшим успехом пользовались те пропагандисты, которые шли навстречу этим запросам. Самым ярким примером того, в каком направлении толкали они мысль интеллигенции, является творчество А.А. Богданова» [23]¹.

Эти духовные искания рабочих и крестьян революционного периода отражались в культуре. Здесь виден уровень сплоченности и накал чувства будущих «красных». Исследователь русского космизма С.Г. Семенова пишет: «Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями... По самому своему характеру это была поэзия мечты, творчество идеала — ценнейшее свидетельство предельных чаяний народной души. Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов... воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катарклизм, начало «онтологического» переворота, призванно-

не 20-х годов отразил богоборческий пафос большевизма и в то же время глубокий, до времени скрытый конфликт между двумя течениями в самом большевизме.

¹ А.А. Богданов (Малиновский), 1873—1928, — выдающийся теоретик-большевик, ученый, педагог и организатор. О нем мы мало знали, видимо, из-за того, что он в ряде вопросов полемизировал с Лениным.

го пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот — катастрофический прерыв старого мира, выход «в новое небо и новую землю», была всеобщей» [24].

В этом духовном взрыве выражалось хилиастическое чаяние русского крестьянства — ожидание Преображения. Маяковский писал:

Дайте нам новые формы! —
Несется вопль по вещам...

Надо отметить и важное в тот момент философское течение — *русский космизм*. Тесно связанный с религиозными представлениями, он, несмотря на его кажущуюся несовместимость с научным рационализмом, сыграл плодотворную роль в развитии русского коммунизма. Он стал основанием *утопии* совершенствования мира с помощью науки и техники, а утопия — необходимая составная часть большого проекта. Основатель учения космизма Н.Ф. Федоров непосредственно оказал большое влияние на многих деятелей науки и культуры начала XX века (и, как пишут, на философские искания видных большевиков). Космистом был и советский писатель-философ А. Платонов, который отразил советскую утопию науки и техники в ряде своих произведений.

Взятый Лениным курс на *союз рабочего класса и крестьянства* был встречен в штыки не только ортодоксальными марксистами (как, например, Г.В. Плеханов), но и частью интеллигенции, близкой к большевикам. Действительно, принятие большевиками главных требований крестьян (национализация земли) и идеи советской государственности, идущей от опыта общинного самоуправления, означало важный отход от марксизма и от установки на усиление *классовой* структуры общества. Это чутко уловил А.М. Горький, который колебался между либерализмом и марксизмом. Он писал: «Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тези-

сы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству» [14].

Исследователь русского крестьянства А.В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Становление системы Советов было процессом «молекулярным», и важную роль в нем сыграли кооператоры. Так произошло в Петрограде, где еще до отречения царя, 25 февраля 1917 года, руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов — по типу Петербургского совета 1905 года. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму — всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Верно понять природу первых Советов нельзя без рассмотрения их низовой основы, системы трудового *самоуправления*, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях после Февральской революции. Ее ячейкой был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком). Инициаторами их создания были молодые грамотные рабочие, набранные на заводы во время Первой мировой войны, чтобы восполнить убыль мобилизованных в армию работников, так что доля «полукрестьян» составляла в промышленности до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили гос-

подство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности. Ленин писал об организованном в рамках фабзавкома рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» (см. [13, с. 86]).

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Прежде всего, именно фабзавкомы финансировали деятельность Советов, перечисляя им специально выделенные с предприятий «штрафные деньги», а также 1% дневного заработка рабочих. Но главное, фабзавкомы обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу, причем в среде рабочих, охваченных фабзавкомами, Советы рассматривались как безальтернативная форма государственной власти. Именно позиция фабзавкомов способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах.

Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!». На заводе Михельсона, например, это требование было принято уже в апреле, а на заводе братьев Бромлей — 1 июня 1917 г. На заводах и фабриках фабзавкомы быстро приобрели авторитет и как организация, поддерживающая и сохраняющая производство (вплоть до поиска и закупки сырья и топлива, найма рабочих, создания милиции для охраны материалов, заготовки и распределения продовольствия, налаживания трудовой дисциплины), и как центр жизнеустройства трудового коллектива. В условиях революционной разрухи их деятельность была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы, в общем, шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий).

Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов в Центральной России, где ими было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных, следует, что рабочие уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соответствии с

их представлениями о добре и зле. В постановлениях фабзавкомов, многие из которых написаны эпическим стилем, напоминая крестьянские наказания и приговоры, нет абсолютно никакой агрессивности, а видна спокойная и даже радостная сила.

Появление фабзавкомов вызвало весьма острый мировоззренческий конфликт в среде социал-демократов. Меншевики, ориентированные ортодоксальным марксизмом на опыт рабочего движения Запада, сразу же резко отрицательно отнеслись к фабзавкомам как «патриархальным» и «заско-рузлым» органам. Они стремились «европеизировать» русское рабочее движение по образцу западноевропейских профсоюзов. Поначалу фабзавкомы (в 90% случаев) помогали организовать профсоюзы, но затем стали им сопротивляться. Например, фабзавкомы стремились создать *трудовой коллектив*, включающий в себя всех работников предприятия, включая инженеров, управленцев и даже самих владельцев. Профсоюзы же разделяли этот коллектив по профессиям, так что на предприятии возникали организации десятка разных профсоюзов из трех-четырех человек.

Часто рабочие считали профсоюзы чужеродным телом в связке фабзавкомы — Советы. Говорилось даже, что «профсоюзы — это детище буржуазии, завкомы — это детище революции». В результате к середине лета 1917 г. произошло размежевание — в фабзавкомах преобладали большевики, а в профсоюзах меньшевики. III Всероссийская конференция профсоюзов (21—28 июня 1917 г.) признала, что профсоюзы оказывают на фабзавкомы очень слабое влияние и часто на предприятиях просто переподчиняются им.

Д.О. Чураков пишет: «В реальности, происходившее было во многом не чем иным, как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует противоборство двух ориентаций революции: стать ли России отныне «социалистическим» вариантом все той же запад-

ной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из того тупика, в котором он оказался в результате империалистической бойни» [13, с. 85].

В дальнейшем, в процессе индустриализации, когда на стройки и на заводы пришла масса крестьянской молодежи, профсоюзы все же приобрели сущность *фабзавкомов*. Они не разделяли работников завода по профессиям, а всех объединяли в один трудовой коллектив.

Конфликт меньшевиков с *фабзавкома*ми — наглядная иллюстрация общего конфликта марксизма с крестьянским коммунизмом, а значит, и с большевизмом. Под знаменем марксизма в России возникло два разных (и даже враждебных друг другу) социалистических движения. Из марксизма они взяли разные смыслы.

Маркс предсказывал приход коммунизма как *пророк*. Революция у него — конец старого мира, пролетариат — мессия. Но апокалиптика Маркса, то есть описание пути к *преображению* (пролетарской революции), исходила у него из идеи распространения капитализма во всемирном масштабе с полным исчерпанием его потенциала развития производительных сил, вслед за которым произойдет всемирная революция под руководством пролетариата Запада. В России крестьянский коммунизм легко принял пророчество Маркса, но отвел рассуждения о благодати капитализма. Большевики, освоив опыт 1905 года и реальное состояние мировой системы капитализма (империализма), примкнули к крестьянскому коммунизму. Меньшевики остались верны ортодоксии.

Маркс прозорливо предвидел такую возможность и заранее предупредил, что считает «преждевременную» антикапиталистическую революцию *реакционной*. В «Манифесте коммунистической партии» специально говорится, что условия, которые «борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели... реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории». Таким сословием было в России крестьянство, составлявшее 85% населения.

Положение о том, что сопротивление капитализму, пока он не исчерпал своей потенции в развитии производительных сил, является реакционным, было заложено в марксизм как непререкаемый постулат. В последние годы основоположники марксизма уже и на Западе считали пролетарскую революцию преждевременной — она откладывалась на неопределенное время. Красноречиво высказывание Энгельса (1890 г.): «В настоящее время капитал и наемный труд неразрывно связаны друг с другом. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов. Нашим немцам... я желаю поэтому поистине бурного развития капиталистического хозяйства и вовсе не желаю, чтобы оно коснело в состоянии застоя». Вот такая диалектика — нужно всемерно укреплять капитализм, потому что это приближает «конец господства капиталистов».

В отличие от марксистской теории классовой революции в России создавалась теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран революция была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Русские революционные демократы, анархисты и народники (Герцен и Бакунин, Ткачев и народо-вольцы) видели в крестьянской общине социальную и культурную форму, обладающую большим революционным потенциалом. В 1905—1907 гг. к этому выводу пришел и Ленин.

Это — принципиально иная теория, можно даже сказать, что она является частью другого представления о мироустройстве, нежели у Маркса. Между этими теориями не могло не возникнуть глубокого *философского* конфликта. А такие конфликты всегда вызывают размежевание и даже острый конфликт сообществ, исходящих из разных картин мира. Тот факт, что в России большевикам, следующим ленинской теории революции, приходилось маскироваться под марксистов, привел к тяжелым деформациям и в ходе революционного процесса, и в ходе социалистического строительства.

Напротив, отрицательное отношение к общине, особенно русской, проходит красной нитью через множество трудов

Маркса и Энгельса. И отношение это неизменно. Энгельс писал Каутскому (2 марта 1883 г.): «Где существует общность — будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было, — там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность» [25].

Из такого взгляда и выводится представление о реакционности революций, опирающихся на крестьянскую общину и ставящих своей целью сопротивление капитализму. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, точного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» [26]¹.

Особенно много говорилось о русской «крестьянской коммунистической общине» — одном из важнейших институтов, отличавших наш тип хозяйства. Маркс пишет (1868): «В этой общине все абсолютно, *до мельчайших деталей*, тожде-

¹ В представлении Энгельса община повинна во множестве пороков русского человека. Вот он пишет в 1893 г. о русской армии: «Русский солдат, несомненно, очень храбр... Весь его жизненный опыт приучил его крепко держаться своих товарищей. В деревне — еще полукоммунистическая община, в городе — кооперированный труд артели, повсюду — *krugovaja poruka* — то есть взаимная ответственность товарищей друг за друга; словом, сам общественный уклад наглядно показывает, с одной стороны, что в сплоченности все спасенье, а с другой стороны, что обособленный, предоставленный своей собственной инициативе индивидуум обречен на полную беспомощность... Теперь каждый солдат должен уметь самостоятельно сделать то, что требует момент, не теряя при этом связи со всем подразделением. Это такая связь, которая становится возможной не благодаря примитивному стадному инстинкту русского солдата, а лишь в результате умственного развития каждого человека в отдельности; предпосылки для этого мы встречаем только на ступени более высокого «индивидуалистического» развития, как это имеет место у капиталистических наций Запада» [29].

ственно с *древнегерманской* общиной. В добавление к этому у русских.., во-первых, *не демократический, а патриархальный* характер управления общиной и, во-вторых, *круговая порука* при уплате государству налогов и т.д. ...Но вся эта дрянь идет к своему концу» [27].

Это неверно, принципиальное отличие русской общины от древнегерманской было в том, что у русских земля была общинной собственностью, так что крестьянин не мог ни продать, ни заложить свой надел (после голода 1891 г. общины по большей части вернулись к переделу земли по едокам), а древнегерманская марка была общиной с *долевым разделом* земли, так что крестьянин имел свой надел в частной собственности и мог его продать или сдать в аренду. И ниоткуда не следовало в 1868 г., что русская община («вся эта дрянь») идет к своему концу.

Д.И. Менделеев, размышляя о выборе для России такого пути *индустриализации*, при котором она не попала бы в зависимость от Запада, писал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение» (см. [28]).

Так оно и произошло — русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил «русское чудо» — форсированную индустриализацию СССР.

Однако совмещение крестьянского коммунизма с марксизмом было проведено большевиками виртуозно. Так произошло, например, с понятием «диктатура пролетариата». Она воспринималась русскими людьми как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей, — тех, кому не страшно постоять за правду. Н. Бердяев неоднократно высказывал такую мысль: «Большевизм гораздо более традиционен, чем приня-

то думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».

По вопросу права на проведение русской революции раньше, чем на Западе, раскол в среде российских марксистов был очень глубоким. Он продолжился и после исчерпания в Гражданской войне спора большевиков с меньшевиками — теперь в форме конфликта «национал-большевиков» (собравшихся вокруг Сталина) с «большевиками-космополитами» (которых представлял Троцкий). Об этой стороне расхождений и установках большевиков пишет М. Агурский: «На VI съезде партии, в августе 1917 года, первым высказал их Сталин. При обсуждении резолюции съезда Преображенский предложил поправку, согласно которой одним из условий взятия государственной власти большевиками было наличие пролетарской революции на Западе. Выступая против этой поправки, Сталин заявил, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть, — сказал Сталин, — отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь» [30].

Да, в реальности русской революции и последовавшей в 1918 г. Гражданской войны было много непохожего на европейские революции и войны — в чем-то более грубого и жестокого, в чем-то более человеческого и великодушного. Такова наша судьба. М.М. Пришвин записал в дневнике 21 сентября 1917 года: «Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства».

Мысль путаная, но понятная — да, бунт не по рецептам Маркса, но ведь *система строительства* (а не только «все внешние черты») привнесена социал-демократией (и коммунизмом), то есть, продуктом самой современной мировой общественной мысли.

Сразу после установления в Петрограде советской власти Пришвин так выразил суть Октября: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла»? Пришвин объяс-

нил это в дневнике (31 октября) так. Возник в трамвае спор о правде (о Керенском и Ленине) — до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!» Пришвин пишет, что советский строй («горилла») — это соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей: «в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

После Гражданской войны демобилизовался миллион младших и средних командиров из деревень и малых городов Центральной России — *«красноотенцы»*. Они заполнили госаппарат, рабфаки и университеты, послужили опорой сталинизма. В их мышлении и образе действий в 20—40-е годы XX века наиболее ясно и резко проявилась суть русского коммунизма.

Испанский философ Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» (1930) высказал важную для нас вещь, которую пора усвоить: «В Москве существует тонкая пленка европейских идей — марксизм, — рожденных в Европе в приложении к европейским проблемам и реальности. Под ней — народ, не только отличный от европейского в этническом смысле, но, что гораздо важнее, и другого возраста, чем наш. Это народ еще бурлящий, то есть юный... Я жду появления книги, в которой марксизм Сталина был бы переведен на язык истории России. Потому что именно в том, что он имеет от русского, его сила, а не в том, что он имеет от коммуниста» [31].

Глава 3. КОММУНИЗМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Поскольку в России с начала XX века социалистические идеи стали развиваться по двум расходящимся траекториям, надо хотя бы грубо уяснить, в чем были их различия. Ведь до полного раскола, который произошел уже летом 1917 года, а до этого большевики и меньшевики продолжали состоять в одной партии, оба течения оказывали свое влияние и на революционные движения, и на власть, и на массы. Для нашей

темы надо соотнести *социализм* и *коммунизм* как два больших проекта жизнеустройства и два окормляющих эти проекты социально-философских учения — социал-демократию и коммунизм.

Оба они сыграли, играют и будут играть важную роль в судьбе России. С этой точки зрения и будем их рассматривать. Оба эти проекта и учения тесно связаны с трудом Маркса, только коммунизм уходит корнями в раннее христианство, а социализм — продукт современности (модерна). В реальной практике XX века социал-демократия получила распространение на Западе и тесно связана с западным гражданским обществом, а коммунизм укоренился в традиционных обществах России, Азии, позже — Латинской Америки и некоторых обществах Африки. Другими словами, в странах с сильным влиянием крестьянского мировоззрения и общин.

Понятия, которыми обозначаются оба учения, — социал-демократия и коммунизм — расплывчаты и плохо определены, они нередко перекрывают или заменяют друг друга. Часто за основание для разделения берут *самоназвание* или судят по простым, «внешним» признакам. Признаешь революцию — ты коммунист, не признаешь — социал-демократ. Следовать таким признакам — значит сковывать и мышление, и практику. Даже и в словах мы часто путаемся. Социальный — значит *общественный* (от слова *социум* — общество). А коммунистический — значит *общинный* (от слова коммуна — община). Это — огромная разница.

Конечно, над главными, исходными философскими основаниями любого большого движения наслаивается множество последующих понятий и доктрин. Но для проникновения в суть полезно раскопать изначальные смыслы. Маркс, указав Европе на *Призрак коммунизма*, видел его не просто принципиальное, но трансцендентное, «потустороннее» отличие от социализма. Коммунизм — это история после Страшного суда глобальной пролетарской революции, которая устранит отчуждение, порожденное первородным грехом частной собственности.

Стоит заметить, что представление Маркса о зарождении частной собственности носит *квазирелигиозный* характер и корнями уходит в ветхозаветный миф о грехе. Он выступал как пророк, что и привлекло к нему огромные массы людей традиционных обществ, в которых был жив еще «естественный религиозный орган», вытравленный на Западе модерном.

Он так писал о сотворении человечества и частной собственности: «Развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте... Вместе с разделением труда... следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети — рабы мужчины. Рабство в семье... есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов... Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения».

Вступление в коммунизм для Маркса — завершение огромного цикла цивилизации, в известном смысле конец «этого» света, «возврат» человечества к коммуне. То есть к жизни в общине, в семье людей.

Социализм же — всего лишь экономическая формация, где разумно, с большой долей рациональной солидарности устроена совместная жизнь людей. Но устроена не как в общине («семье»)! *«Каждому по труду»* — принцип не семьи, а весьма справедливого общества, в том числе и буржуазного. Кстати, главная справедливость социализма заключена в первой части формулы, которая обычно замалчивается, — в том, что *«от каждого по способности»*. Социализм никого не отвергает, не оставляет на произвол свободного рынка. Для капитализма, не ограниченного государством, формула была бы такой: *«От каждого — его востребованный рынком товар, каждому — стоимость его товара»*.

Оставим пока в стороне проблему: допустимо ли спускать «призрак коммунизма» на землю — или он и должен быть именно Призраком, к которому мы обращаем гамлетовские

вопросы. Зафиксируем, что рациональный Запад за призраком не погнался, а ограничил себя *социал-демократией*. Ее лозунг: «Движение — все, цель — ничто!» Уже здесь — духовное отличие от коммунизма. А подспудно — отличие почти религиозное, из которого вытекает разное понимание *времени*.

Время коммунистов — циклическое, мессианское, *эсхатологическое*. Оно устремлено к некоему идеалу (светлому будущему, Царству свободы — названия могут быть разными, но главное, что есть ожидание идеала как избавления, как Возвращения, подобно Второму пришествию у христиан). Это — *Преображение мира*, в этой идее — эсхатология коммунизма. Корнями она уходит в хилиазм ранних христиан.

По словам С. Булгакова (очень актуального сегодня мыслителя), хилиазм «есть живой нерв истории, — историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном». Во время перестройки ее идеологи не без оснований уподобляли весь советский проект *хилиазму*.

Время социал-демократов *линейное*, рациональное («цель — ничто»). Здесь — мир Ньютона, бесконечный и холодный. Можно сказать, что социал-демократов толкает в спину *прошлое*, а коммунистов притягивает *будущее*.

Менее очевидны различия в представлении о пространстве, но они тоже есть. Коммунизм скрыто присутствует во всех культурах, сохранивших космическое чувство. Большевик сформировался под заметным влиянием *русского космизма*, уходящего корнями в крестьянское холистическое мироощущение (характерно особо уважительное отношение большевиков к Циолковскому). Социал-демократия в своем мировоззрении отказывается от космизма и тяготеет к механицизму, к ньютоновской картине мира.

Социал-демократия выросла там, где человек прошел через горнило Реформации. Она очистила мир от святости, от «призраков» и от надежды на спасение души *через брат-*

ство людей. Человек стал одиноким индивидом. Постепенно он дорос до рационального построения более справедливого общества — добился *социальных* прав. А *личные* права и свободы рождались вместе с ним, как «естественные».

Вспомним, откуда взялся сам термин *социал-демократия*. *Демократия* на Западе означала превращение общинного человека в индивидов, каждый из которых имел равное право голоса («один человек — один голос»). Власть устанавливалась и легитимировалась *снизу*, этими голосами. Но индивид не имел никаких социальных прав. Он имел право опустить в урну свой бюллетень, лечь и умереть с голоду. *Социал-демократия* — движение к обществу, в котором индивид наделяется и *социальными* правами.

История для социал-демократии — не движение к идеалу, а уход от дикости, от жестокости родовых травм цивилизации капитализма — без отрицания самой этой цивилизации. Это — постепенная гуманизация, окультуривание капитализма без его отказа от самого себя. А в чем же его суть? В том, что человек — товар на рынке и имеет *цену*, в зависимости от спроса и предложения. А значит, не имеет *ценности* (святости), не есть носитель искры Божьей.

Если это перевести в плоскость социальную, то человек сам по себе не имеет права на жизнь, это право ему дает или не дает рынок. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Становление рыночной экономики происходило параллельно с колонизацией «диких» народов. Необходимым культурным условием для нее был *расизм*. Отцы политэкономии Смит и Рикардо говорили именно о «расе рабочих», а первая функция рынка состояла в том, чтобы через зарплату регулировать численность этой расы. Все формулировки теории рынка были предельно жестокими: рынок должен был

убивать лишних, как бездушный механизм. Это могла принять лишь культура с подспудной верой в то, что «раса рабочих» — отверженные. Классовый конфликт изначально возник как *расовый*.

Историки указывают на важный факт: в первой трети XIX века характер деградации английских трудящихся, особенно в малых городах, был совершенно аналогичен тому, что терпели африканские племена во время колонизации: пьянство и проституция, расточительство, апатия, потеря самоуважения и способности к предвидению (даже в покупках).

Огрубляя, обозначим, что коммунизм вытекает из идеи *общины*, а социал-демократия — из идеи *общества*. Разное у них равенство. В обществе люди равны как атомы, как индивиды с одинаковыми правами перед законом. Но вне этих прав, в отношении к Богу они не равны и братства не составляют. Чтобы революционным путем создать общество на Западе, пришлось уничтожить, растереть в прах общину с ее чувством братства и дружбы.

В общине люди равны как члены братства, что не означает *одинаковости* (братья, за редкими исключениями близнецов, всегда различаются, даже по возрасту). Русский коммунизм исходит из совершенно другого представления о человеке, нежели индивидуализм, поэтому между ним и социал-демократией — не мост, а духовная пропасть. Она в философии бытия, хотя в политике можно и надо быть союзниками и друзьями. Коммунисты могут вести дела, «как социал-демократы» — приходится приспосабливаться. Но думать, как они, коммунисты не могут¹. Из этого вовсе не следует, что коммунисты лучше социал-демократов. Например, абсурдно

¹ Разумеется, речь не идет о противопоставлении *человека общинного* и *человека общественного*. Общинность отрицает индивидуализм как *самоосознание* человека, но вовсе не общественность как рациональную солидарность в человеческих отношениях. Традиционное общество России уже в XVIII веке предстает в модернизированной форме. Только на общинности не могли бы консолидироваться ни городское индустриальное общество, ни армия, ни российская наука. И тем более не могла бы произойти великая революция и строительство СССР как великой державы.

желать, чтобы западные социал-демократы превратились в большевиков, — это было бы катастрофой.

Что же касается западных коммунистов, то это (если не считать выходцев из анклавов традиционного общества, примером которых можно считать Долорес Ибаррури) — левое крыло социал-демократов, в котором сохранилась верность «призраку коммунизма» как мечте. Кризис коммунистов на Западе во многом порожден их наивной верой в возможность повторения пути Советской России — при несоответствии большевизма западному представлению о человеке. Сдвиг западных компартий к еврокоммунизму, а затем антисоветизму, привел к фактической ликвидации коммунистического движения в Западной Европе.

В 80-е годы на позиции еврокоммунизма перешло и руководство КПСС (что привело к катастрофе СССР).

Как же социал-демократы «окультурили» расово-классовый конфликт гражданского общества? Они объяснили, что выгоднее не оскорблять рабочих, а обращаться с ними вежливо, как с равными. Так же теперь обращаются с неграми в США. Но социал-демократы были частью этого процесса: отказавшись от «призрака коммунизма», они приняли расизм (хотя и в скрытой форме) и евроцентризм.

Вот слова лидера Второго Интернационала, видного идеолога социал-демократов, Бернштейна: «Народы, враждебные цивилизации и неспособные подняться на высшие уровни культуры, не имеют никакого права рассчитывать на наши симпатии, когда они восстают против цивилизации. Мы не перестанем критиковать некоторые методы, посредством которых закабаляют дикарей, но не ставим под сомнение и не возражаем против их подчинения и против господства над ними прав цивилизации... Свобода какой-либо незначительной нации вне Европы или в центральной Европе не может быть поставлена на одну доску с развитием больших и цивилизованных народов Европы».

В этом смысле социал-демократия уходит корнями в протестантизм, а коммунизм — в раннее христианство (к которому ближе всего Православие).

Чтобы понять социал-демократию, надо понять, что она преодолевает, не отвергая.

Рабочее движение завоевало многие социальные блага, которые вначале отрицались буржуазным обществом, ибо мешали Природе вершить свой суд над «слабыми». Хлебнув дикого капитализма, рабочие стали разумно объединяться и выгрызать у капитала социальные права и гарантии. Шведская модель выросла из голода и одиночества начала XX века. Полезно прочесть роман Кнута Гамсуна «Голод».

В зажиточном Осло молодой писатель был одной ногой в могиле от голода — уже и волосы выпали. Ему не только никто не подумал помочь — он сам не мог заставить себя укоротить булку или пирожок, хотя это было нетрудно. Святость частной собственности и отсутствие права на жизнь были вбиты ему в подсознание так же, как святость его личных прав гражданина.

На какой же духовной матрице вырастала «социальная защита»? На *благодетельности*, из которой принципиально была вычищена человечность (М. Вебер). Социал-демократия произвела огромную работу, изживая раскол между обществом и «расой отверженных», превращая подачки в социальные права. Только поняв, от чего она шла, можно в полной мере оценить гуманистический подвиг социал-демократов. Но в России современный коммунизм начинался совершенно с иной базы — с человека, который *еще* был проникнут солидарным чувством. Это — иная траектория. Не было у нас рабства, да и феодализм захватил небольшую часть России и очень недолгое время. Не может уже Россия пройти путь Запада — это надо иметь в виду хотя бы как гипотезу.

Общинное сознание России не перенесло капитализма и после Февраля 1917 года и Гражданской войны рвануло назад (или слишком вперед) — к *коммунизму*. Здесь ребенок рождался с коллективными правами как член общины, а вот личные права и свободы надо было требовать и завоевывать.

Именно глубинные представления о человеке, а не социальная теория, породили русскую революцию и предопре-

делили ее характер. Ленин, когда решил сменить название партии с РСДРП на РКП(б), понял, что революцию занесло не туда, куда предполагали социал-демократы, — она не то чтобы «проскочила» социал-демократию, она пошла по своему, иному пути.

В этом и есть суть развода коммунистов с социал-демократами в России: массы сочли, что могут не проходить через страдания капитализма, а проскочить сразу в пострыночную жизнь. Идея народников (пусть обновленная) победила в большевизме, как ни старался Ленин следовать за Марксом. В принципе, опыт СССР показал, что миновать «кавдинские ущелья капитализма» было возможно, но сейчас нас пытаются «вернуть» на «столбовую дорогу».

Мы, в общем, не *понимали* фундаментальных оснований советского строя (старшие поколения их *чувствовали*, но этого оказалось недостаточно). Внешне блага социал-демократии, например в Швеции, кажутся просто улучшенными советскими благами. А ведь суть их совершенно разная.

Так, одним из социальных прав как в СССР, как и в некоторых странах при социал-демократических правительствах было право на бесплатное медицинское обслуживание. При внешней схожести этого конкретного права его основания в СССР и в Швеции были различны. Согласно концепции индивида (в Швеции), человек рождается вместе со своими неотчуждаемыми *личными* правами. В совокупности они входят в его естественное право. Но бесплатное медицинское обслуживание не входит в естественное право человека. Он его должен завоевать как *социальное* право — и закрепить в какой-то форме общественного договора.

В советском обществе человек являлся не индивидом, а членом общины. Он рождался не только с некоторыми личными, но и с неотчуждаемыми *общественными*, социальными правами. Поскольку человек — не индивид (он «делим»), его здоровье в большой мере было национальным достоянием. Поэтому бесплатное здравоохранение рассматривалось (даже бессознательно) как естественное право. Обере-

гать здоровье человека было *обязанностью* и государства как распорядителя национальным достоянием, и самого человека как гражданина, частичного хозяина страны.

В советское время работников трудно было загнать на диспансеризацию. Надо ходить в поликлинику, одиннадцать врачей-специалистов тебя дотошно осматривают. На Западе это никому объяснить невозможно: бесплатно врачи, рентген, ЭКГ и УЗИ — а не шли. А причина в том, что индивид (т.е. «неделимый») имеет свое тело в частной собственности. Наш человек собственником не был, его тело во многом было «общенародным достоянием», и государство *обязывало* его хранить и предоставляло для этого средства¹. В 90-е годы врачи были еще бесплатны, люди много болели — а к врачу не шли. Почему? Потому, что они уже освободились от обязанности перед государством — быть здоровыми, но еще не осознали себя собственниками своего тела и своей выгоды от содержания его в хорошем состоянии.

Есть в России сегодня условия для того, чтобы отечественная социал-демократия «очеловечила» наш отечественный капитализм, не порывая с ним? Пока что попытки были неудачными — и Горбачева с Яковлевым, и Роя Медведева с Рыбкиным, и Селезнева, а теперь и С. Миронова с Бабаковым. Фундаментальны ли причины этих неудач? Чтобы разобраться, придется глубже вникнуть в историю социал-демократии и коммунизма в России. Но это — особая тема.

¹ М. Фуко, развивая концепцию *биовласти*, то есть, отношения власти к телу человека, высказал такой афоризм: «Тоталитаризм обязывает жить, а демократия разрешает умирать». С этим связаны проблемы рождаемости и смертности, эвтаназии и т.п.

Раздел 2

РУССКИЙ КОММУНИЗМ: ОБРАЗ МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЙ

В этом разделе рассмотрим образ мысли и действий организаций и личностей, которые мыслили и действовали в русле русского коммунизма на первом этапе становления и развития советского строя. Главными коллективными субъектами этих действий были коммунистическая партия — РСДРП (б), РКП(б), ВКП(б), а также организации, которые находились под руководством коммунистов (Советы, госаппарат, другие государственные и общественные организации).

Это наше рассмотрение проведем в форме изложения истории известных эпизодов нашей истории, особенно тех, в которых решения и действия коммунистов можно сравнить с решениями и действиями их оппонентов или противников. Мы не будем описывать целые сферы деятельности, постараемся выбирать ситуации, в которых приходилось делать решающий *выбор*. Эти маленькие содержательные истории будем давать без лишнего теоретизирования — его оставим на конец книги для подведения итогов.

Глава 4. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Объяснительная модель русской (российской) революции начала XX века, положенная в основу официальной истории — как советской, так и антисоветской, — мифологична и слишком идеологизирована. Она складывалась под дав-

лением политических обстоятельств и была предназначена для решения срочных задач. Сейчас нам необходимо беспристрастное знание.

Знание это должно быть отстраненным от идеологических пристрастий, как знание военной разведки, которая занимается не пропагандой, а сбором достоверных сведений. Потребность в таком знании определена тем, что за последние двадцать лет пришлось прийти к выводу, что наш нынешний кризис — эпизод этой самой *русской революции*. Она оказалась больше и длится дольше, чем ожидалось. Сталинизм (тоталитаризм, мобилизационный социализм — как его ни называй) лишь на время заморозил революционный процесс. Хрущев устроил «оттепель», ее попытались снова подморозить во времена Брежнева, но это лишь оттянуло перестройку.

Во времена «тоталитаризма» (морально-политического единства) казалось, что революция осталась позади, в истории, что произошло национальное примирение и антагонистические противоречия изжиты. Эту иллюзию создавало обществоведение через систему образования и СМИ. Во время «оттепели» наша интеллигенция смеялась над странным пророчеством Сталина о том, что «по мере продвижения к социализму нас ждет обострение классовой борьбы». Если отфильтровать марксистскую терминологию и перевести эту фразу на русский язык, ее надо понимать как предупреждение, что в лоне советского общества есть силы, которые в будущем попытаются сменить общественный строй и завладеть общенародной собственностью. Это и произошло на наших глазах.

Но в 1917 году было ясно, что революция только начинается. Февраль 1917 года был праздником революции. Но то, что главный спор впереди, ощущалось всеми. 3 марта Валерий Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни»:

Приветствую Свободу... Свершился приговор...
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Гражданская война стала важным этапом жизненного цикла революции. В конце XX века мы вошли в другой большой этап, но знать смысл предыдущих этапов и неоконченных споров насущно необходимо.

Начнем с самого понятия *революции*.

Уже во втором тысячелетии до нашей эры политическая власть в обществах древних цивилизаций приобрела черты *государства*. По своему типу государства отвечают типу того общества, которое их порождает. Если мы классифицируем общества по признакам *формации*, то различаем государства рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические (хотя понятие формации является абстракцией, и в любом обществе сосуществуют разные социально-экономические уклады).

Если нас интересует форма правления, организация власти, то мы различаем разного типа монархии и республики (парламентскую, президентскую, советскую), и вариации их весьма многообразны. По территориальному и национальному устройству государства могут быть унитарными (едиными), федерациями (союз относительно автономных единиц) или конфедерациями (государственно-правовыми объединениями), а также империями.

Осуществление государственной власти основывается на отношениях *господства*. Под ним понимается такое состояние общества, когда приказания власти встречают повиновение подданных или граждан. Это состояние не может быть обеспечено только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для него необходима *вера* в законность власти. Условием устойчивости власти является ее *легитимность*¹.

¹ Легитимность — это уверенность подданных в том, что государь (шире — правящая верхушка) имеет право на власть, что установленный в государстве порядок непреложен как выражение высших ценностей, что он обеспечивает благо и спасение страны и людей. При наличии этой уверенности власть одновременно является *авторитетом*, и государство прочно стоит на силе и согласии. Утрата любой из этих опор — начало краха государства.

Формальная законность (легальность) еще не обеспечивает легитимности. Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность — она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить, именно когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными. Свержение государственной власти с глубокими изменениями в ее структуре и функциях мы называем *революциями*.

Привычное для нашего общества понятие *социальной революции* проникнуто формационными представлениями марксизма. «Философский словарь» (1991) гласит: «Революция — коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; форма перехода от одной общественно-экономической формации к другой... «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» (Ленин В.И.). Революция — высшая форма борьбы классов».

Выделим главные черты, которые приписывает революциям это определение.

Во-первых, революция представлена как явление всегда *прогрессивное*, ведущее к улучшению жизни общества («низвержение отжившего и утверждение прогрессивного»). То есть этому определению присущ *прогрессизм*.

Во-вторых, это определение лежит в русле *формационного* подхода к истории. В его поле зрения не попадают все другие «коренные перевороты в жизни общества», которые не вписываются в схему истории как смены общественно-экономических формаций. Этому определению присущ *экономизм*.

В-третьих, революция в этом определении представлена как явление *классовой борьбы*. Из него выпадают все «коренные перевороты в жизни общества», вызванные противоре-

чиями между общностями людей, не подпадающими под понятие класса, — сословиями, а также национальными, религиозными, культурными и др. общностями.

Тот факт, что в современных энциклопедиях понятие революции трактуется согласно *теории пролетарской революции*, разработанной Марксом в середине XIX века, сам по себе является замечательным. Ведь понятия представляют собой важнейший инструмент мышления. В данном случае узкое и ограниченное марксистское понятие служит фильтром, который не позволяет нам увидеть целые типы революций, причем революций реальных, определяющих судьбу народов. Большинство образованных людей, следующих приведенному выше определению, не видит даже революций, которые готовятся и происходят у них прямо на глазах, — они считают их не слишком существенными явлениями. Тем более они не могут почувствовать приближения таких революций. Значит, общество теряет саму возможность понять суть того исторического выбора, перед которым оно оказывается в момент революции.

Положение осложняется тем, что за последние двести лет в мире не произошло революций, отвечающих приведенному выше и ставшему привычным определению. Ему соответствуют только буржуазные революции в Англии XVII века и Франции конца XVIII века. В XX веке классовых революций не было, но зато прошла мировая волна революций в *сословных* обществах «крестьянских» стран, затем волна национально-освободительных революций, а в последние десятилетия — волна постмодернистских «бархатных» («цветных» и пр.) революций.

В последние двадцать лет мы наблюдали исторического масштаба революционную трансформацию «обществ советского типа» в СССР и странах Восточной Европы. Организованным движением, которое наиболее последовательно готовило эту революцию, была польская «Солидарность». Однако мотивация этой внешне «буржуазной» революции была совершенно не классовой.

Вот что говорится об основаниях этой мотивации: «Солидарность представляла собой “ценностно-ориентированный монолит, а не сообщество заинтересованных в достижении конкретных целей групп общества. Разделительная линия между противоборствующими силами пролегла не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, то есть культурной, точнее культурно-политической, или социально-психологической. Фактически общественная функция этого движения свелась к разрушению социалистической системы.

Предпосылки институционального краха этой системы возникли после распада ее ценностной основы. Однако этот “Солидарности”, провозглашавшиеся ею идеалы были бесконечно далеки от социокультурной реальности общества либерально-демократического типа, от рыночной экономики, частной собственности, политического плюрализма, западной демократии. “Солидарность” как тип культуры — несмотря на свою антикоммунистическую направленность — тяготела скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации с ее неотрадиционалистским заключительным этапом, чем к сменившей его эпохе прагматизма».

Не соответствовала марксистскому определению классов и структура общества социалистических стран Восточной Европы в период подготовки «бархатных» революций. Н. Коровицына пишет: «По наблюдениям польских социологов, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, состояло из двух “классов” — имевших высшее образование и не имевших его. Частные собственники начального этапа рыночных преобразований не представляли из себя социокультурной общности, аналогичной интеллигенции. Более того, как свидетельствуют эмпирические данные, они даже не демонстрировали выраженного предпочтения либеральных ценностей».

Таким образом, хотя тараном, сокрушившим государство «социалистической Польши», были рабочие движения «Солидарность», основную роль в подрыве легитимности политической системы ПНР сыграла участвующая в этом движении польская интеллигенция. Вот к какому выводу пришли польские ученые, изучая эту историю: «Автор и исполнитель программы “Солидарности” — образованный класс. Он сформировался под влиянием национального, политического и культурного канона польского романтизма, культа трагического героя, подчинения политической активности моральным требованиям и приоритета эмоций над рационалистическим типом поведения. Мифологизация политики, сведение ее к этической сфере, подмена политической конкретики абстракциями — результат огромного влияния художественной литературы на формирование политической традиции страны в XIX в. Это влияние сохранилось и даже усилилось во время войн и общественных кризисов XX в. Оно характерно и для 1948—1989 гг., когда литература выполняла роль “невидимого правительства”, а “польским героем” был, по выражению И. Курчевской, ангелоподобный член идеального с моральной точки зрения сообщества, католик, защитник наследия национальной культуры, но не гражданин в представлении западной демократии».

В России в период революции смысл классов понимался совсем иначе, нежели в марксизме, — под пролетариатом и крестьянством понимали «трудовой народ». По этой причине советские граждане не замечали ошибочности отнесения русских революций к *классовым*. Враги пролетарской революции в России назывались «врагами народа», а вовсе не врагами именно рабочих. Столь же далеким от марксизма было и представление о буржуазии. М.М. Пришвин пишет в «Дневниках» (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс “эгоистических побуждений”, но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Уже из этих примеров видно, что революция может иметь причиной глубокий конфликт в отношении всех основных принципов жизнеустройства, всех условий общественной жизни, а вовсе не только в отношении способа распределения произведенного продукта («прибавочной стоимости»). В некоторые редкие исторические моменты даже в странах Запада возникают революционные ситуации, в которых перед народом стоит не классовая, а общенациональная задача — предотвратить опасность выталкивания страны на периферию его цивилизационного пространства.

О. Шпенглер пишет о том, как назревала в 20-е годы в Германии социалистическая «консервативная революция» (она была сорвана другой, *национал-социалистической* революцией фашистов): «Немецкие консерваторы приходят к мысли о неизбежности социализма, поскольку либеральный капитализм означал для них капитуляцию перед Антантой, тем мировым порядком, в котором Германии было уготовано место колонии».

Смысл «консервативной революции» в трактовке О. Шпенглера — переход к прусскому социализму как жизнеустройству, защищающему Германию от угрозы превращения ее в периферийный придаток Антанты. Для достижения этих целей и построения нового жизнеустройства на измененном базисе предполагались соответствующие революционные изменения и в надстройке — государстве, идеологии и пр.

Многие немецкие мыслители первой половины XX века считали, что та революция в Германии, которая вызревала в результате Первой мировой войны, имела в своем основании отношение не к собственности, а к *государству*. О. Шпенглер приводит слова видного консерватора И. Пленге о том, что это была «революция собирания и организации всех государственных сил XX века против революции разрушительно-го освобождения в XVIII веке». Иными словами, это была революция консерваторов против классического либерализма.

О. Шпенглер поясняет: «Центральной мыслью Пленге было то, что война привела к истинной революции, причем

революции социалистической. “Социализм есть организация”, он предполагает плановое хозяйство и дисциплину, он кладет конец эпохе индивидуализма». Понятно, что такая революция совершенно противоречит теории Маркса, ибо для марксизма государство — лишь *паразитический нарост* на обществе.

Перескочим через 1917 год в России и ленинскую теорию революции, о них мы будем говорить в разных контекстах. В 30-е годы XX века, после изучения опыта всех великих революций прошлого, а также русской революции и национал-социалистической (фашистской) революции в Германии, родилась принципиально новая теория, согласно которой первым объектом революционного разрушения становилась *надстройка* общества, причем ее наиболее «мягкая» и податливая часть — идеология и установки общественного сознания. Разработка ее связана с именем Антонио Грамши, основателя и теоретика Итальянской компартии.

Грамши создал новую теорию государства и революции — для городского общества. Ключевой раздел труда Грамши — учение о *культурной гегемонии*. Это — часть общей теории революции как слома государства. Изложение ее содержится в «Тюремных тетрадах» — огромном труде, который Грамши написал в тюрьме. Записи были тайно вывезены и через Испанию переправлены в Москву. Труд впервые был опубликован в Италии в 1948—1951 годы, в 1975 году вышло его четырехтомное научное издание с комментариями.

Теория революции Грамши развивается множеством авторов; самым крупным подтверждением ее эффективности считается антиколониальная революция в Индии, доктрину которой разработал Махатма Ганди. По многим признакам можно считать, что учение Грамши лежит и в основе доктрины перестройки в СССР.

В настоящее время на основе учения Грамши пишутся даже учебники. К ним относится, например, книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». Она издана в 1993 году и является учебным по-

собием для активистов «оранжевых революций». Лежащая в основе этого текста технология управления сознанием масс и идеология экспорта демократии отчетливо проявились в уже произошедших грузинских и украинских событиях.

Важное отличие теории революции Грамши от марксистской и ленинской теорий было и в том, что Грамши преодолел свойственный историческому материализму *прогрессизм*. И Маркс, и Ленин отвергали саму возможность революций *регресса*. Такого рода исторические процессы в их концепциях общественного развития выглядели как *реакция* или контрреволюция. Как видно из учения о гегемонии, любое государство, в том числе прогрессивное, может не справиться с задачей сохранения своей культурной гегемонии, если исторический блок его противников обладает новыми, более эффективными средствами агрессии в культурное ядро общества.

У Грамши перед глазами был опыт фашизма, который применил средства манипуляции сознанием, относящиеся уже к эпохе постмодерна, и подорвал гегемонию буржуазной демократии — совершил революцию регресса. Но теория истмата оказалась не готова к такому повороту событий. Недаром немецкий философ Л. Люкс, изучавший опыт фашизма, писал: «Благодаря работам Маркса, Энгельса, Ленина было гораздо лучше известно об экономических условиях прогрессивного развития, чем о регрессивных силах».

При этом подрыв культурных устоев, которые противостояли соблазнам фашизма, проводился силами интеллигенции, также вовсе не из ее классовых интересов. Л. Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов».

Оптимизм, которым было проникнуто советское мировоззрение, затруднил понимание причин и глубины того мировоззренческого кризиса Запада, из которого вызрела фа-

шистская революция. Л. Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

Опыт фашизма показал ограниченность тех теорий общества, в которых преувеличивалось значение социально-экономических факторов и не учитывалась уязвимость надстройки, общественного сознания. Крупнейший психолог нашего века Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 году, задолго до фашизма: «Христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что "белокурая бестия", мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями».

Потом он внимательно следил за фашизмом и все же в 1946 году в эпилоге к своим работам об этом массовом психозе («немецкой психопатии») признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему». Он прекрасно знал все «разумные» экономические, политические и пр. объяснения фашизма, но видел, что дело не в реальных «объективных причинах». Загадочным явлением был именно массовый, захвативший большинство немцев психоз, при котором целая разумная и культурная нация, упрятав в концлагеря несогласных, соединилась в проекте, который вел к краху.

Более того, элита советских коммунистов, получившая в 30-е годы образование, основанное на прогрессистских постулатах Просвещения (в версии исторического материализма), долго не могла поверить, что в Европе может произойти такой сдвиг в сфере сознания. В результате это не позволило осознать угрозу фашизма в полном объеме.

Это особо подчеркивает Л. Люкс: «После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интел-

лигенции — всеобщего равенства, и для марксистского идеала — пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в “капиталистической Европе” межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций.

Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низкой ступени выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип».

Иррациональные установки владели умами интеллигенции и рабочих во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы. Они ломали структуры надежно развивавшегося общества и расчищали дорогу капитализму, вовсе того не желая. Польские социологи пишут об этом явлении: «Противостояние имело неотрадиционалистский, ценностно-символический характер (“мы и они”), было овеяно ореолом героико-романтическим — религиозным и патриотическим. “Нематериалистическим” был сам феномен “Солидарности”, появившийся и исчезнувший... Он активизировал массы, придав политический смысл чисто моральным категориям, близким и понятным “простому” человеку, — таким, как “борьба добра со злом”... Широко известно изречение А. Михника: “Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим, никто из нас точно не знает”».

Это отступление сделано, чтобы оправдать рассмотрение русской революции в понятиях, «выходящих за рамки» теории Маркса. Придется сделать такое усилие, хотя трудно отступать от привычных понятий.

Вернемся к началу XX века.

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство — строило железные дороги, казенные заводы, университеты, продвигало науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну — и не справилось с этой задачей. Оно было повязано и сословными интересами, и долгами перед западными банками. Как говорил, пожалуй, самый авторитетный социолог того времени Макс Вебер (Германия), государство Российской империи попало в *историческую ловушку* и выбраться из нее уже не могло. А он внимательно изучал события в России как явление мировой важности для понимания капитализма и традиционных обществ — даже специально изучил русский язык.

Главным врагом монархического государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии — чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как это и произошло на Западе). Крестьяне (85% населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» и буквально (родственниками) — и по образу мыслей и жизни. В 1902 году в Европейских губерниях начались крестьянские восстания из-за земли, в ходе них возникло «межклассовое единство низов» — и произошла революция 1905 года. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» — ересь с точки зрения марксизма. Крестьяне отшатнулись от монархии и повернули к революции из-за столыпинской реформы.

Как же объяснить тот факт, что Маркс и Энгельс с энтузиазмом встретили сообщения о назревании революции в России и находились в тесном контакте с русскими революционерами? Из истории, начиная с революции 1848 года, можно

сделать вывод, что внутренне противоречивое отношение Маркса и Энгельса к русской революции сводилось к следующему:

— они поддерживали революцию, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

— они отвергали рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных цивилизационных основаниях, без повторения пройденного Западом пути.

Модель, созданная русскими марксистами с активной помощью Маркса и Энгельса для понимания России, была логична: Россия должна пройти тот же путь, что и Запад, — буржуазную революцию, развитие капитализма, разделение народа на классы, борьба которых приведет к пролетарской революции в момент, когда капитализм исчерпает свой потенциал и станет тормозить прогресс производительных сил. Эту модель не приняли М. Бакунин, а потом народники, разработавшие концепцию *некапиталистического* развития России. Народников разгромили марксисты, они считали, что разрушение традиционного хозяйства капитализмом быстро идет в России. Плеханов полагал, что оно уже состоялось. Так же поначалу считал и Ленин, мысливший в рамках политэкономии капитализма. Однако эта модель была неадекватна в принципе — не в мелочах, а в самой своей сути.

Надо отметить, что основоположники марксизма проявили замечательную прозорливость и интуицию. Они увидели и почувствовали главное: в России параллельно назревали две революции, в глубине своей не просто различные, но и враждебные друг другу. На первых этапах они могли переплестаться и соединиться в решении общих тактических задач, но их главные векторы были принципиально различны.

На первых этапах установки Маркса были приняты российскими марксистами — согласно этим установкам они оп-

ределяли свое отношение к реальному ходу революционного процесса в России. Первым критическим моментом стала революция 1905—1907 годов, которая явно пошла как раз по тому пути, который был отвергнут и осужден Марксом и Энгельсом. Марксисты оказались перед историческим выбором: включиться в эту революцию или остаться верными учению Маркса и противодействовать этой революции («будущему Октябрю»). Фракция большевиков, возглавляемая Лениным, извлекла уроки из первого акта русской революции и примкнула к революционным народным массам. Меньшевики остались с учением Маркса.

Ленин пересмотрел модель Маркса в отношении России в ходе революции 1905 года и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. В статье 1908 года «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин дает новую трактовку русской революции. Это — не буржуазная революция ради устранения препятствий для капитализма, а революция союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* господства капитализма. Она мотивирована стремлением *не пойти* по капиталистическому пути развития. Ортодоксальные марксисты (меньшевики) эту теорию не приняли, и конфликт с большевиками углубился.

Таким образом, в России созревали две не просто разные, а и *враждебные* друг другу революции. Одна из них — та, о которой мечтали Маркс и Энгельс. Это революция западническая, имевшая целью ликвидацию монархической государственности и империи, установление демократии западного типа и свободного капиталистического рынка. Для этого буржуазия с помощью Запада возродила российское масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 году руководителем масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры.

Другая революция — крестьянская (советская), имевшая целью *закрыть* Россию от западной демократии и свободно-

го рынка, отобрать бывшую общинную землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания. К этой революции примкнули рабочие с их еще крестьянским общинным мировоззрением и образом действия (например, способом организации в трудовые коллективы заводов и в подпольные общины революционеров). Такую революцию Маркс и Энгельс считали реакционной, поскольку она прямо была направлена на то, чтобы остановить колесо капиталистического прогресса.

Каждое из этих революционных течений имело двух главных врагов — *самодержавие* и *альтернативную революцию*. Конъюнктурно они на короткий период могли быть и союзниками (конкретно, в феврале 1917-го, во время свержения монархии, хотя в тот момент большой политической силой большевики не располагали).

Мы учили, что в феврале 1917 года в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию, а затем эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Потом силы «старой России» собрались и летом 1918 года при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти. Эта картина неверна, не в деталях, а в главном. Не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла».

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 года. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства. Оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений. Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905—1907 годы подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция 1917 года завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи. Те культурные силы, которые стремились поддерживать традиционные формы Российского государства (славянофилы в конце XIX века, «черносотенцы» после революции 1905 года), были дискредитированы в сознании образованного слоя и оттеснены на обочину. После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и фактически вырабатывали его программу. К ним присоединилась большая часть эсеров и меньшевиков. Все они сходились на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контр-революцией).

Антисоветские силы в Февральской революции искали поддержки марксистов-меньшевиков. Так, в мае 1917 года при Временном правительстве создавался Отдел пропаганды. Искали лучших авторов, и вот с кем была достигнута договоренность: Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, В.Н. Фигнер, Л.Г. Дейч, Н.С. Чхеидзе, Г.А. Лопатин. Все это виднейшие деятели российской социал-демократии. По главнейшим тогда вопросам они стояли на антисоветской позиции.

Февральская революция была *переворотом в верхах*, проведенным Госдумой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб и организовавшие голод в столицах, и солдаты с рабочими. Порог ни одной из этих сил не было бы достаточно — во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата. В данном случае революционными были Государственная дума (включая депутатов-монархистов типа Гучкова и Шульгина), большая часть генералитета, армии и полиции, чиновничества. Была и поддержка правительств государств Антанты.

Либералы-западники, пришедшие к власти в союзе с марксистами-западниками, моментально разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Как и предсказывал Энгельс, «эту революцию начали

высшие классы столицы», а управляющей структурой было подконтрольное Западу политическое масонство и верхушка либеральной буржуазии. Эта революция поощрялась Западом. Энгельс в своих трудах лишь выразил то, что правящая верхушка Запада и так прекрасно знала (хотя информационно-психологическая поддержка от марксизма была ей очень кстати).

Ленин писал в марте 1917 года то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова».

Февраль развязал руки революции советской. Уникальность русской революции 1917 года в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности — буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» советская власть¹. Это был *единственный в своем роде* опыт; похоже, его не переживал ни один народ в истории. Два типа государственности означали два разных пути, разных жизнеустройства. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации, и люди в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа — это исключительно эффективный способ познания.

М.М. Пришвин, мечтавший о либеральном строе, проклиная испортивших дело либералов: «Виноваты все интеллигенты: Милюков, Керенский и прочие, за свою вину они и

¹ Активный деятель того времени художник А.Н. Бенуа писал в апреле 1917 года: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

провалились в Октябре, после них утвердилась власть темного русского народа по правилам царского режима. Нового ничего не вышло».

За ворчанием здесь скрывается важная мысль: после Октября *утвердилась власть русского народа*; большевики выступили как реставраторы, даже как контрреволюционеры относительно либералов — именно из-за усилий большевиков *нового ничего не вышло*. Эта власть восстанавливала те принципы жизнеустройства, которые отвечали чаяниям подавляющего большинства людей и лежали на исторической траектории России. Ясно, что эта власть не могла быть принята либеральной и западнической частью привилегированных сословий.

Идеологи либеральной интеллигенции уже начиная с революции 1905 года все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной, враждебной расе. Это отразилось уже в книге «Вехи» и было ясно выражено в статье М.О. Гершензона, который писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Очень кратко отметим одну важную сторону революции 1917 года. Главной силой советской революции был союз рабочего класса и крестьянства, но надо учесть и другой срез — не классовый, а возрастной. На стороне Октября было особое *поколение* — та часть возрастной когорты населения России (в основном, губерний Центральной России), которая подростками пережила бурные 1902—1907 годы. Очень важен был тот факт, что большая часть солдат из крестьян и рабочих, поддержавших революцию и затем составивших основу Красной армии, прошли «университет» революции 1905—1907 годов в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Подростками они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В ар-

мию они пришли уже лишенными монархических и либеральных иллюзий.

В книге Т. Шанина «Революция как момент истины» (М., 1997) ставится методологический вопрос — о коллективной памяти того поколения, которому довелось играть решающую роль в критический момент истории. Действительно, в такие моменты действуют не просто классы или сословия и не просто этносы (народы), а возрастные когорты классов, сословий и народов, взгляды и дух которых складывались в конкретных, в чем-то очень необычных исторических условиях. Историки отмечают, что особенными чертами отличается поколение, которое в момент политического потрясения находилось в состоянии формирования характера — было еще молодым, но уже достаточно зрелым.

Именно такое поколение сыграло решающую роль в Гражданской войне. Т. Шанин пишет: «Тем, кому в 1905 г. было от 15 до 25 лет, в 1918 г. исполнилось, соответственно, от 28 до 38 лет. К этому времени многие уже успели отслужить в армии, стали главами дворов, т.е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905—1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и “власти”, а также их собственная отчужденность от “своих” помещиков и городских средних классов».

Именно эти люди летом 1918 года увидели против себя Белую армию, собранную бывшими властями, помещиками и городскими «средними классами». А люди эти, помнившие и обман власти, и карателей 1906—1907 годов, уже прошли империалистическую войну и имели оружие. Повзрослев, они вернулись в 1917 году с войны, которая лишь укрепила заложенные в отрочестве установки. Они были гораздо более антилибералами, нежели их родители (те, став рабочими, в городах голосовали за меньшевиков). Они верили в «новое самодержавие» — Советы и отвергали проект белых, которые предстали как коалиция либералов, помещиков и антимонархистов-западников.

Говоря о прямой связи между революцией 1905—1907 годов и Гражданской войной, Т. Шанин пишет: «Можно документально подтвердить эту сторону российской политической истории, просто перечислив самые стойкие части красных. Решительные, беззаветно преданные и безжалостные отряды, даже когда они малочисленны, играют решающую роль в дни революции. Их список в России 1917 г. как бы воскрешает список групп, социальных и этнических, которые особенно пострадали от карательных экспедиций, ссылок и казней в ходе революции 1905—1907 гг. ...».

Столкновения между Временным правительством и Советами начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна — впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

Да, вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Но это была война не с монархистами — вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» — никакой возможности реально влиять на события в феврале 1917 года большевики вообще не имели.

В апреле 1917 года крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе Советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственность крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов — недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И это дали «Апрельские тезисы» В.И. Ленина. Стихийный процесс продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-

буржуазного типа, обрел организующую его партию (больше-
виков). Поэтому рядовые консерваторы-монархисты (и даже
черносотенцы), да и половина состава царского Генерального
штаба, после Февраля пошли именно за большевиками.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России
началась борьба *двух революционных движений*. На допросе в
чрезвычайной комиссии Временного правительства генерал
Л.Г. Корнилов после провала его мятежа сказал, что в список
будущих министров при нем как диктаторе был включен ос-
новоположник российской социал-демократии Г.В. Плеханов
(а также эсер Савинков). В это надо вдуматься, чтобы понять
суть противостояния между меньшевиками и большевиками.
Эта суть конфликта между социал-демократией и коммуниз-
мом представлена наглядно на практике. Из точки октября
1917 года Россия пошла по пути реализации проекта *комму-
низма* (хотя он и назывался социализмом)¹.

На антисоветской стороне главная роль постепенно пе-
реходила от либералов к социалистам — меньшевикам и
эсерам. И те и другие были искренними марксистами и со-
циалистами, с ними были Плеханов и Засулич. Они хотели
социализма для России, только социализма по-западному,
«правильного». А в России народ был «неправильный». Если
взглянуть на дело со стороны меньшевиков-марксистов, то
Октябрь выглядит событием реакционным, *контрреволюци-
онным переворотом*. В этом они были верны букве марксиз-
ма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. Февраль-
ская революция в России произошла согласно теории Мар-
кса, а Октябрьская — вопреки этой теории.

Замечательно это выразил Грамши в статье «Революция
против “Капитала”» (5 января 1918 г.): «Это революция про-
тив “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России
книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он не-
опровержимо доказывал фатальную необходимость форми-

¹ Точнее было бы говорить «русский коммунизм», чтобы не путать его с «пра-
вильным марксистским».

рования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [15].

Нестабильное равновесие, возникшее после Октября, сломали прежде всего эсеры. Признав советскую власть, Учредительное собрание блокировало бы войну. А вот если бы большевики сдались Учредительному собранию, война все равно была бы неизбежной. Шанс на выход из тупика давал именно и только советский проект (хотя какие-то его вариации были возможны, но и те были загублены левыми эсерами). Эсеры и объявили Советам гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром (его недавно перезахоронили с воинскими почестями и хоругвями как якобы монархиста).

Большевики ушли от марксизма не только в том, что исходили из иной картины мироустройства, осознали природу капиталистической системы «центр—периферия» и цивилизационный смысл русской революции. Они ушли и от присущего марксизму *механицизма* во взглядах на исторический процесс. Они мыслили уже в понятиях перехода «порядок—хаос—порядок» и верно оценивали значение *момента* и *движения*. Помимо верной оценки движущих *сил* русской революции, они умело действовали в «точках бифуркации», в моменты неустойчивых равновесий. Октябрьский переворот — высшее достижение социальной синергетики.

Благодаря организующему действию большевиков Советам удалось прийти к власти на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль

ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

Это удалось потому, что в России в отличие от марксистской теории классовой революции была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступили против советской революции, выступая даже и под красным знаменем социализма.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в Петрограде, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, поддерживавшие большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 года эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Внутренняя политика правительства Жордания была *социалистической*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа — земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 году в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 года: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империа-

лизм. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»¹.

Суть Октября как выбора, альтернативного марксизму, отметили многие социалисты России и Европы. Лидер эсеров В.М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И. Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «*азиатизацию Европы*». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Важным доводом для отрицания советской революции была марксистская догма, согласно которой антикапиталистическая революция должна произойти в развитых промышленных странах Запада, а русские революционеры должны действовать под контролем западных социалистов.

М.И. Либер писал уже в 1919 г.: «Для нас, “непереучившихся” социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития, — Германия, Англия и Америка — вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений. Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых

¹ Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 году. Он был российским революционером и социалистом, поклонником Ф. Энгельса, после 1917 г. — руководителем Польской социалистической партии. Пилсудский был сослан в Сибирь по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. В 1895 году Пилсудский написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы в Москве спустя сто лет, в начале 90-х годов XX века.

марксистов... Эта теория очень старая; корни ее — в *славянофильстве*» [33].

Да, Ленин эту догму отверг. В его работе «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 году в Цюрихе и напечатанной в середине 1917 года в Петрограде, развивается представление о судьбе периферийных стран мировой системы. В дополнение к отходу от марксистских представлений о крестьянстве «Империализм...» стал необходимым и достаточным блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «*в одной стране*» — вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада *не является* революционным классом (строго говоря, не является и пролетариатом). Это — важная предпосылка для преодоления присущего марксизму мессианского отношения к промышленному пролетариату и убеждения в том, что лишь мировая пролетарская революция может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Преодоление этого постулата было условием для создания ленинской теории революции, а значит, и облегчившим ее практическое исполнение.

Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, С. Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил: его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов. Таким образом, и на практике

эксплуатация рабочих была дополнена (а скорее, даже замещена) эксплуатацией народов, а *классовая борьба* заменена *борьбой народов*.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 года (!) Энгельс писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 году, вполне устойчиво. 12 сентября 1882 года он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Из этого прямо следовала установка большевиков, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и *национально-освободительный* характер борьбы против гнета иностранного капитала. Впоследствии ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах.

Условием для победоносной советской революции в России было то уникальное сочетание чаяний и интересов общинного крестьянства и молодого рабочего класса, которое выразил Ленин в идее союза рабочих и крестьян. Сравнивая поведение рабочих в разных странах, мы должны были бы прийти к выводу, что революционным, отрицающим буржуазный порядок, был рабочий класс именно там, где он не потерял связь с землей, со своими крестьянскими корнями. Историк крестьянства Э. Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста

промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью. Сама попытка среднего и “свободного” крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным».

Ортодоксальные марксисты (Аксельрод, Засулич, Плеханов) посчитали, что в феврале 1917-го главная задача русской революции, поставленная Марксом и Энгельсом, выполнена. А с реакционной советской революцией надо бороться. Эта часть марксистов стала антиленинцами и заняла антисоветскую позицию — в точном соответствии с теми заветами, которые Маркс и Энгельс сформулировали в 1870—1880 годах.

Вот выдержки из документа, который называют «Политическим завещанием» лидера меньшевиков Аксельрода (письмо Ю.О. Мартову, сентябрь 1920 года). Он пишет, обращаясь к социал-демократам Европы, о большевиках: «Самой главной... изменой их собственному знамени является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России в то время, когда в экономически наиболее развитых странах еще царит капитализм. Вам мне незачем напоминать, что с первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупримитивного капитализма прямо в царство социализма...

Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии... Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Это представление меньшевиков о российской реальности было ошибочным. Изучая, начиная с 1904 года, события в России, Вебер приходит к фундаментальному выводу:

«слишком поздно!». Успешная буржуазная революция в России была уже невозможна. И дело, по его мнению, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Сам Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический заряд.

Историк-эмигрант А. Кустарев, изучавший «русские штудии» Вебера, пишет: «Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера».

Этот анализ и стал стержнем теории русской революции. Исходя из него и вырабатывались политические формы советской государственности.

Более того, и Вебер, и Ленин, и консерваторы предвидели, что в брешь, пробитую либеральной революцией, прорвутся как раз силы, движимые общинным коммунизмом. Сам Вебер на основании уроков революции 1905 года писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Либеральная аграрная реформа, которую требовали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, программа кадетов «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры». Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная истори-

ческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня.

Революцию совершили общинные крестьяне (авангардом была их молодая часть в солдатской шинели) и рабочие из крестьян, мобилизованные на заводы во время войны. Они представляли подавляющее большинство русского народа, высокоорганизованное (в общине, армии и трудовом коллективе завода) и находящееся на пике духовного и культурного подъема. Этот культурно-исторический тип человека подобрал себе наиболее подходящую из имеющихся партий, «назначил» командиров и даже набрал отряды этнических маргиналов для выполнения жестокой работы, без которой не обходятся революции. Именно в свой проект он загал и отобранных вождей (Ленина, Троцкого, Сталина и пр.). Как сказал об этой истории Брехт, «ведомые ведут ведущих».

Таким было ядро русского народа в первой половине XX века. Судить его по либеральным критериям сытого интеллигента горбачевской формации или шкурным критериям нынешнего «рыночника» — глупо. Вся антисоветская риторика последних двадцати лет — свидетельство глубокого интеллектуального регресса.

Глава 5. БОЛЬШЕВИКИ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Одной из важнейших программ, к которой приступили Советы сразу после Октябрьской революции, было практическое *государственное строительство*. Для советского государственного строительства было характерно абсолютное недопущение *разрывов непрерывности* в наличии власти. Проявившееся в эпоху становления советского строя «чувство государственности» (иногда даже говорят об «инстинкте»), причем на всех, даже низовых, уровнях власти, а также сложившаяся доктрина новой государственности — особая глава истории русского коммунизма.

Этот «инстинкт государственности» — вовсе не тривиальное и обычное явление. Наоборот, большие социальные потрясения не раз ввергали население России в *смуту* и приводили к распаду государства. Сразу после Февральской революции власть, как говорили, «лежала в грязи». М.М. Пришвин писал, что после февраля всего за полгода «власть была изнасилована» («за властью теперь просто охотятся и берут ее голыми руками»). Прочность возникающей после революции государственности определяется тем, насколько быстро создаются институты власти и права и насколько быстро и полно они обретают легитимность. То либерально-буржуазное государство западного образца, которое должно было бы стать результатом Февральской революции, складывалось столь медленно, что не поспевало за событиями.

Следуя классическим схемам европейских буржуазных революций, либералы, меньшевики и эсеры уже в феврале 1917 года приняли принцип *непредрешенчества*. Поэтому и правительство в 1917 году назвало себя Временным и оставляло главные вопросы государственного строительства и социальные реформы будущему Учредительному собранию, с созывом которого, однако, не торопилось. Даже объявить Россию республикой они не решились, хотя съезд партии кадетов 25 марта 1917 г. единогласно высказался за «демократическую парламентскую республику». Страна формально до осени 1917 г. оставалась монархией — без царя и без всяких предпосылок для коронации нового монарха¹. Важнейшие решения откладывались: сначала победа в Мировой войне, потом Учредительное собрание, которое и примет доктрину государственного строительства. Это и создало хаос, затягивание которого было для обывателя невыносимым.

Временное правительство слишком далеко зашло в разрушении даже того минимума авторитарных отношений, который совершенно необходим любому государству. Либе-

¹ Временное правительство объявило Россию республикой 1 сентября 1917 г., присвоив себе функции *Законодательного собрания*.

ральные управленческие кадры, проникнутые комплексом «вины перед народом», своими заигрываниями с «простым человеком» вели тихое, повсеместное разрушение государственности¹.

Демократия, которую насаждали после Февраля, выродилась в лихорадку выборов и голосований, доходящих до абсурда. В мемуарах одного немецкого офицера приведен такой факт (его вспоминает активный участник Февральской революции В.В. Шульгин). Летом 1917 г. русские войска вели наступление на позиции немцев. Часть, которая атаковала участок этого офицера, наступала грамотно. После быстрой перебежки цепи залегали. Немецкие офицеры, наблюдавшие в бинокли, не могли понять одной вещи: перед следующей перебежкой солдаты поднимали свободную левую руку и кто-то из них пересчитывал, а потом что-то кричал. После чего цепь снова поднималась в атаку. Оказалось, что каждый раз солдаты решали голосованием — вставать в атаку или нет.

Здесь — принципиальное отличие политической философии большевиков от представлений их противников. Статья А. Грамши «Революция против *“Капитала”*», написанная в январе 1918 г., содержит такую важную мысль: «Создается впечатление, что в данный момент максималисты [большевики] были стихийным выражением [действия], биологически необходимого для того, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие стимулы голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга» [15].

В том факте, что Россия просто, без боя и без выборов, отдала власть большевикам, Грамши видит биологическую закономерность — неосознаваемое в рациональных понятиях ощущение, что это — единственный путь к спасению в на-

¹ Один писатель из инженеров вспоминает о весне 1917 г.: «Инженеры стали отменно либеральны, отчего уважение к ним рабочих сократилось еще вдесятеро».

циональной катастрофе. Эту мысль в разных вариантах выражали представители всех течений, вплоть до реакционных. Н.А. Бердяев писал: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться». В 30-е годы, оценивая то, что удалось выполнить большевикам в деле восстановления государства, лидер кадетов П.Н. Милюков писал, находясь в эмиграции: «Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней... Ведь иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого».

«Черносотенец» Б.В. Никольский признавал, что большевики строили новую российскую государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причем «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей». Будучи сами близки к этой стихии, большевики не заискивали перед ней и «брали быка за рога».

Антисоветский историк Р. Пайпс пишет, что после разгона Учредительного собрания большевиками «массы почуяли, что после целого года хаоса они получили, наконец, “настоящую” власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но парадоксальным образом и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества — пресловутых “гиен капитала” и “врагов народа”, презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков» [35].

В сущности, крестьяне России (особенно в шинелях) потому и поддержали большевиков, что в них единственных была искра власти «не от мира сего» — власти без родственников. Власти страшной и реальной.

В сентябре 1917 г. был учрежден Временный совет республики — Предпарламент. Он стал лишь совещательным органом при Временном правительстве и заметной роли в укреплении государственной системы не сыграл. Вот как воспри-

нимает М.М. Пришвин, приехавший из деревни на заседание Предпарламента, вождей кадетско-эсеровской коалиции: «Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра... Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре.

В действительной жизни власть не такая, она страшная. Эта же власть кроткая, как природа, приспособленная художником для театра.

Потом выходит Чернов, как будто лукавый дьяк XVI века, плетет хитрую речь про аграрные дела, но неожиданные выкрики слов «Категорический императив аграрного дела!» выдают его истинную эмигрантско-политическую природу русского интеллигента, и оказывается, что просто кабинетный человек в Александринском театре, плохой актер изображал из себя дьяка, мужицкого министра, что это все, все неправда и слова его никогда не будут жизнью...

Что же такое эти большевики, которых настоящая живая Россия всюду проклиняет, и все-таки по всей России жизнь совершается под их давлением, в чем их сила?.. Несомненно, в них есть какая-то идейная сила. В них есть величайшее напряжение воли, которое позволяет им подниматься высоко, высоко и с презрением смотреть на гибель тысяч своих же родных людей...».

Эту разницу между коммунистами и противостоящей им коалицией кадетов, эсеров и меньшевиков не исследовала и не объяснила ни советская, ни тем более нынешняя официальная наука. А ведь за этой разницей стояли глубокие различия в типах мышления, культуры, памяти и жизненного опыта. Не зная и не понимая этих различий, наша интеллигенция в 80-е годы подняла наверх людей типа Керенского, за которыми прятались воры. А людей, в характере и мышлении которых еще были черты большевиков, оттерли и от власти, и от трибуны.

Вернемся в историю. Для самого первого периода (между Октябрем и Гражданской войной) отметим следующие характерные моменты:

- невероятный по обычным (особенно по нынешним) меркам объем проведенной теоретической, аналитической и практической работы по конструированию и созданию форм и процедур государства и права;

- высокая динамичность концептуальной мысли, быстрота принятия решений и проведения их в жизнь, быстродействующие обратные связи с социальной практикой;

- системное видение задач государственного строительства, различение фундаментальных и временных (а также *чрезвычайных*) структур, сочетание волевых решений с самоорганизацией, использование неформальных структур власти и авторитета.

Учитывая материальные и кадровые возможности Советского государства в первый период, историки оценивают сделанную им работу как не имеющую прецедентов. В качестве аналога для сравнения берется обычно государственное строительство во время Великой Французской революции, однако условия несравнимы. Во Франции буржуазия, финансовая олигархия и интеллектуальная элита поддержали революцию, обеспечив ее деньгами и кадрами, а в России после Октября эти элиты были ее противниками. Во Франции революция произошла при благополучном состоянии экономики, в России Советы приняли власть в условиях крайней разрухи и оказались перед необходимостью остановить катастрофу.

При этом надо отметить одну принципиальную трудность, с которой столкнулась новая власть и на которую в нашей истории как-то не обращали внимания. Разочарование, которое испытала либеральная интеллигенция после поражения революции 1905—1907 гг., тяжесть мировой войны и хаос революции после Февраля привели к тому, что очень немногочисленная интеллигенция в большой своей части сникла и «дезертировала» от работы по организации государственного строительства.

Понятно, что это строительство велось в острой (в том числе вооруженной) борьбе с политическими силами альтернативной революции — буржуазно-либеральными и социалистическими, отвергнувшими советскую революцию (радикальными меньшевиками и правыми эсерами). Но главная проблема строительства Советского государства коренилась в глубокой противоречивости самой принципиальной идеи новой государственности — смысле *Советов*. Лозунг «Вся власть Советам!» отражал крестьянскую идею «земли и воли» и нес в себе большой заряд *анархизма*. Положение осложнялось тем, что, с точки зрения государственного порядка, Советы взяли на себя власть, когда в России во многих системах царил хаос, а другие находились на грани хаоса.

Возникновение множества местных властей, не ограниченных «сверху» ни иерархией монархического порядка, ни законами, буквально рассыпало Россию на мириады «республик». Ведь Советы, имея «*всю власть*», могли сами устанавливать и менять законы. Поэтому и пришлось в форсированном порядке и принимать Конституцию, и создавать свою армию.

Вот пример местного законотворчества, которое действовало до принятия в июле 1918 года первой Конституции РСФСР (его привел в дневнике М.М. Пришвин). 25 мая 1918 года Елецкий Совет Народных Комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоянием граждан» («Советская газета». Елец. 1918. 28 мая. № 10. С. 1). А 2 июня 1918 года М.М. Пришвин записал в дневнике: «Вчера мужики по вопросу о войне вынесли постановление: "Начинать войну только в согласии с Москвою и с высшей властью, а Елецкому уезду одному против немцев не выступать"».

Чтобы на основе Советов восстановить *государство*, требовалась обладающая непререкаемым авторитетом сила, которая была бы включена во все Советы и в то же время следовала бы не местным, а общегосударственным установкам и

критериям. Такой силой стала *партия*, игравшая роль «хранителя идеи» и высшего арбитра, но не подверженная критике за конкретные ошибки и провалы.

В целом, Октябрь открыл путь процессу (поначалу стихийному) продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа. М.М. Пришвин записал в дневнике 30 октября 1917 года: «Просто сказать, что попали из огня да в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности». Это — бессильная ругань, но смысл событий в ней ухвачен верно.

Однако и на этом, близком к установкам подавляющего большинства населения пути возникли фундаментальные трудности: государственное строительство советской власти вошло в конфликт с освобожденной энергией революционных масс и с теми институтами, которые она породила и, строго говоря, которые и были инструментом революции. Как выразился Есенин, большевикам «страну в бушующем разливе пришлось заковывать в бетон». Но это значит, что надо было преодолеть смуту и подавить «русский бунт».

Во время революции каждая политическая сила, имеющая конструктивный проект и претендующая на то, чтобы стать во главе строительства нового жизнеустройства страны, вынуждена в какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, *обуздание* того самого социального движения, что ее подняло. Возможно, это самый болезненный этап в любой революции, здесь — главная проба сил. Обуздать революцию может только *государственная власть*. Таким образом, государственное строительство, ведущееся революционерами, сопряжено с острыми фундаментальными противоречиями, расколами и конфликтами¹.

Нельзя забывать об особом фронте революции — борьбе против «молекулярного» антигосударственного движения.

¹ С этой точки зрения надо рассматривать и события 20—30-х годов в ходе строительства Советского государства после Гражданской войны.

Поворот населения к массовой поддержке красных во многом произошел потому, что они, в отличие от белых, показали себя силой, способной не то чтобы победить это движение, а «овладеть» им, придать его хаотической разрушительной силе направление, «ввести в берега». Партия большевиков уже в своей философии резко отличалась от других партий тем, что она открыто и даже жестоко подавляла «гунна», — она единственная была, по выражению М.М. Пришвина, «властью не от мира сего».

Гёте сказал: «Нет ничего страшнее деятельного невежества». Но во всех революциях не только прогрессивные силы, но и невежество освобождается от оков (прежде всего от «оков просвещения»). М.М. Пришвин, работая в деревне, записал в дневнике 2 июля 1918 года (вероятно, неточно повторив фразу Гёте): «Есть у меня состояние подавленности оттого, что невежество народных масс стало действенным». В провинции оказалось, что из всех политических сил именно большевики обладают способностью обуздать «деятельное невежество». Будучи теснее связаны с народными массами, они не нуждались в том, чтобы заискивать перед ними.

М.М. Пришвин, работавший в деревенской школе, писал в дневнике 12 декабря 1918 г.: «Самое тяжкое в деревне для интеллигентного человека, что каким бы ни был он врагом большевиков — все-таки они ему в деревне самые близкие люди. В четверг задумал устроить беседу и пустил всех: ничего не вышло, втяпились мальчишки-хулиганы... Мальчишки разворовали литературу, украли заметки из книжек школы, а когда я выгнал их, то обломками шкафа забаррикадировали снаружи дверь и с криками "Гарнизуйтесь, гарнизуйтесь!" пошли по улице. Вся беда произошла, потому что товарищи коммунисты не пришли, при них бы мальчишки не пикнули».

Овладеть этим главным потоком революции — народным бунтом, со всеми его великими и страшными сторонами, — оказалось для большевиков самой важной и самой трудной задачей, хотя, конечно, острая и прямая опасность исходила, начиная с середины 1918 года, от Белого движе-

ния. Постановка задачи «обуздания революции» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Решение этой противоречивой задачи было в том, чтобы договориться о главном, поддержать выбранный огромным большинством траекторию. Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не только его «расхожих суждений». А это понимание встречается у политиков чрезвычайно редко.

Ортега-и-Гассет писал: «Секрет политики состоит всего-навсего в провозглашении того, *что есть*, где под тем, *что есть*, понимается реальность, существующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества... В эпохи кризисов расхожие суждения не выражают истинное общественное мнение».

По каким признакам Ленин распознавал чаяния — должно было бы стать ценным методологическим исследованием. И как он передал это умение большевикам, в основном из простонародья, — вот принципиальный вопрос.

В целом установка на максимально быстрое восстановление государственности, принятая советской властью, хотя поначалу и создала очаги рабочих восстаний («гражданской войны среди своих»), стала фактором, подавлявшим накал сопротивления советской революции *в целом*.

Когда читаешь документы того времени, дневники и наблюдения (в основном со стороны противников Ленина — его соратники дневников не вели за неимением свободного времени), то возникает картина, в которую поначалу отказываешься верить. Получается, что главная заслуга большевиков состоит в том, что они сумели остановить, *обуздать* революцию и реставрировать Российское государство. Это настолько не вяжется с официальной историей, что вывод кажется невероятным.

Советская власть уже на первом этапе успешно выполнила едва ли не главную задачу государства — задачу *целе-*

полагания, собрания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, в то же время признал, что его партия «была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия... Это было единственно возможное в России идейно сплоченное правительство» [36].

Что же противопоставили этому противники русского коммунизма? Бессвязный набор идей, уже опробованных и отвергнутых обществом. И даже эти идеи они вынуждены были выражать исключительно смутно. Иначе и не могло быть — в противном случае вся эта мешанина политических течений, объединенных исключительно принципом «не уступить большевикам», просто рассыпалась бы.

Эта неспособность к целеполаганию и строительству была, конечно, не следствием каких-то персональных недостатков и слабостей — среди кадетов, эсеров и меньшевиков было множество умных, образованных и мужественных людей, опытных политиков, прошедших огонь, воду и медные трубы. Причина их несостоятельности коренилась в дефектной мировоззренческой матрице, на которой были собраны их политические организации. Они пошли вразрез с чаяниями народа, были слишком увлечены теоретическими догмами, не отвечавшими реальности и ценностям России, — чувствовали это, но уже не могли порвать со своим партийным проектом¹.

Нагляднее всего эта разница проявилась во время Гражданской войны. Говоря о Гражданской войне, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне за *собственность*. На деле классовые интересы — лишь фон. Строго говоря, в истории вообще не было гражданских войн, вызванных «противоположными классовыми интересами трудящихся и эксплуататоров». Воюют не из классового интере-

¹ Те, кто смог пересмотреть эти догмы, оказались великолепными военачальниками, организаторами, учеными в Советской России и в СССР.

са, а «за правду». Гражданская война в России была порождена конфликтом по вопросу о том, как надо жить людям в России, в чем *правда и совесть*.

В важной работе «Причины войны и условия мира» социолог П.А. Сорокин пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения»¹.

Белое движение воевало за ценности, уже проверенные и отвергнутые подавляющим большинством. Антисоветский историк М.В. Назаров говорит: «При всем уважении к героизму белых воинов следует признать, что политика их правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь — что и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль».

Прежде всего, Гражданская война со стороны красных была неразрывно связана с войной за *независимость* России — против интервенции Запада². Всеми своими действиями большевики и советская власть это наглядно показа-

¹ П.А. Сорокин (1889—1968) — выдающийся российский и американский социолог, по рождению коми. В 10 лет он с братом стал скитаться как бродячий ремесленник, в 1905 г. стал активным эсером. Выйдя из тюрьмы, ушел в подполье и был странствующим проповедником революции. Кончил вечернюю школу и поступил в Санкт-Петербургский университет, стал блестящим студентом, чередуя учебу с революционной деятельностью, арестами и необычными путешествиями. Летом 1917 г. был секретарем Керенского, с января 1918 года скрывался, был приговорен ЧК к расстрелу и освобожден по прямому приказу Ленина, организовал кафедру социологии университета, тайно издал три тома своего труда «Системы социологии» (по 10 тыс. экземпляров каждого тома), все они были проданы за 2-3 недели. В 1922 г. избежал ареста, но явился в ЧК, получил паспорт и выехал в Чехословакию и затем в США. Стал ведущим социологом, организовал первый факультет социологии в Гарвардском университете и 10 лет был его деканом.

² Эта интервенция у нынешних поколений недооценивается, и это большая ошибка. Вот формулировка Вальтера Шубарта: «С 1914 года мы вошли в столетие

ли. В идейной борьбе они на этом участке духовного фронта сразу одержали победу. Приняв от Антанты не только материальную, но и военную помощь живой силой, антисоветская революция лишилась черт патриотического движения и предстала как прозападная сила, ведущая к потере целостности и независимости России. Это во многом предопределило утрату широкой поддержки со стороны населения и поражение Белой армии.

Возьмем «Белую гвардию» М. Булгакова (или короткий вариант, пьесу «Дни Турбиных»). Да, очень милых людей вышибла из колеи революция. Но уже тридцать лет братьев Турбиных и их друзей представляют нам как носителей русской офицерской чести, как тот тип людей, с которых надо брать пример в трудные моменты истории. Давайте называть вещи своими именами. Перед нами «белая гвардия» — офицеры и юнкера, стреляющие в «серых людей».

Кому служат эти русские офицеры и в кого стреляют? Они служат немцам и их марионетке-гетману. Что они защищают? Вот что: «И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии: “Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок”. Добродушный, презрительный хохот над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город».

Кто же те «серые люди», в которых стреляли белые офицеры, служа немцам и мечтая о вторжении в Россию французов и сенегальцев? Эти люди, в которых стреляли Турбины, — украинские и русские крестьяне и солдаты, доведенные господами до гражданской войны. Заметим еще, что многие реплики, *смягчающие* образ белогвардейцев, были вставлены в пьесу под давлением цензуры и репертуарного комитета.

западно-восточной войны». В 1918—1921 годах Запад вел ее в основном руками российских «белых», а потом руками поляков.

Что касается подходов к обустройству самой России, то стратегия создания государственности в Гражданской войне 1918—1921 годов у красных и у белых была кардинально различной, что также во многом предопределило исход войны. И Белое, и Красное движения («Февраль и Октябрь») были движениями *революционными*. Правящая коалиция, сложившаяся после февраля 1917-го, а в 1918 году начавшая Гражданскую войну, сходилась на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контрреволюцией). Ожидалось, что и ход событий пойдет по известному коридору буржуазных революций.

Белое движение вслед за Временным правительством следовало принципу *непредрешенчества*. Оно ограничивалось негативной целью ликвидировать советскую власть. Фактический отказ белых принять на себя бремя власти, а не только «борьбы с красными», лишил их поддержки даже со стороны буржуазных слоев. Хаос был страшнее большевиков. Генерал Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения».

Попробуйте сегодня, когда опубликовано множество воспоминаний лидеров Белого движения, реконструировать его программу! Поразительно, но это в принципе невозможно.

Вот «Воспоминания террориста» Б. Савинкова, исключительно активного в Гражданской войне руководителя эсеров, человека университетски образованного, писателя. Ради чего он пролил море крови? Полный мрак — ни одного конструктивного утверждения. Ничего, кроме мечты об Учредительном собрании. Но ведь любой здравомыслящий человек в России в тот момент задавал себе вопрос: что же ты, Савинков, хочешь сказать в этом Учредительном собрании? Почему же вы, эсеры, отвергли в Учредительном собрании в январе 1918 года декреты советской власти, которые очевидно были одобрены подавляющим большинством народа?

В 1991 году был издан альманах «Русское прошлое» с документами революции и Белого движения. В своей рецензии на него В. Старцев пишет: «Как собирались “обустроить Россию” в случае своей победы белые? Поскольку у нас об этом толком не знает никто, познакомиться с квалифицированным резюме речей глав белых армий и их программных установок очень полезно. Его подготовил американский ученый Н.П. Полторацкий. Характерно, что, как ни старался он вычленивать программу из приказов и речей Деникина, кроме фраз “За свободу и Россию” не обнаружилось ничего» [44].

Поняв это, население почти полностью отказало белым в поддержке. В ходе Гражданской войны в России погибло очень много людей (с вескими доводами говорят о 12 млн. человек). Отчего погибла основная масса? Не от прямых действий организованных политических сил, например, боев и репрессий. За 1918—1922 годы в Красной армии от всех причин погибло 939 755 красноармейцев и командиров. Значительная, если не большая часть их — от тифа. Точных данных о потерях белых нет, но они намного меньше. Значит, подавляющее большинство граждан, ставших жертвами революции (более 9/10), погибло не от «красной» или «белой» пули, а от хаоса, от слома жизнеустройства. Прежде всего, слома государства.

Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» — взаимоистребления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом (но иногда с использованием какого-то знамени как прикрытия, как это бывало, например, у «зеленых»). Этот хаос уже был для массы людей нетерпим.

Не ставя долгосрочных целей, не предъявляя свой «образ будущего», белые не могли решать и срочные задачи. В гражданской войне любая армия снабжается тем, что удается отнять у крестьян. Главное, что нужно для армии, это люди, лошади, хлеб и фураж. Конечно, крестьяне не отдавали все это своей охотой ни белым, ни красным. Исход войны опре-

делялся тем, как много сил приходилось тратить на то, чтобы все это получить. Это и есть важнейший критерий. Причина победы красных была в том, что белым становилось все труднее и труднее пополнять армию, и в 1920 году численность новобранцев в Белую и Красную армии находилась в соотношении 1:5. Иными словами, красным крестьяне сопротивлялись намного слабее, чем белым. Под конец все силы у белых уходили на борьбу за самообеспечение — и война закончилась.

А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними...» [34].

Для населения важным был и тот факт, что большевики смогли установить в Красной армии более строгую дисциплину, чем в Белой, — принцип «непредрешенчества» повлиял даже на армию. В Красной армии была гибкая и разнообразная система воспитания солдат и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета — дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать, а новые надо было *строить*. М.М. Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

В Гражданской войне проявилась и такая особенная, по сравнению с другими политическими течениями, установка — максимально быстрое, насколько возможно, пресечение любой смуты, тем более раскола и конфликта с насилием. Ленин и его соратники много сделали, чтобы Граждан-

ская война была закончена как можно быстрее и резко — без «хвостов». На это была направлена и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий¹. Опыт многих стран показал, что часто гражданская война переходит в длительную «тлеющую» форму и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

В целом Гражданская война имела «два завершения» — решительную и резкую победу красных над белыми в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления через переход к НЭПу. Это мы помним довольно, надо только задуматься над тем фактом, что завершение обеих войн было чистым. Это — вовсе не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом является длительное изматывающее противостояние после номинального окончания войны.

Надо подчеркнуть, что огромная тяга к миру, возникшая сразу после Февральской революции, вовсе не означала только стремления к выходу из империалистической войны — люди надеялись на мир в самой России, в ее «мире».

Пришвин записал в дневнике 31 марта 1917 г.: «Многим непонятен призыв к миру Совета, думают, что этот мир значит слабость, а на деле это призыв сильный, более сильный, чем «Война!»: мир всего мира — то, о чем молятся только в молитве «О мире всего мира!», — это признается рабочими... Это совершенно то же самое, о чем с детства столько лет мы слышали в церкви, когда дьякон, потряхивая кудрявыми волосами, возглашает: «О мире всего мира Господу помолимся!»

Сразу после завершения Гражданской войны была начата большая программа по «гашению» взаимной ненависти расколотых частей народа. Нэп во многом и был такой програм-

¹ После Октября в целях примирения советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета *запрещенной* партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома силами ВЧК «анархистских центров» в Москве Н. Махно летом 1918 г. приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым.

мой. Она была сопряжена с внутрипартийными конфликтами, в частности, с борьбой против «классовиков» — фундаменталистов классовой идеологии (к ним относились, например, группы Пролеткульта, РАПП и др.). Много делалось для привлечения к сотрудничеству старой интеллигенции, в том числе из партий «белого лагеря». Эта сторона НЭПа и программы 30-х годов по формированию русского и советского национального сознания — особая большая тема.

Не вызывает сомнения, что задача *примирения* воевавших социальных и культурных групп была решена в СССР эффективно и поразительно быстро. Уже в 20-е годы был преодолен присущий гражданским войнам синдром послевоенной непримиримости, который наблюдался, например, в Мексике, Китае или Испании. Это — великое достижение русского коммунизма, в этом большевики очень умело и эффективно использовали свойства русской культуры и культуры всех народов, соединившихся в СССР.

Даже в зонах интенсивных боевых действий, в среде казачества, уже в 20-е годы стали обычными браки молодых людей, чьи родители принадлежали к разным воюющим сторонам. В Испании, по рассказам самих сельских жителей, даже в 80-е годы, через полвека после окончания войны, браки молодежи из семей республиканцев и франкистов были редкостью. После завершения войны в 1939 году в деревнях на крышах домов солдат-республиканцев по ночам дежурили посты фалангистов — ожидали их тайного возвращения из скитаний. В некоторых местностях это продолжалось до 70-х годов: юные активисты подкарауливали возвращение стариков — ветеранов войны, о которой они уже почти ничего не знали.

Насколько сложна была эта задача примирения, говорит тот раскол, который пережило российское общество в 90-е годы, когда из политической целесообразности власти старые раны были раскрыты и СМИ стали сыпать на эти раны соль.

Есть еще один эпизод в программе «преодоления расколов» как принципа государственного строительства — то, как отнеслась советская власть после октября 1917 г. к деятелям

высшего ранга в царском и Временном правительстве. В последние годы многие исторические книги издаются снабженными прекрасными указателями. Иногда именные указатели снабжены краткими биографиями. Вот, например, очень интересная книга А.С. Сенина о лидере партии октябристов А.И. Гучкове [37]. Человек исключительной воли и энергии, любитель армии, он с 1895 г. находился в гуще всех политических событий и тесно общался с большим числом виднейших государственных и общественных деятелей. Поэтому именным указателем книги А.С. Сенина с краткими биографическими сведениями по объему составляет почти половину от собственно текста книги. Перечисленные в нем персоны — представительная выборка.

Когда прочитаешь этот указатель, поражает судьба всех этих деятелей после Октября 1917 г. Как же исказила наше представление официальная советская история! Ведь большая часть тех, кто пережил Гражданскую войну, сыграли огромную роль в государственном, хозяйственном и научном строительстве СССР.

Почти подряд на букву «К» идут такие фигуры:

— А.Н. Крылов — председатель правления Путиловских заводов, проектировщик первых русских линкоров, академик, с 1919 г. начальник Морской академии Рабоче-крестьянского Красного Флота, лауреат Сталинской премии 1941 г.

— А.Н. Куропаткин, военный министр царского правительства в 1898—1904 гг., после Октябрьской революции (в возрасте 70 лет) на преподавательской работе в военной академии.

— Н.Н. Кутлер, министр землеустройства и земледелия, управляющий главными поземельными банками (Дворянским и Крестьянским), зам. Министра внутренних дел царского правительства, с 1921 г. член правления Госбанка РСФСР, разработчик денежной реформы 1922—1924 гг.

Скажем несколько слов о двух небольших, но красноречивых случаях. Первый — «дело Лопухина». А.А. Лопухин принадлежал к древнему дворянскому роду, к тому же, что

и первая жена Петра I — Евдокия Лопухина, был однокашником и дальним родственником Столыпина, считался блистательным юристом. Отец его, прокурор Петербургской судебной палаты, был обвинителем по делу В.И. Засулич, не справился и был направлен в Варшаву председателем судебной палаты. Три года (1902—1905 гг.) Лопухин был директором Департамента полиции.

Он пришел к выводу, что взятый в политической полиции курс на широкое использование провокаторов является антигосударственным, создает раскол в обществе и ведет к революции. Так, у него сложилось убеждение, что провокатор Азеф (которому даже разрешили совершить убийство министра МВД) нанес гораздо больше урона полиции, чем революционерам. Азеф был разоблачен эсерами, а Лопухин, уже уйдя в отставку, официально признал, что руководитель боевой организации эсеров Е.Ф. Азеф с 1893 г. являлся агентом царской охраны. Лопухин был арестован по обвинению в принадлежности к революционерам и приговорен к пяти лет каторги с лишением прав (Сенат заменил каторгу ссылкой).

Это ошеломило общественность не только России, но и европейских стран: приговорить высшего руководителя государственной полиции к каторге — такого не бывало в истории Нового времени.

После возвращения из ссылки в 1913 г. Лопухин стал виднейшим юристом в области банковского дела. После Октябрьской революции он оказал большую услугу власти, о которой одна эмигрантская газета позже писала: «При захвате большевиками в Петербурге банков значительная доля забот и переговоров с новыми господами выпала на долю Лопухина, обнаружившего при этом обычную смелость и присутствие духа». Достижение компромисса с банками было крайне важно. После этого Лопухин пять лет жил в Москве, затем с разрешения правительства выехал во Францию [38].

Более драматический случай — «дело Сухомлинова». Генерал В.А. Сухомлинов был царским военным министром с 1909 года. В Государственной думе кадеты начали против

него кампанию, обвиняя правительство в военных неудачах («глупость или измена»?)¹. Сухомлинов был в 1915 г. отстранен от должности, а в 1916 г. арестован, провел шесть месяцев в тюрьме и, поскольку обвинение никак не подтверждалось, был отправлен под домашний арест. После Февральской революции, когда Гучков стал военным министром, Сухомлинова осудили на пожизненную каторгу. От каторги Сухомлинов был освобожден в мае 1918 г. Советским правительством, после чего в октябре 1918 г. эмигрировал. Умер в 1926 г. Его полная невиновность была окончательно установлена в 60-е годы советскими историками.

Воспитанный в армии с детства, много воевавший и досконально знавший государственное устройство России Сухомлинов понял, какой катастрофой стало бы для страны укрепление у власти буржуазных партий во главе с милликовыми и гучковыми. В 1924 г. он издал в Берлине книгу воспоминаний, в которой писал: «Залог для будущей России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство... Что мои надежды являются не совсем утопическими, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилов, Балтийский, Добровольский, свои силы отдали новому правительству в Москве» (см. [9, с. 87]).

Знание и опыт, накопленные с февраля 1917 г. и в Гражданской войне, были очень важным ресурсом для государственного и социального строительства СССР, а с точки зрения нашей темы — для развития и созревания русского коммунизма. В этот период были сделаны, шаг за шагом, фундаментальные открытия в теории и методологии общественной науки и политической практики — мирового значения. К сожалению, это знание сохранялось и передавалось на языке

¹ Средствами не гнушались. В 1915 г. жандармского подполковника Мясоедова, которому покровительствовал министр, обвинили в шпионаже, и он был расстрелян. Организовал это обвинение Гучков (позже стало известно, что Гучков знал о непричастности жандарма к шпионажу, цель его была в том, чтобы дискредитировать военного министра).

неявного и обыденного знания. Оно было плохо оформлено и «записано» в терминах обществоведения, в «учебниках». Грубо говоря, мы его *не освоили*.

Причин для этого было достаточно. По выходе из Гражданской войны на малочисленную интеллигенцию лег огромный груз срочных и чрезвычайных работ — не было ни свободного времени, ни сил для описания и анализа опыта войны. Пока была свежа память о нем, необходимость такой работы и не ощущалась. Не было и научного сообщества, которое занялось бы разработкой методологического аппарата для систематизации огромного массива неявного знания и его превращения в тексты. В условиях нарастающего политического конфликта внутри правящей партии и методологические разработки, и анализ фактического материала были сложной и даже опасной работой, сопряженной с конфликтами, которые легко было перевести в политические.

Но едва ли не главной причиной была необходимость *временного забвения* реальности Гражданской войны, пока не затянулись ее раны. Был наложен негласный мораторий на превращение неявного знания в жесткие тексты «инженерного» типа. Для строительства и даже просто общественной жизни требовались национальное примирение, а потом и мир. Исходя из этого писались и отбирались тексты, которые давали смягченный и упрощенный образ войны. Жесткий анализ — это всегда разделение, хотя бы на первой стадии. Даже в личном общении с «непосвященными» это знание выдавалось очень скупое и осторожно, с видимыми усилиями для его «перевода».

Глава 6. ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ 1917 года: ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

После Февральской революции новая государственность России складывалась по двум разным проектам: Временное правительство пыталось выстраивать ее по типу бур-

жуазно-либеральных государств Запада, а Советы — исходя из своего проекта, который уже десять лет разрабатывался в русле русского коммунизма.

Первым делом любая политическая сила, претендующая быть государственной властью, должна обеспечить свою монополию на *легитимное насилие*. В данном случае речь шла о том, что для этого требовалось создать необходимые институты и силовые структуры. Здесь и произошла первая проба сил «двух властей», которые пока что сотрудничали.

Сразу после формирования Временного правительства были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления. Упраздненные должности заменялись комиссарами Временного правительства. Власть рухнула, главной тактикой Временного правительства стало не создание новых структур, а потакание «революционной толпе». Как признал тогда лидер правых А.И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть».

В первые же дни революции, когда была ликвидирована полиция и из тюрем выпущены уголовники, обывателей охватил страх перед массовыми грабежами. Всеобщая амнистия! Те старики, кто помнит лето 1953 года — широкую амнистию даже при сильной милиции и КГБ, — могут представить себе состояние жителей крупных городов России в марте-апреле 1917 г. Страх перед преступным насилием был паническим (как говорили, главной мыслью обывателя было: «Уехать, пока трамваи ходят»). Каково было состояние умов, видно из такого мелкого факта: когда в Александринском театре на сцене по ходу пьесы появились городской и пристав, публика встала и аплодировала.

Пытаясь спасти положение, Временное правительство учредило милицию из числа студентов-добровольцев. На центральных улицах появились юноши и девушки с красными бантами на груди. Они не совали свой нос в темные пе-

реулки и грязные кварталы, где и свирепствовала преступность. А как ответили на эту проблему большевики? Они дали фабзавкомам на заводы разнарядку — мобилизовать в рабочую милицию каждого десятого рабочего. Не добровольно, а *мобилизовать*, и не с гулькин нос, а *каждого десятого*. Именно эта рабочая милиция, знающая изнанку жизни, и навела в городах минимальный порядок. Вот первое важное дело, понятное и барыне, и кухарке, в котором Временное правительство проиграло соревнование с Советами. Они оказались гораздо более дееспособными, чуткими и гибкими в создании условий жизни граждан.

Теперь об армии. После Февраля буржуазно-либеральное Временное правительство не могло не развалить армию царской России как один из главных институтов монархической государственности. Сам ее «культурный генотип» был несовместим с мировоззрением и цивилизационными установками либералов-западников¹.

Уже 2 марта секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н.Д. Соколов (меньшевик, бывший, как и Керенский, одним из руководителей российского масонства тех лет) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный «приказ №1». Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление не ограниченной «ни в чем» свободы солдата. Став военным министром, Керенский издал аналогичный приказ, известный как «декларация прав солдата».

¹ Критическим событием, положившим начало Февральской революции, был бунт 27 февраля учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, которая отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Этому эпизоду было придано символическое значение: командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом — наградой, которой удостаивали только за личное героизм [9]. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии.

16 июля 1917 года Деникин заявил в присутствии Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев».

В этом плане особенно красноречивы действия А.И. Гучкова, ставшего военным министром Временного правительства. Он был человеком близким к армии и имел высокий авторитет среди офицерства и генералитета. Тем не менее, он, следуя логике процесса, давал распоряжения и приказы, разрушавшие армию (например, за март было уволено около 60% высших офицеров).

Офицерство стало отходить от Временного правительства. Выехав 5 апреля на фронт, военный министр (Гучков) был поражен, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

Почему большевики, опираясь на Советы и армию, так легко отодвинули от власти Временное правительство? Потому, что всем было очевидно расхождение траекторий Февральской и Октябрьской революций, и подавляющее большинство не приняло проект западников. Даже значительная часть буржуазии и дворянства не желала втягивания России в периферийную зону Запада — скрепя сердце приняла власть большевиков.

Показательно разделение офицерства старой армии. В Красной армии служили 70—75 тыс. этих офицеров, т.е. 30% (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой — 750. Из 100 командармов, которые были в Красной армии в 1918—1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет рос-

сийского офицерства разделился между *красными* и *белыми* пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, все не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию (приглашая их к строительству новой армии, советская власть взяла обязательство «не посягать на их политические убеждения»). Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые*.

Вот воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», с которым обратилась большая группа бывших генералов русской армии во главе с Брусиловым: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Ясно, что такого шага царских генералов не купишь — большевики заслужили его не речами и обещаниями, а совокупностью своих действий, включая мелкие и каждодневные, отражавшие общий вектор их устремлений.

Даже великий князь Александр Михайлович, видя безвыходность положения белых, ставших пособниками Запада, написал: «на страже русских национальных интересов стоит не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи». Антисоветский историк М. Назаров в книге «Миссия русской эмигра-

ции» пишет: «Ориентация Белого движения на Антанту заставляла многих опасаться, что при победе белых стоявшие за ними иностранные силы подчинят Россию своим интересам». Напротив, Красная армия с большевиками-комиссарами воспринималась как сила, восстанавливающая государственность и суверенитет России.

Именно большевики в Гражданской войне стояли *«на страже русских национальных интересов»*. А белые — *на страже интересов Запада*. В личном плане это была трагедия множества участников Белого движения. Но глупо сегодня ее повторять, надо же на опыте дедов учиться.

Понятно, что революция с восстанием имела вооруженные силы. Еще 12 октября 1917 г. при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов по инициативе ЦК большевиков был создан Петроградский Военно-революционный комитет (ВРК). По предложению Ленина он был создан как легальный *внепартийный* орган. В момент создания в его состав вошли представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б), профсоюзов, армии и флота. При ВРК было бюро ЦК рабочей Красной гвардии. Красная гвардия к моменту Октябрьской революции была уже ощутимой силой: накануне восстания она насчитывала по стране более 100 тысяч человек, ее отряды имелись в более чем 100 городах.

ВРК обладал реальной силой, опираясь на отряды Красной гвардии, верные большевикам армейские части, матросов флота, на районные и Петроградский Советы и местные военно-революционные комитеты. Он назначал своих комиссаров в воинские части, в отдельные учреждения, предприятия Петрограда и в провинцию. Комиссары ВРК наделялись полномочиями по реорганизации госаппарата, по увольнению персонала, правом ареста «явных контрреволюционеров». Они действовали в контакте с общими собраниями и комитетами солдат и рабочих, с Советами. ВРК стал органом по подготовке и проведению восстания в Петрограде и существовал лишь до 5 декабря 1917 г. Но в ходе его создания и деятельности были отработаны принципы организации сис-

темы вооруженных сил. После Октябрьской революции *вооруженные силы* страны составляли отряды Красной гвардии, рабочей милиции, части старой армии, которые поддерживали советскую власть.

Как сказано выше, Советское государство прежде всего должно было восстановить монополию на *легитимное насилие*. Это означало необходимость ликвидации всех иррегулярных вооруженных сил революции. Надо представить, насколько это был ответственный и тяжелый шаг!

Один из самых красноречивых эпизодов восстановления государственности — ликвидация *Красной гвардии*. Об этой операции мы ничего не знаем из официальной истории — она никак не вписывалась в упрощенную модель классовой борьбы и романтический образ революции. В Петрограде Красная гвардия была распущена 17 марта 1918 года, о чем было объявлено во всех районных Советах с предложением всем желающим записываться в Красную армию. Начальник штаба Красной гвардии был арестован.

Это и другие действия по «огосударствлению» революционного общества вызвали, конечно, сопротивление части рабочих даже в центре России. Они самоотверженно пошли в революцию — и их разоружают! Это вызвало отток рабочих из Красной армии. Так, к середине мая почти все рабочие с петроградского завода Речкина, ушедшие в Красную армию, вернулись на завод, т. к. не хотели, чтобы остальные рабочие смотрели на них «как на опричников».

Особенно трудное положение сложилось на Урале, где в Советах были сильны левые большевики и эсеры. В городе Невьянске на большом артиллерийском заводе, где работали 7000 рабочих, 12—17 июня 1918 года произошло восстание. В те дни все отряды рабочих, которыми руководили большевики, отбыли с завода на подавление белочехов, и единственной военной силой остался отряд, в котором командовали эсеры и меньшевики. К восстанию присоединилась часть рабочих. 8 августа началось и продолжалось три месяца большое Ижевско-Воткинское восстание.

После его подавления рабочие части повстанцев влились в сибирские армии белых, где числились среди самых боеспособных частей. У многих из этих бойцов, чувствующих, что они воюют «не на той стороне», произошел психологический надлом, что выразилось в жестокостях и зверствах. Это было присуще и ижевско-воткинским повстанцам, и восстаниям 1921 года (например, крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии).

Многозначительно явление, о котором советская история умалчивала, а зря — это «красный бандитизм». В конце Гражданской войны советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с *красными* отрядами, которые самочинно затягивали боевые действия, когда белые уже склонялись к тому, чтобы разоружиться. В некоторых местностях эта опасность для советской власти даже считалась главной. Под суд шли, бывало, целые городские парторганизации, нарушившие общую политическую линию.

Одной из причин падения Временного правительства в октябре 1917 года было нежелание солдат продолжать войну. Как и все главные политические решения большевиков после Февраля, Декрет о мире и затем его реализация в практически достижимой форме были вызваны реальным состоянием страны и соответствовали чаяниям народа. Вовсе не сразу пришли большевики к пониманию этого состояния. Член Исполкома Петроградского Совета меньшевик Н.Н. Суханов в своих «Записках о революции» вспоминает, как 21 сентября 1917 г. на заседании Совета прибывший с фронта говорил: «Солдаты в окопах не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят сейчас одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут». Как пишет Суханов, на это послышались возгласы: «Этого не говорят и большевики!». Но офицер продолжал твердо: «Мы знаем, и нам неинтересно, что говорят большевики. Я передаю то, что я знаю и о чем передать вам меня просили солдаты».

Что старая армия не могла воевать, стало ясно еще до Октябрьской революции. Последний военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский заявил о необходимости мирных переговоров и за это был отправлен в отставку. Большевики, принимая тяжелое решение о выходе из войны, не следовали никакой доктрине. Напротив, критика политики большевиков на переговорах о мире с Германией была именно доктринальной — и внутри России, и в мировом левом движении. В декабре 1917 г. немецкий республиканец Г. Фернау, живший в Швейцарии, в открытом письме обвинил Ленина в том, что он пошел на переговоры с военной Германией, вместо того, чтобы «довести до конца дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс от всякого рабства». Ленин ему ответил тоже открытым письмом, в котором говорилось: «Мы хотели бы спасти наш народ, который погибает от войны, которому мир абсолютно необходим. Требуете ли Вы, чтобы, если другие народы все еще позволяют губить себя, наш народ делал бы то же из духа солидарности?». Наряду с переговорами о мире Советское правительство начало строительство новой армии, первые успехи которой в большой мере стабилизировали положение.

Ввиду явной опасности, что с фронта в глубь страны хлынет неорганизованный поток вооруженных дезертиров, Советское государство сразу приступило к демобилизации старой армии. Одновременно был начат процесс создания новой постоянной и регулярной армии. 15 января 1918 г. СНК принимает декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», которая создавалась на принципе добровольности. Принцип добровольности был вызван тем, что война надоела народу и общественное сознание отвергало идею воинской повинности. Для вступления в ряды Красной армии необходимы были рекомендации войсковых комитетов, парторганизаций и профсоюзов или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требовалась круговая порука всех и поименное голосование.

Весной 1918 г. началась иностранная военная интервенция, и ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. Важным шагом в становлении армии было введение в ноябре 1918 г. формы для военнослужащих, а в январе 1919 г. — знаков различия для командного состава. В сентябре 1918 г. был учрежден орден Красного Знамени, которым награждались за храбрость и мужество в боях.

В марте 1918 г. СНК узаконил привлечение в Красную армию «военных специалистов» из числа офицеров и генералов старой армии (это решение специально подтвердил V Всероссийский съезд Советов). В первые дни наступления войск Четвертного союза (Германии и ее союзников) в феврале 1918 г. в Красную Армию вступило добровольно свыше 8 тысяч бывших офицеров и генералов. Привлечение «военспецов» из числа офицеров вызвало в партии острую дискуссию, а порой и конфликты. Возникла даже т.н. «военная оппозиция» на VIII съезде РКП(б) — из числа противников этой политики. Однако Ленин в отстаивании своей позиции проявил исключительную настойчивость.

Постепенно грани между двумя категориями командного состава — «военспецов» и «красных командиров» («краскомов») — стирались, и к окончанию Гражданской войны оба термина вышли из употребления и были заменены единым наименованием «командир РККА». Все это говорит о том, что становление советских вооруженных сил произошло очень быстро.

Решения большевиков, которые многие современные авторы представляют как ошибочные, выглядят по-иному, как только их помещаешь в более широкий контекст. Так, «демократизация» армии после Октября — выборность командиров и отмена символов иерархии (погон) — конечно, завершала разрушение армейского уклада и создавала потенциальную опасность. Однако те корпуса и армии, где эти меры провести не удалось (1-й Польский корпус, Чехословацкий корпус, армии Румынского фронта), стали готовой и организованной ударной силой, которая начала гражданскую войну.

Критическим моментом стал мятеж чехословацкого корпуса (25 мая 1918 г.), сформированного осенью 1917 года из военнопленных чехов и словаков для участия в Первой мировой войне (в январе 1918 года он был объявлен автономной частью французской армии). Этот мятеж послужил для эсеров сигналом к объявлению войны Советскому государству. Белочехи заняли Самару, и 8 июня эсеры образовали Комитет, который объявил себя верховной властью в России. 30 июня в Омске при участии интервентов было создано Сибирское правительство из меньшевиков, эсеров и кадетов. В ноябре здесь же Колчак был провозглашен Верховным правителем России¹.

Так же быстро, как Красная армия, формировалась и эволюционировала *милиция*. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил принцип полновластия и единовластия Советов на местах в решении местных дел. 28 октября 1917 г. по телеграфу НКВД предписал всем Советам рабочих и солдатских депутатов учредить рабочую милицию. Она должна была находиться в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов, власти обязаны были содействовать ей в снабжении оружием. В акте ничего не говорилось о сельской милиции, но вскоре ее стали создавать крестьянские Советы. Обладание своими вооруженными формированиями (отряды рабочей милиции) усиливало власть Советов. Военно-революционные комитеты на местах упразднились.

Декрета об упразднении милиции Временного правительства не было, этот вопрос решался на местах Советами. Центральный аппарат старой милиции был ликвидирован в

¹ Снова подчеркнем, что Гражданская война против советской власти была начата и даже объявлена *социалистической революционной партией*. Важно подчеркнуть, что «белые» не имели целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была «*война Февраля с Октябрем*» — столкновение двух революционных проектов. Те белые армии, которые выступили под монархическими знаменами (Южная и Астраханская), уже к осени 1918 года были полностью ликвидированы. В целом же, как отмечал сам Деникин, белое офицерство «политикой и классовой борьбой интересовалось мало. В основной массе своей оно являлось элементом чисто служилим, типичным «интеллигентным пролетариатом».

начале декабря 1917 г. приказом НКВД. Временно старая милиция сохранялась при признании ее личным составом советской власти (Советы направляли в милицию комиссаров). В некоторых районах этот процесс растянулся до весны 1918 г.

Милиция в первые месяцы выполняла задачи как охраны общественного порядка, так и военные. После создания в феврале 1918 г. регулярной Красной армии милицию отделили от военных органов и военных функций, превратив ее в профессиональный, штатный орган по охране общественного порядка. Был сделан шаг к централизации: милиция на местах являлась теперь исполнительным органом центральной власти. Она состояла в непосредственном ведении местных Советов, но подчинялась общему руководству НКВД (в нем было Главное управление милиции). Таким образом, милиция находилась в двойном подчинении — Совету и вышестоящему органу милиции. Милиционеры вооружались холодным оружием и револьверами. При исполнении служебных обязанностей они должны были носить установленную форму или отличительный знак. На милицию возлагалось также проведение розыска и дознания по уголовным преступлениям.

Вскоре после Октября острота борьбы заставила поднять вопрос о создании органа госбезопасности. 7 декабря 1917 г. СНК создал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК). Она была задумана прежде всего как орган борьбы с саботажем в связи с готовящейся всеобщей забастовкой служащих правительственных учреждений. Первые шаги ВЧК были направлены против нарушений трех видов: саботажа чиновников, «пьяных погромов» (разграбления винных складов в Петрограде) и бандитизма «под флагом анархизма».

Особую опасность представляла спекуляция в связи с заключением Брестского мира. Поскольку он предусматривал обязательство правительства России безоговорочно оплатить все ценные бумаги, предъявленные Германией, началась широкая спекуляция акциями промышленных предприятий

(в том числе уже национализированных). Акции продавались немецким подданным, от них поступали в посольство Германии, а оно предъявляло их к оплате. На борьбу с этим были брошены большие силы ВЧК.

В момент создания в ВЧК входили лишь большевики. 8 января 1918 г. СНК назначил членами ВЧК четырех левых эсеров, один из них стал заместителем председателя ВЧК. После заключения Брестского мира левые эсеры ушли почти из всех наркоматов, но в ВЧК остались. 6 июля 1918 г. левые эсеры использовали аппарат ВЧК в организации убийства немецкого посла Мирбаха и вооруженного выступления против большевиков. После ликвидации этого выступления левые эсеры были отстранены от работы в органах ВЧК.

Со второй половины декабря 1917 г. Советы стали создавать местные ЧК. В волостях и небольших уездах назначались комиссары ЧК. К концу мая 1918 г. было создано 40 губернских и 365 уездных ЧК (в январе 1919 г. в связи с определенной стабилизацией обстановки уездные ЧК были упразднены).

Число сотрудников ВЧК в конце февраля 1918 г. не превышало 120 человек, а в 1920 г. 4500 — по всей стране. Провести широкие репрессии, которые приписывают ВЧК, она не могла просто в силу своей величины. В ноябре 1920 г. на ВЧК была возложена охрана границ (до этого граница охранялась «завесами» — подвижными отрядами). Тогда численность персонала ВЧК к 1921 г. достигла максимума — 31 тыс. человек. Если посмотреть на одно только здание ФСБ в Москве, то можно понять, насколько ничтожной по масштабам была эта страшная ВЧК.

Но наивно думать, что местные ЧК следовали какой-то переданной из Москвы инструкции и находились под оперативным контролем центра и тем более лично Ленина. Даже среди сотрудников ВЧК высшего уровня какое-то время были фракции, которые не подчинялись Дзержинскому и Ленину.

6 февраля 1922 г. ВЧК и ее местные органы были упразднены. Впредь все дела о преступлениях подлежали рассмотрению судами, административные органы судебных полномо-

чий лишались. Вместо ВЧК было образовано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД под председательством наркома или его заместителя, назначаемого СНК. На местах создавались политотделы при губисполкомах, непосредственно подчиненные ГПУ. Декрет возложил на ГПУ борьбу с бандитизмом, шпионажем, подавление открытых контрреволюционных выступлений, охрану границ, железнодорожных и водных путей сообщения, борьбу с контрабандой. В распоряжении ГПУ были особые войска. ГПУ и его органам предоставлялось право обысков и арестов. Не позднее двух недель арестованному должно было быть предъявлено обвинение. Не позднее двух месяцев со дня ареста ГПУ дело должно было быть направлено в суд или арестованный должен быть освобожден. Вопрос о продлении срока ареста при особых обстоятельствах решал Президиум ВЦИК.

Для оценки исторических явлений надо учитывать, как оно отложилось в коллективной памяти. Очень редко бывает, чтобы карательный орган сохранился в памяти под именем, имеющим положительную окраску. *Чекист* — именно такое имя. Несмотря на все черные мифы последних лет, до сих пор сотрудники спецслужб желали бы, чтобы их называли уважительно «чекист». Это значит, что в глазах современников-обывателей ЧК своими жестокостями спасала несравненно больше невинных людей, чем губила. Этот баланс, который не выразить числом, коллективный разум очень хорошо определяет.

Глава 7. РУССКИЙ КОММУНИЗМ: МЕТОДОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Два родственных явления в русской истории — *революционное движение* и *наука* — оказали друг на друга сильное методологическое воздействие. Оба они представляли в России способ *служения*, и многие революционеры в ссылке или даже в одиночной камере естественным образом переходили к занятиям наукой (вспомним Н.И. Кибальчича, Н.А. Мо-

розова, С.А. Подолинского). Н.А. Морозов писал, что для русской революционной интеллигенции 80-х годов XIX века «в туманной дали будущего светили две путеводные звезды — наука и гражданская свобода»¹.

Все революционные движения мировоззренчески были связаны с Просвещением и видели в науке освобождающую человека силу. Все они в разработке своих доктрин применяли научный метод понимания и объяснения и обращали большое внимание на методологию (в основном марксистскую, в том числе и кадеты). Из общего потока стали выделяться большевики.

Марксизм, как и либерализм, в общем, исходил из принципов «науки бытия» — классической науки XIX века. Исторический процесс в нем представлялся как череда состояний равновесия. Например, политэкономия, начиная с Адама Смита, прямо брала за основу аналогию с равновесной механистической ньютоновской моделью мира (Маркс добавил в нее эволюцию Дарвина). Но бывают периоды, когда наука особое внимание обращает на явления слома равновесий, кризисы, катастрофы, превращение порядка в хаос и зарождение нового порядка. Это — «наука становления».

Ленин, углубившись во время революции 1905 г. в проблемы кризиса классической научной картины мира, ввел в партийную мысль принципы «науки становления». В неклассической картине мира исторический процесс представлялся как срывы и катастрофы, необратимые изменения неравновесных состояний. Мыслители большевиков исходили, говоря современным языком, из представления общественного процесса как перехода «порядок—хаос—порядок» и как большой системы.

В среде большевиков были развиты системные идеи (А.А. Богданов стал творцом первой теории систем — *тектоло-*

¹ Николай Александрович Морозов (1854—1946) — русский революционер-народник, ученый, писатель и поэт. В 1882 году был приговорен к вечной каторге. Почетный член Академии наук СССР. Автор большого числа трудов в естественных и общественных науках.

гии). В целом, в программе большевиков к 1917 г. присутствовало видение России как большой динамической системы в переходном состоянии и уделялось большое внимание структурному анализу общественных процессов. Это придавало новому, Советскому государству во главе с партией большевиков необычно высокую динамичность и адаптивность.

В работе А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука» (1913—1922) общественные процессы представлялись как изменяющиеся состояния подвижного равновесия, которое прерывается кризисами. В отличие от методологии исторического материализма, этот подход заставлял концентрировать внимание на динамике системы и особенно на моментах неустойчивого равновесия и критических явлениях. Поэтому в период революционных преобразований и присущей им высокой неопределенности ключевые решения руководства партии большевиков были «прозорливыми» — огромное значение придавалось *своевременности* действия.

Уже говорилось, что в русском коммунизме произошло синкретическое соединение общинного крестьянского коммунизма с самой современной версией социалистического учения. Можно предположить, что такой синтез нередко происходит в ходе модернизации, и этим отмечена вся культура России XIX века. В ней произошел синтез новой научной картины мира Ньютона и космического мировоззрения больших и малых народов Евразии. А. де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» писал: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии» [40, с. 464]¹.

¹ Цитируя это важное утверждение де Кюстина, В.В. Кожин подчеркивает, что речь идет о тех особенностях России, в которых Кюстин усматривает одну из основ ее уникальной *мощи*. Актуальностью этих наблюдений Кюстина объясняет В.В. Кожин и беспрецедентную популярность его книги на Западе. В 1951 г., когда разворачивалась холодная война, книга была издана в США с предисловием директора ЦРУ Б. Смита, в котором было сказано, что «книга может быть названа лучшим произведением, когда-либо написанным о Советском Союзе». Эту книгу, кстати, цитировал и Энгельс в своей работе о русской армии.

Неявное традиционное знание о нестабильности и катастрофах, присущее крестьянскому мировоззрению и отложившееся в русской культуре, в течение двух поколений советских людей весьма эффективно нейтрализовало давление механистического детерминизма истмата. Это влияние подкреплялось и важной особенностью русской науки¹. Находясь на периферии западного научного сообщества, русские ученые не испытывали той идеологической цензуры механицизма, которая довлела в «метрополии». По словам И. Пригожина, догма равновесности механических систем в западной науке подавляла интерес к нестабильности и неравновесным состояниям.

Важен тот факт, что эта хилиастическая утопия общинного коммунизма соединилась в большевизме с нормальной рациональной наукой и была воплощена в высокоорганизованную деятельность, сплотившую множество людей, в которых рационализм и социальное творчество соединились со страстью подвижников. Сразу после Октября в эту систему вошло и научно-техническое творчество (в этом ряду соединились такие разные культурные типы, как космист-мистик Э.К. Циолковский и космист-ученый академик С.П. Королев). Н.А. Бердяев писал в эмиграции: «Оригинально в советской коммунистической России то духовное явление, которое обнаруживается в отношении к техническому строительству. Тут действительно есть что-то небывалое, явление нового духовного типа. И это-то и производит жуткое впечатление своей эсхатологией, обратной эсхатологии христианской... Эсхатология христианская связывает преображение мира и земли с действием Духа Божия. Эсхатология техники ждет окончательного овладения миром и землей, окончательного господства над ними при помощи технических орудий» [41].

¹ В русской науке тогда очень сильны были те, кто работал в «науке становления», — Д.И. Менделеев, Н.И. Вавилов, школы аэродинамики, горения. После Октября Ленин подключил этот огромный культурный ресурс к творчеству, которое подспудно шло в массах. Вырваться из той ямы, в которой оказалась тогда Россия, — почти чудо. Сегодня положение объективно гораздо легче, а веет безысходностью.

В целом, русский коммунизм изначально стал складываться «интеллектоцентричным» и рациональным¹. Выработке политических решений были присущи воспринятая от марксизма дисциплина мышления и диалогичность (четкое изложение альтернатив, представленных оппонентами). В методологии большевиков-интеллигентов была историческая компонента, хорошая мера (явное «взвешивание» включаемых в анализ факторов), привлечение традиционного знания и контроль здравого смысла.

Наука была положена в основу партийной *идеологии*. Нормы рационального рассуждения задали уже тексты Ленина, из которых тщательно изгонялись все «идолы Бэкона». Современный философ науки П. Фейерабенд считал книгу «Детская болезнь левизны в коммунизме» классическим текстом, отвечающим нормам рациональности модерна, и предлагал использовать его как учебный материал по методологии науки. А посмотрите на тексты современных политиков, начиная с Горбачева, в них кишат все «идолы» — *рынка, площади и театра*. Наше национальное несчастье в том, что ненавидеть стали даже не столько Ленина-политика, сколько ленинский тип мышления и мировоззрения. Этот тип мышления нам нужен позарез, но если вокруг разлита ненависть, он не появится.

Конечно, именно Ленин сделал главную работу по созданию и продвижению методологической матрицы русского коммунизма. Но также очевидно, что без того культурного контекста, в котором выросли будущие большевики, и без того конфликтного жизненного опыта, который стал механизмом отбора людей, собравшихся в этой общности, методологические разработки Ленина не были бы восприняты, дора-

¹ Интересно сравнить «типичных» большевиков с такой яркой фигурой, как Троцкий. Он был, безусловно, исключительно талантливым и творческим человеком, уже в юности стал видным представителем мировой космополитической элиты, очаровывал революционных женщин и студентов. Но в полемике его блестящие афоризмы и аллегории не могли пересилить тяжеловесной логики большевиков. Это видно по дискуссиям 20-х годов, да и по биографии Троцкого, которую сегодня стоит почитать [42].

ботаны и внедрены в повседневную практику мысли, слова и дела массового политического движения. Говоря о Ленине, будем это иметь в виду.

Прежде всего, Ленин — мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог, *мастер*.

Он создавал прочные мыслительные конструкции и потому был свободен от доктринерства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гириями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина были нетривиальными и поначалу вызвали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Ленин умел работать с *неопределенностью*, препарировал ее, взвешивал риски. Предвидения Ленина сбылись с высокой точностью (в отличие от Маркса). Читая его рабочие материалы, приходишь к выводу, что дело тут не в особо мощной интуиции, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Он остро чувствовал пороговые явления и кооперативные эффекты. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего, он «проектировал» будущее и в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век.

Так, в анализе динамики процессов после Февраля 1917 г. он учитывал тот факт, что силы, пришедшие к власти в результате революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. В результате новая власть получает кредит доверия и уже через короткий промежуток времени контратака с ходу оказывается невозможной. Исходя из этого Ленин точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбро-

силь буржуазное правительство без больших жертв. Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но когда уже угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

И эти расчеты делались в тот период, когда кадеты, социалистические конкуренты большевиков (меньшевики и эсеры) и иностранные специалисты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель. М.М. Пришвин, исключительно проницательный наблюдатель, записал в дневнике 15 июня 1917 года о «марксистах, социалистах и пролетариях»: «Мне вас жаль, потому что в самое короткое время вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии... И я говорю вам последнее слово, и вы это теперь сами должны чувствовать: дни ваши сочтены». К сожалению, слишком многие так думали, что и подпитывало Гражданскую войну. Качество предвидения у российской интеллигенции в тот момент было невысоким (как, впрочем, и в конце XX века).

Важнейшее качество Ленина — умение достоверно и хладнокровно увидеть «политическую карту» — расстановку и движение всех главных сил. Умение взглянуть в глаза реальности и объяснить ее «своим», не пытаясь никого обмануть. Ленин выработал особый тип текстов — ясных и с точной мерой, без всяких «идолов». Сравните с текстами кадетов — Струве, Бердяева. Видно, что этих блестящих писателей переполняют чувства, что они в плену своих «идолов». Читать их в удобном кресле приятно, но пользы для дела мало.

Ловушка или порочный круг были в том, что России приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от капитализма. Была необходима индустриализация и модернизация страны. Поэтому сама идея революции союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* капитализма показыва-

лась абсолютно еретической. А когда Ленин в «Апрельских тезисах» провозгласил и принятие государственности, вытекающей из идеи этого союза (Советское государство), в «культурном слое» это вызвало шок. «Бред сумасшедшего!» — воскликнул Плеханов. Урок Ленина в том, что он проник в суть России как цивилизации, в смысл крестьянской мечты — и преодолел давление господствующих понятий и теорий.

Это было сложнейшей задачей и потому, что в начале XX века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презируя свои вчерашние догмы, — но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников. Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т.п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

В тот момент было очень трудно отказаться от картины истории человечества, которая была внедрена в сознание российской интеллигенции системой образования. А в среде левой интеллигенции эта картина была еще усилена философией Гегеля и марксизмом. Это — евроцентризм, представление о том, что якобы существует некая «столбовая дорога цивилизации» с правильной сменой этапов, формаций. Признать, что Россия — самобытная цивилизация, что она может нарушить «правильный» ход истории, было для европейски

образованного марксиста очень трудным шагом. Это значило внутренне признать правоту славянофилов, которые в среде социал-демократов выглядели архаическими реакционерами. Уже сказать, как Ленин, что «Лев Толстой — зеркало русской революции», было страшной ересью. При этом надо было не стать диссидентом, изгоем в среде социал-демократов.

Ленин нашел такой язык и такую логику, что стал не пророком-изгоем, каких немало в эпохи кризиса, а создателем и вождем набирающего силу массового движения. Не вступая в конфликт с марксизмом, он преобразовал его в учение, дающее ключ к пониманию процессов в незападных обществах. Таким образом, он не просто понял чаяния крестьянства и молодого незападного рабочего класса, но и дал им язык, облек в сильную теорию.

Ленин делал ошибки, но они у него были *плодотворными*, потому что, проверяя свои выводы реальностью, он отказывался от своих прежних выводов, как это нормально делает ученый. В 1899 г. молодой Ленин пишет ортодоксально марксистскую книгу «Развитие капитализма в России». В ней он говорит о неизбежности распада общины, об исчезновении крестьянства с его разделением на буржуазию и пролетариат и о буржуазно-демократическом характере назревающей русской революции. Опыт крестьянских волнений с 1902 г., революция 1905—1907 гг. и первые шаги реформы Столыпина приводят его к принципиально новому видению: крестьянство не просто не распалось и даже не просто сохранилось как «класс в себе», но и выступает как носитель большого революционного потенциала. Программный стержень крестьянства — предотвращение раскрестьянивания, которое означает импортируемый с Запада капитализм.

По сути, уже в 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили конечный идеал, устремление 85% населения России, а значит, и грядущей русской революции. Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции.

Ленин убедительно показал, что капитализм складывается периферийный, он несет России не прогресс, а одичание. Поэтому возможен союз рабочего класса и крестьянства. Революция, которую осуществит этот союз, будет не предсказанная Марксом пролетарская революция, устраняющая исчерпавший свою прогрессивную потенцию капитализм, а революция иного типа — предотвращающая установление в стране периферийного капитализма. Выдвижение этой программы означало полный разрыв с ортодоксальными марксистами (меньшевиками). Потому-то меньшевики оказались в союзе с буржуазными либералами и даже участвовали в Гражданской войне, в основном на стороне белых.

Это редкое и психологически трудное качество — такая свобода и ответственность мысли, при которой ты, следуя новому знанию, отказываешься от своих вчерашних взглядов, которые как раз и создали тебе авторитет, собрали единомышленников и которые, по всем признакам, обещают большой политический успех. Ведь книга «Развитие капитализма в России» была целым событием, заявленную в ней концепцию можно было плодотворно расширять и дорабатывать как в научном, так и в политическом плане. Наконец, требовалась большая самоотверженность, чтобы пойти наперекор уважаемым и даже чтимым авторитетам — и самому Марксу, и Плеханову, и друзьям по социал-демократии.

В своей теории революции Ленин сразу вышел на важнейшие общие закономерности, отвечающие на критические вопросы многих стран и целых цивилизаций. Это те страны, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капиталистической системы. В идейном плане ленинизм означал начало современного национально-освободительного движения и крушения колониальной системы.

Особенно это касалось Азии. Ведь до сих пор Восток был лишь объектом международной политики Запада. Роли были четко распределены: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». В ленинском представлении мира Азия и Африка выходили на мировую арену как полноправ-

ные субъекты политики, как страны назревающих больших революций. Потому-то Ленин стал для народов Востока не просто уважаемым политиком, но символом. Известно письмо махатм Индии по поводу смерти Ленина, глубокая оценка, данная труду Ленина Сунь Ятсеном, трепетное отношение к Ленину Хо Ши Мина.

Марксизм-ленинизм, который дорабатывался согласно особенностям каждой культуры, на целый век задал траекторию для общественной и политической мысли и практики в странах, где живет большинство населения Земли. И это влияние вовсе не исчезает с поражением советского проекта в России, оно лишь входит в новую стадию развития. Череда революций, начатых в России, продолжается, пусть и в новых формах. Революция, как мы видим, и у нас не закончилась, приглушенные на время проблемы встали снова. Ведь сегодня Россию опять загоняют в ту же историческую ловушку, нас снова истощает мировой капитал, страну снова расчленили националисты. И снова, как в начале века, к хозяйству присосался интернациональный преступный синдикат, создающий параллельную государству теневую власть.

Очень важной и для того времени, и сегодня, была развитая Лениным концепция империализма как нового качества мировой капиталистической системы. Маркс в «Капитале» принял абстрактную модель равномерного распространения капитализма по всему свету. Согласно его модели, истощение капитализмом возможностей развития производительных сил привело бы к мировой же пролетарской революции. В ленинской концепции мироустройства эта ошибочная уже тогда абстракция была преодолена. Мир не становился равномерно капиталистическим, в зоне капитализма сразу возник *центр* из небольшого числа империалистических стран и *периферия* из колоний и полуколоний, которую этот центр эксплуатировал. В главных чертах этот миропорядок, который мы сегодня называем глобализацией, «золотым миллиардом» и т.д., был верно описан уже Лениным.

Из концепции империализма и периферийного капитализма следует, что на периферии возникает потенциал революций иного типа, нежели в метрополии. Это — революции против империалистического угнетения и эксплуатации. Они сопрягаются с национально-освободительным движением, так что движущей силой в них становится не только пролетариат, но и широкие союзы, прежде всего, с крестьянами. Уже это создавало основу для того, чтобы преодолеть важную догму марксизма, согласно которой революция должна начаться в странах самого развитого капитализма. Менялось и само содержание понятия «мировая революция». Ведь, строго говоря, русская революция положила начало именно *мировой* революции. Она прокатилась по странам, где проживает большинство человечества. Да, это были страны крестьянские — Китай, Индия, Мексика, Индонезия. Запад этой революции избежал (точнее, свои крестьянские революции смог подавить), но ведь не только на Западе живут люди.

Что же определяет успех политика и вождя? Как говорят, это умение понять чаяния народные и отделить их от расхожих мнений, которые часто этим чаяниям противоречат. Точнее будет сказать, чаяния той части народа, на которую ты опираешься и интересы которой представляешь в политике. Вот в этом, я считаю, и проявилось это качество мышления Ленина. Он чутко, как какой-то инструмент, улавливал чаяния, скрытые под клубком расхожих мнений. Пришвин удивлялся летом 1917 г.: что же это за большевики такие, все их кланут, а все выходит по-ихнему?

Думаю, таким моментом можно считать принятие летом 1917 г. лозунга немедленного мира и принятие 25 октября Декрета о мире. Мир был чаянием крестьян и был неразрывно связан с вопросом о земле. Но средств выразить свои чаяния крестьяне как раз не имели, и в городах расхожими мнениями были «война до победного конца» или «оборончество». Эти мнения настолько довлели в столицах, что их включили в свои программы даже меньшевики и эсеры, войдя в коали-

цию с кадетами. Большевики выразили именно чаяния. Примерно так же получилось и с Брестским миром.

Другой важный случай — отказ от идеи государственного капитализма, на который делал ставку Ленин в начале 1918 г., и согласие национализировать промышленность. Большевики не хотели национализации и сопротивлялись ей, но это было именно чаяние рабочих, как и национализация земли — чаяние крестьян. Рабочие знали, что надежды большевиков на госкапитализм — утопия, что хозяева его не хотят и продают сырье. Ленин признал правоту рабочих. Здесь, как и в случае с землей, возникло положение, которое Бертольд Брехт назвал так: «ведомые ведут ведущих». Меньшевики тогда издевались: мол, у Ленина нет программы, он следует за устремлениями масс. Я считаю, что именно меньшевики не поняли важных вещей.

Для политика важны логика, убедительные аргументы, ясные выводы и предвидение последствий. Нужны умозаключения, не только принимаемые сердцем, но и научные или близкие к научным. В этом отношении ленинская партия была именно партией нового типа. Ленин первый включил в политику научный тип мышления и убеждения — и это при том, что ученых в руководстве партией было немного. А, например, среди кадетов было много ученых, но считаешь их материалы — совершенно не научный стиль. Патетика, недомолвки, мистика.

Так вот, большевики были особым случаем во всей политической истории. Можно себе представить Муссолини, Черчилля, Рейгана или Ельцина пишущими книгу «Материализм и эмпириокритицизм»? Можно ли представить, чтобы члены их партий по тюрьмам такую книгу изучали? Сегодня кое-кто говорит, что в этой книге Ленин там-то и там-то ошибся. Маха зря обидел и т.д. По мне, это смешные замечания. Важны не оценки Ленина по конкретным научным вопросам, а сама проблематика книги. Важен, и исключительно важен, сам тот факт, что большевикам Ленин рекомендовал задуматься о кризисе физической картины мира.

Ленин понял и ввел в жизнь партии фундаментальный принцип: программа и идеология должны быть самым тесным образом связаны с картиной мира, которая сложилась в умах людей. «Так устроен мир!» — вот последний аргумент. Но если картина мира перестраивается, как это и было в начале XX века, то партия должна понять это особое состояние, этот кризис — и выразить его в своем языке, своей логике, своей культуре. Это прекрасно показала Великая французская революция, тесно связанная с Научной революцией. А в России начала XX века в этом смысле именно большевики резко вырвались вперед и отличались от других партий. Это почувствовали как раз те поэты, которые остро переживали тот кризис картины мира, — Блок, Хлебников, Брюсов, Маяковский, Клюев.

Ленин выдвинул и частью разработал ряд фундаментальных концепций, которые и задали стратегию советской революции и первого этапа строительства, а также мирового национально-освободительного и левого движения. Здесь отметим лишь те, которые советская история как-то оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии.

2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий обществоведения этих двух цивилизаций. Эта проблема осталась неразработанной, но мы почувствовали, как нам не хватало в 80—90-е годы хотя бы основных ее положений! Да и сейчас не хватает.

3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции (ее обуздания)*. В этом деле особо важную роль сыграли присущие Ленину системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов (*мышление в стиле науки становления*).

4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после катастрофы революции, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — как СССР. Способ этот был настолько эффективным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение — опыт уже XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм, а впереди мир ждут еще более крупные катастрофы на этнической почве.

Коротко скажу о том, что не удалось сделать Ленину, — в его время для этих задач еще не было методологических подходов, а были лишь предчувствия. Они ложатся на наши плечи.

Ленин предвидел (как позже и Сталин), что по мере развития советского общества в нем будет возрождаться сословность («бюрократия») и сословные притязания элиты создают опасность для общественного строя. Так и произошло. Никаких принципиальных идей о том, как этому можно противодействовать, Ленин не выдвинул (как и Сталин). Не выдвинуто их и до сих пор, и угроза России со стороны «элиты» растет.

Ленин преувеличивал устойчивость мировоззрения трудящихся и рациональность общественного сознания, его детерминированность социальными отношениями. Он не придал адекватного значения тому культурному кризису, который должен был сопровождать индустриализацию и быструю смену образа жизни большинства населения. Этот кризис свел на нет тот общинный крестьянский коммунизм, который скреплял мировоззренческую матрицу советского строя. Требовалась смена языка и логики легитимации социального порядка СССР, но эта задача даже не была поставлена в проекте Ленина, к ней не готовилось ни государство, ни общество. Поэтому кризиса 70—80-х годов СССР не пережил.

Наконец, Ленин, разрешив срочную задачу сборки СССР, не учел тех процессов в национальном самосознании народов СССР, которым способствовало огосударствление этносов и формирование местной этнической интеллигенции и бюро-

кратии. В период сталинизма возникавшие при этом проблемы разрешались административными и чрезвычайными способами, а с конца 50-х годов контроль за их развитием был утрачен. Эта важная для многонациональной страны проблема в проекте Ленина не была даже названа, надежды возлагались на консолидирующую силу социальных отношений.

Вообще, в целом, учение Ленина не изложено последовательно в каком-то большом труде, подобном «Капиталу». Оно выражено в массе работ, решений, реплик и выступлений, связанных с практическими вопросами злободневной политики. Это сильно затруднило нам освоение ленинского наследия, но иначе быть не могло. Но главное, в советском обществоведении основное внимание придавалось политической и идеологической стороне работ Ленина, в то время как для последующих поколений наибольшее значение имела методологическая сторона его трудов и практических решений. А ей почти не уделялось внимания, и проводимые в лоне философии исследования были малодоступны для широких кругов интеллигенции и молодежи.

Этот провал надо закрыть в ближайшие годы.

Глава 8. ПЕРВЫЕ БОЛЬШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ: ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Тип государственности и ее «прочность» определяются по тем программам, которые она способна выработать, объяснить и реализовать в *чрезвычайных* условиях, преодолевая множество препятствий, в том числе нового, непривычного типа. Такие программы, помимо того что они разрешают критические срочные проблемы, служат для населения диагностическим инструментом для самоопределения в обстановке высокой неопределенности. Во время Гражданской войны Советское государство на этом фронте «переиграло» белых вчистую. Недаром большие программы того времени в 80—90-е годы активно очернялись или замалчивались.

В целом программы создания новых социальных форм, которые были начаты сразу после Октября, — особая важная глава истории России. В этих программах было не просто накоплено огромное знание об обществе и государстве, особенно российском, но и сделано большое число *изобретений*. В этой книжке мы коснемся, очень кратко, только нескольких больших программ.

Едва ли не самая поучительная из них — *военный коммунизм*. Он стал отдельным важным этапом в экономической и социальной политике Советского государства, стал частью той «матрицы», на которой воспроизводился советский строй.

Скажем о самом понятии военного коммунизма. Главные его признаки — перенос центра тяжести экономической политики с *производства* на *распределение*. Это происходит, когда спад производства достигает такого критического уровня, что главным для выживания общества становится распределение того, что имеется в наличии. Поскольку жизненные ресурсы при этом пополняются в малой степени, возникает их резкая нехватка, и при распределении через свободный рынок их цены подскочили бы так высоко, что самые необходимые для жизни блага стали бы недоступны для большей части населения. Поэтому вводится *нерыночное уравнительное распределение*.

На рыночной основе (возможно, даже с применением насилия) государство отчуждает продукты, особенно продовольствие, у их производителей и спекулянтов. Резко сужается денежное обращение в стране. Товары распределяются по карточкам — по фиксированным низким ценам или бесплатно (в Советской России в конце Гражданской войны даже отменялась плата за жилье, пользование электроэнергией, топливом, телеграфом, телефоном, почтой, снабжение населения медикаментами, ширпотребом и т.д.). Государство вводит всеобщую трудовую повинность, а в некоторых отраслях (например, на транспорте) — военное положение, так что все работники считаются мобилизованными.

Все это — общие (*структурные*) признаки военного коммунизма, которые с той или иной спецификой проявились во всех известных в истории периодах этого типа. Наиболее яркими (вернее, изученными) примерами служит военный коммунизм во время Великой Французской революции, в Германии — во время Первой мировой войны, в России — в 1918—1921 годах, в Великобритании — во время Второй мировой войны.

Тот факт, что в обществах с очень разной культурой и совершенно разными господствующими идеологиями в чрезвычайных экономических обстоятельствах возникает очень сходный уклад с уравнительным распределением, говорит о том, что это — единственный способ пережить трудности с минимальными потерями человеческих жизней. Военный коммунизм как особый уклад хозяйства не имеет ничего общего ни с коммунистическим учением, ни с марксизмом. Сами слова «военный коммунизм» просто означают, что в период тяжелой разрухи общество (*социум*) обращается в общину (*коммуну*) по типу *военной*.

Серьезный анализ всей проблемы военного коммунизма в его связи с капитализмом и социализмом был дан в книге видного теоретика большевиков А.А. Богданова «Вопросы социализма», вышедшей в 1918 году. Он показывает, что военный коммунизм есть следствие *регресса* производительных сил и всего социального организма. В мирное время он представлен в армии, как обширной потребительской коммуны. Однако во время большого бедствия (типа разрушительной войны) происходит распространение потребительского коммунизма из армии на все общество. Богданов дает именно структурный анализ явления, взяв как объект даже не Россию, а более чистый случай — Германию.

Военный коммунизм, по выражению Богданова, есть «ублюдочный» хозяйственный уклад. При этом социализм «не входит в число его родителей». Это — порождение капитализма и потребительского коммунизма как чрезвычайного режима, не имеющего никакой генетической связи с социа-

лизмом, который прежде всего является новым типом сотрудничества в *производстве*.

Твердые цены, запрет на спекуляцию, реквизиции хлеба — издавна известные меры предотвращения голода. В широких масштабах, как единая государственная программа, они были применены в 1793—1794 годах во Франции. Этот опыт был хорошо изучен, из него был сделан ряд важных выводов для экономической теории. В 1928 году на русском языке была издана книга ведущего историка Французской революции А. Матьеза «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» — скрупулезное описание французской «продразверстки».

Вот ее уроки. Военный коммунизм во Франции был введен радикальными сторонниками экономического *либерализма*, принципиальными противниками государственного регулирования рынка. Надо вникнуть в этот факт и нашим коммунистам, и нашим либералам — и те и другие имеют ошибочные представления!

Меры военного коммунизма во Франции были исключительно жесткими. Первым законом предписывалось реквизировать у земледельца лишь излишек урожая. Крестьянину оставляли «семейный запас» (достаточный для пропитания семьи в течение года) и семена для посева. Позднее Конвент отменил семейный запас и «превратил все продовольственные запасы республики в общую собственность». Проводились обыски домов и квартир, изымалось почти все продовольствие.

Единой для всей страны нормы оставляемого жителям хлеба установлено не было, но она везде была очень мала. Например, в округе Шомон эта норма составляла 16 кг на жителя, излишек он должен был сдать на военный склад в течение 5 дней. Реквизиции проводились национальной гвардией и часто сопровождалась боями. Были введены хлебные карточки и смертная казнь за спекуляцию. По словам А. Матьеза, результат был таков: «правительство Робеспьера спасло рабочую Францию от голода».

Богданов указывает и на большую проблему, которая возникает в сфере идеологии: «Военный коммунизм есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимают-ся за его осуществление».

Из этого анализа вытекает важное, выходящее за рамки истмата положение: структура военного коммунизма, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий (окончания войны) сама собой не распадается¹. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России, как писал А.А. Богданов, решить ее будет особенно непросто, поскольку в системе государства очень большую роль играли Советы *солдатских* депутатов, проникнутых мышлением военного коммунизма.

К сожалению, уровень рассмотрения проблемы военного коммунизма в России сейчас намного ниже, чем в 1918 году. Ниже и уровень интеллектуальной ответственности: ни один автор, критикующий политику военного коммунизма 1918—1920 годов, не сказал, каким образом следовало обеспечить город минимумом хлеба, не прибегая к такой мере.

Известно, что государство царской России было добито нехваткой хлеба в городах в начале 1917 года. Когда в 1915 году был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начались реквизиции, которые уда-рили только по крестьянам (помещикам удавалось обходить эти меры благодаря коррупции). В этих условиях 23 сентября 1916 года царское правительство объявило *продразверстку* и ввело ее со 2 декабря 1916 г.² К 31 декабря разверстка

¹ Насколько сильной была массовая тяга к уравнительству по выходе из «военного коммунизма» в России, видно из того, что этот поворот при введении нэпа приходилось пояснять такой доходчивой аллегорией, о которой говорил Семашко: «Если по нашим законам гражданин имеет право владеть комплектом одежды, то никто не имеет права раздевать его на основе принципа равноправия только потому, что ему случилось встретить на улице человека без одежды».

² Германия приняла закон о хлебной монополии еще 25 января 1915 г.

должна была быть доведена до каждого двора. Количество подлежащего сдаче хлеба в целом составляло 772 млн пудов. Как видим, не имеющие никакого отношения к коммунистам министры царского правительства идут на меру, присущую военному коммунизму. В те времена все в России, включая Николая II, считали необходимым предотвратить голод в городах. Но важно еще уметь это сделать.

Объявленная на 1917 год продразверстка *провалилась* исключительно из-за слабости царского правительства, саботажа и коррупции чиновников. В феврале председатель Государственной думы М.В. Родзянко подает Николаю II записку, в которой предупреждает о грядущей катастрофе: «Предполагалось разверстать 772 млн. пуд. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 млн. пуд., 2) уездными земствами 228 млн. пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 млн. пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки».

Неспособность правительства осуществить продразверстку погубила Российскую империю. М.В. Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».

В начале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Возможно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были даже избыточными — но наличие заговора вовсе не обязательно. Пришвин, служивший в Министерстве земледелия, в Отделе продовольствия рабочих заводов и фабрик, в своих дневниках неоднократно возвращается к этому вопросу. В одном месте он пишет: «Член Совета Министров заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято в предприятиях, обслуживающих оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство Земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия... А бумаги все поступают и поступают: там

по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов».

На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. Продразверстка, введенная правительством осенью 1916 г., провалилась. Эта капля и переполнила чашу терпения.

Временное правительство, будучи буржуазным (либеральным и «рыночным»), также вводит *хлебную монополию*. Закон о ее введении первый министр земледелия Временного правительства кадет А.И. Шингарев подписывает уже 25 марта 1917 года. Отныне владельцы продовольствия должны были весь хлеб, за вычетом того, что требуется для собственного потребления и на хозяйственные нужды, передавать в распоряжение государства. 20 августа 1917 года Министерство земледелия выпустило инструкцию, которая предписывала применять вооруженную силу к тем, кто утаивал хлеб.

Вообще теоретически Временное правительство было гораздо более радикальным сторонником военного коммунизма, чем впоследствии большевики. Так, министр труда М.И. Скобелев при вступлении в должность заявил: «Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность».

Но практически Временное правительство оказалось неспособным. 16 октября 1917 года министр продовольствия С.Н. Прокопович заявил, что «хлебная монополия, несмотря на удвоение цен, в условиях бестоварья оказывается недействительной и... при данном положении дел для хлебных заготовок придется употреблять военную силу».

Таким образом, Временное правительство приходит к выводу о необходимости выполнения введенной еще царским правительством продразверстки уже с помощью *прод-*

отрядов — но также не может провести продразверстку в жизнь из-за беспомощности государственного аппарата. По продразверстке 1917 года было собрано ничтожное количество — 30 млн. пудов зерна (около 1% урожая).

Чрезвычайные продовольственные меры Советского правительства вызвали ненависть нынешней антисоветской элиты и ее идеологов именно потому, что они были *успешными*. Декретом ВЦИК 9 мая 1918 года в стране была введена *продовольственная диктатура*, наркому продовольствия были даны чрезвычайные полномочия. Все организации и учреждения обязывались «безоговорочно и немедленно» исполнять все распоряжения наркома, касающиеся продовольственных вопросов. Крестьянам устанавливались нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т.д. Сверх этого весь хлеб считался излишками и подлежал отчуждению.

У Советов была реальная сила в виде рабочих отрядов. Летом и осенью 1918 года Наркомпрод посылал в хлебные районы страны рабочие продотряды. Половина добытого ими зерна поступала предприятию, сформировавшему отряд, половина передавалась Наркомпроду. Был издан декрет, по которому в хлебных местностях 85% стоимости товаров, отпущенных кооперативам, крестьяне должны были оплачивать не деньгами, а натурой. Была также предпринята попытка (30 октября 1918 г.) ввести *продналог*. Из нее ничего не вышло, поскольку вся прежняя система сбора налогов рухнула, а новой еще не было.

Рабочие посылались в продотряды сначала по очереди. Например, до января 1919 года Петроградский Совет направил 189 отрядов общей численностью 72 тыс. человек. Эти отряды составили затем единую Продармию, которая к декабрю 1918 года насчитывала 41 тыс. человек. Продармия была включена в состав войск внутренней охраны Республики (ВОХР).

11 января 1919 года СНК принимает декрет о *продовольственной разверстке*, согласно которому все количество хлеба и фуража, необходимого для удовлетворения государ-

ственных потребностей, разверстывалось между производящими хлеб губерниями, а дальше — между уездами, волостями, деревнями и дворами (использовался принцип круговой поруки деревенской общины). Эти меры дали определенные результаты. Если в 1917/18 году было заготовлено только 30 млн. пудов хлеба, то в 1918/19 году — 110 млн. пудов, а в 1919/20 году — 260 млн. пудов.

В годы перестройки чрезвычайные продовольственные меры Советского государства трактовались в прессе крайне недобросовестно, исходя из идеологических целей. Продразверстка — вопрос принципиальный и заслуживает особого разговора. Ведь обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов, очевидно, было невозможно. Реально покупать хлеб на свободном рынке рабочие не могли.

Впервые система дифференцированных пайков (три категории) была введена в августе 1918 года в Москве и Петрограде. В 1920 году система пайков постепенно была заменена оплатой труда натурой. Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих.

Введенная советским правительством продразверстка имела сравнительно небольшие масштабы: в 1914/15 году правительственные заготовки составили, например, 302 млн. пудов (при наличии еще нормального рынка), а в 1919/20 году — 260 млн. пудов. Это составляло *менее половины довоенного экспорта* зерна. Если учесть, что в те годы на экспорт хлеб вообще не отправлялся, а на внутренний рынок поставлялся в малом количестве вследствие паралича транспорта, сама по себе продразверстка для села не была слишком обременительной. Важнее были связанные с ней неизбежные эксцессы (например, из-за неравномерности изъятия зерна в разных деревнях, в зависимости от доступности).

Эти меры устранили угрозу голодной смерти (но не голода) в городах и в армии. Пайками было обеспечено прак-

тически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн человек). За счет вне рыночного распределения горожане получали от 20 до 50% потребляемого продовольствия (остальное давал «черный рынок»). Но продразверсткой дело не обходилось, реальная история того периода поражает разнообразием и изобретательностью тех подходов, которые пробовали и применяли и государственные органы, и предприятия, и граждане, чтобы организовать распределение жизненно необходимых продуктов и товаров.

В военном коммунизме советской власти господствовали здравый смысл, расчет и общинный прагматизм¹. Продразверстка была успешной не из-за жестокости продотрядов. Причина в том, что крестьянство, получившее от советской власти землю и освобожденное от долгов, выкупных и арендных платежей, не пошло на конфликт с властью (хотя, разумеется, реквизициям сопротивлялись, нередко возникали и вооруженные столкновения).

В 1990 году в США вышла большая книга профессора Калифорнийского университета Ларса Ли «Хлеб и власть в России. 1914—1921». Он сравнивает продовольственную политику царского, Временного и советского правительств. По мнению Л.Т. Ли, только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть. Более того, вопреки созданному нашими демократами ложному представлению, продразверстка (из которой, а не *вопреки* которой вырос и продналог НЭПа) укрепила авторитет большевиков и среди крестьян. Крестьяне, пишет Л.Т. Ли, «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики —

¹ Действия белых в отношении голода, напротив, носили *идеологизированный* характер. Находившееся в Париже Русское политическое совещание, которое провозгласило себя руководящим центром «Белого дела», 4 мая 1919 года выступило с протестом против оказания продовольственной и медицинской помощи бедствующему населению России. Речь идет о плане, предложенном в апреле норвежским ученым Ф. Нансеном. Такие акции подрывали авторитет Белого движения.

это единственный серьезный претендент на суверенную власть» (см. [45]).

Тот факт, что большевики без всякого доктринерства и болтовни, не имея еще государственного аппарата, обеспечили скудными, но надежными пайками все городское население России, имел огромное значение для легитимации советской власти. Ведь этих пайков не дало ни царское, ни Временное правительство, которые действовали в гораздо менее жестких условиях.

Глава 9. ПЕРВЫЕ БОЛЬШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ: СБОРКА НАРОДА

В 70—80-е годы XX века в сознании советской интеллигенции была сильно ослаблена историческая память, что было одним из проявлений назревавшего культурного кризиса. Образованные люди потеряли интерес к большим комплексным программам, которые осуществлял их народ всего полвека назад. Они не могли оценить масштаба и сложности тех задач, которые тогда решались под руководством коммунистов очень небольшими силами. Им стало казаться, что массивные структуры современной цивилизации, в которых протекала жизнь страны в 70—80-е годы, возникли естественно, почти как явления природы. Естественными казались всеобщее среднее образование и отсутствие эпидемий, Единая энергетическая система и открытые в Сибири нефтяные и газовые месторождения, просвещенные, индустриально развитые Азербайджан или Таджикистан с их национальной научной интеллигенцией. Когда в них перестали видеть продукт социального творчества, который надо непрерывно воспроизводить, «ремонтировать» и развивать, они стали деградировать, разрушаться и расхищаться.

А все эти структуры цивилизации были созданы в основном в результате исследований, анализа и проектирования и строительства 20—30-х годов, а потом достраивались и со-

вершенствовались. Это была работа подвижническая, смелая и с очень высоким уровнем творчества. Сейчас для нас главным следствием утраты этой исторической памяти стала потеря интереса к *методологии* тех программ. Сейчас, на выходе из затяжного кризиса, в России потребуется много подобных программ, и опыт коммунистов по разработке и реализации таких программ будет очень полезен.

В прошлой главе говорилось о программе военного коммунизма. Вторая наглядная большая программа, которую сразу стала выполнять советская власть прямо в ходе Гражданской войны, — новая *сборка народа и территории исторической России*. Белое движение, хотя и выступало под лозунгом «единой и неделимой России», этой программы принципиально выполнить не могло и своими действиями, напротив, продолжило демонтаж и народа (нации), и России как империи.

Здесь нет возможности систематически изложить программу «сборки» советского народа и его русского ядра, выработанную в 20—30-х годах. В ней было много новаторского и сегодня поражающего своей интенсивностью. Затронем лишь некоторые моменты этой огромной программы.

В начале XX века в условиях кризиса, вызванного распадом сословного общества и вторжением капитализма, в России резко ускорились процессы этногенеза. Шел распад той российской нации, которая стала складываться на матрице «самодержавие, православие, народность», но не выдержала напора капитализма. Кризис общества всегда разрыхляет народ и по вертикали, и по горизонтали, как и кризис связности народа ведет к дезинтеграции общества.

Созревание русской революции направило процесс по новому руслу: горизонтальную солидарность большинства населения стали укреплять социальные угрозы и новый образ *враждебного иного* — того привилегированного меньшинства и государственной бюрократии, которые все больше противопоставляли себя народу.

В ходе этого сплочения наблюдались явления, структурно схожие с теми, которые считаются признаками становления гражданских наций на Западе. Сознание подавляющего большинства русского народа формировалось именно как *гражданское*, а не сословное — складывались общий понятийный язык и новая мировоззренческая матрица. Так, приговор схода крестьян деревни Пертово Владимирской губернии, направленный во Всероссийский крестьянский союз (5 декабря 1905 г.), гласил: «Мы хотим и прав равных с богатыми и знатными. Мы все дети одного Бога, и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех, и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос самого богатого и знатного» [2, т. 2, с. 252].

Падение монархии в феврале 1917 года во многом и было предопределено тем, что крестьяне необратимо отвергли сословное разделение (и в равной мере — классовое). Понятно, что когда на политической сцене возникло вооруженное Белое движение, в котором ожила, даже в акцентированной форме, идея сословной «белой» России, это толкнуло страну к гражданской войне.

В социальном, культурном, мировоззренческом отношении крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90% жителей России, являлись единым народом, не разделенным сословными и классовыми перегородками и враждой. Это был *уникальный исторический момент*, благодаря которому и стала возможна первая реализация проекта солидарного жизнеустройства.

Социальное чувство угнетенных и эксплуатируемых *тружеников* приобрело в России окраску *национального* чувства угнетенного *народа*, а такое соединение всегда придает движению удивительную силу и упорство. В ходе революции 1905—1907 годов русские рабочие и крестьяне обрели столь сильно выраженное гражданское чувство, что стали *народом* даже в том смысле, какой придавали этому слову якобинцы, — революционным народом, спасающим Отечество.

Таким образом, уже с 1905 года в России происходила пересборка народа (нации). До этого, с 60-х годов XIX века, влиятельная западническая часть образованного слоя России, находившаяся под влиянием либерализма или марксизма, вела *демонтаж* «имперского» русского народа (в терминах марксизма — «феодальной нации»). В нем участвовали практически все западнические течения — и либералы, и революционные демократы, и затем социал-демократы. В какой-то мере в этом участвовали и анархисты с их радикальным отрицанием государства.

Начиная с 1905 года большевики не просто послужили организационной основой для выработки нового национального проекта России и подготовительной работы по сборке *советского* народа. Как говорилось, они провели мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с марксистской идеей модернизации и развития — но по некапиталистическому пути.

Виднейший теоретик этничности Э. Смит в своей главной книге «Национализм в XX веке» писал, что, как ни назвать результат этого синтеза — «социалистическим национализмом» или «национальным коммунизмом», — он порождает социальный энтузиазм и могучее движение. Другой английский этнолог, Х. Сетон-Уотсон, пишет о «национализации коммунизма и марксизации национализма» [48, с. 307].

Этот сдвиг дался очень непросто. «Национализация» коммунизма поразила и старых большевиков-ленинцев. Этот конфликт был разрешен и частично подавлен лишь в начале 30-х годов¹. Но именно этот синтез, ставший историческим достижением, позволил России вырваться из экзистенциальной ловушки периферийного капитализма.

Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех», объяснял эмиграции (1921 г.), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью под-

¹ Его форсированное продолжение, с эксцессами и социальными травмами, произошло в предвоенной обстановке конца 30-х годов.

сказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества» [47].

Здесь следует отметить, что большевики гибко и без партийного шовинизма привлекали к работе в больших программах научные и культурные кадры, которые в идеологическом плане сильно расходились с политикой РКП(б). Так, в состав «бригады», которая вырабатывала программу «сборки» страны и народа, входили многие ученые и философы эмиграции. На геополитические представления советского руководства повлияли труды, созданные в эмиграции в русле *евразийства*. Это было развитие концепции России—СССР в рамках *цивилизационного* подхода.

Хороший пример дает и биография упомянутого выше Ю.В. Ключникова (1886—1938). Накануне Октября он был доцентом Московского университета, летом 1918 г. участвовал в левозэсеровском мятеже в Ярославле, был заместителем министра в первом антисоветском правительстве Гражданской войны — «Уфимской директории», затем примкнул к Колчаку и стал министром иностранных дел в его правительстве.

После разгрома Колчака эмигрировал и входил в Парижский комитет партии кадетов, читал курсы лекций в Париже и Брюсселе. Затем стал редактором журнала «Смена веков». Одна из его научных статей, посвященная подготовке Генуэзской конференции, привлекла внимание Ленина, и он пригласил его в качестве эксперта советской делегации в Генуе. В 1923 г. Ключников вернулся в СССР и стал преподавать в Коммунистической академии. Позже был репрессирован (уже как участник сложных внутрипартийных конфликтов 30-х годов). Вклад Ключникова в развитие советского международного права и сегодня оценивается очень высоко.

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так советский проект

стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом.

Для того «этнического материала», из которого в 1905—1907 годах начал складываться будущий советский народ, мощным мобилизующим средством стал *исторический вызов* — Гражданская война. Белые предстали в ней как *враждебный иной*, как элита прежнего строя, которая пытается загнать уже обретший национальное самосознание народ в прежнюю «колониальную» зависимость. Исторический вызов и *враждебный иной* — факторы первостепенной важности в нациестроительстве.

Особое значение для нового национального самоосознания населения России имело совмещение Гражданской войны с иностранной интервенцией. Израильский историк (эмигрант из СССР) М. Агурский в книге «Идеология национал-большевизма» (М., 2003) пишет: «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад...

По существу, капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации» [30].

Мы говорили об антисоветских восстаниях уральских рабочих. Они не привели к их разрыву с советской властью во многом из-за четкого размежевания белых и красных в на-

ционально-государственном измерении. Вот вывод Д.О. Чуракова: «В условиях иностранного вмешательства рабочие начинают отказываться от своих претензий к советской власти и постепенно сплачиваются вокруг нее. Совершенно очевидно, что большевики, державшие власть в центре, несмотря на свои интернационалистские лозунги, воспринимались рабочими как сила, выступающая за независимость и целостность государства» [13].

Это — столь важный фактор в завоевании советской властью авторитета у населения, что даже многие руководители Белого движения признали это с уважением. Красные в большой мере выразили идеалы белых, которые сами они не могли защитить. По выражению В.В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных». Как могли нынешние поколения российской молодежи это забыть!

В борьбе с интервентами и белыми сложился своеобразный и глубокий *советский национализм*, особенно присущий русским как ядру советского народа. Это был национализм гражданский, собирающий народы в нацию. К несчастью, это явление в официальном обществоведении замалчивалось из-за неверных в целом представлений о нации и национализме. Важные суждения о советском национализме высказал первый президент Китая Сунь Ятсен, т.к. Китай после революции тоже встал перед проблемой пересборки нации, но о национализме надо говорить особо.

Агурский пишет: «Особенно резкий подъем красного патриотизма вызвала война с Польшей в 1920 г. и военные действия Японии на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. Война с Польшей и Японией рассматривалась как национально-русская, несмотря на все коммунистические лозунги. Один из организаторов партизанской борьбы на Дальнем Востоке, Петр Парфенов, впоследствии председатель Госплана РСФСР, утверждал, что военные действия партизан на Дальнем Востоке носили характер “русско-японской” войны! Это не случайная оговорка для Парфенова» [30].

Некоторые современные западные историки считают даже, что *национальное* (т. е. присущее гражданской нации) самосознание русских начало складываться именно в годы Гражданской войны, а затем стало предметом большой программы 1931—1956 годов [46]. Это даже вызывало некоторые опасения у большевиков с национальных окраин. Агурский пишет: «В речи на X съезде партии один из руководителей украинской парторганизации, В. Затонский, жаловался: “Национальное движение выросло также и в Центральной России... И сейчас мы можем наблюдать, как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских”» [30].

В Гражданской войне сложился и *кадровый костяк* будущего советского народа, та управленческая элита, которая действовала в период сталинизма. Ее базой стали командиры Красной армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заполнили административные должности в государственном аппарате. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России.

Именно в Гражданской войне народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровь»). Это — исключительно важный фактор для сборки народа и нации (как пишут, в структуре национального самосознания важное место занимает «чувство гнезда» или чувство *родной земли*). Территория СССР была защищена обустроенными и хорошо охраняемыми *границами*. И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

Огромную роль сыграла начатая тогда же культурная революция и создание единой для всего СССР общеобразовательной школы. Была осуществлена мощная и быстрая программа подключения детей и юношества всех народов СССР, и прежде всего русского народа, к *русской классической ли-*

тературе. Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России. В.В. Розанов писал о состоянии конца XIX века: «Совершилось то, что, например, в семидесятых и половине 80-х годов прошлого [XIX] века сочинения Пушкина нельзя было найти в книжных магазинах. Я помню эту пору: в магазинах отвечали — “не держим, потому что никто не спрашивает!”» [51].

А.С. Панарин пишет: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где «дети из народа» с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлектирующих «лишних людей». Если сравнить это с типичным чтивом американского массового «потребителя культуры», контраст будет потрясающим... После этого трудно однозначно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность *советский народ*: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее массово тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика» [52, с. 142—143].

Гражданская война была важным этапом и в сборке *страны*. Февральская революция «рассыпала» империю. В разных частях ее возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле их идеология была «имперской»).

В 1920 году нарком по делам национальностей И.В. Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо (сравните с установ-

ками горбачевско-ельцинской команды). Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии всегда рассматривались красными как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн. Красная армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была той силой, которая стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну, — и она нигде не воспринималась как иностранная. Воссоединение произошло *быстро*, до того как сепаратисты успели легитимировать свои государства. В 1991 году им уже пришлось создавать исторические мифы об «утраченной независимости».

Но воссоединение могло произойти уже только в новых формах, и их строительство было *большой программой*. В Гражданской войне все борющиеся стороны действовали уже не на пространстве Российской империи — она распалась после февраля 1917 года. Это было *разорванное* пространство, на клочках которого националисты всех цветов лихорадочно старались создать подобию государств. Возникла «независимая Грузия» с меньшевиком Жордания, которая «стремилась в Европу» и искала покровительства у Англии. Возникла «независимая Украина» с масоном Грушевским и социалистом Петлюрой, которая искала союза с Польшей. «Народная Громада» провозгласила полный суверенитет Белоруссии, возникла автономная Алаш Орда в Казахстане — везде уже существовала местная буржуазная и европеизированная этническая элита, занимавшаяся поисками иностранных покровителей, которые помогли бы ей учредить какое-то подобие национального государства, отдельного от России. Некоторым это удалось — Прибалтийские республики были отторгнуты от России с помощью Германии, а затем Антанты.

Программа национально-государственного строительства, выработанная в СССР, должна была решить сложнейшие проблемы, поставленные распадом Российской империи и взрывом этнического национализма, который был порожден либерально-демократической революцией в нарождающейся буржуазии нерусских народов. Тогда на эти вызо-

вы были найдены адекватные ответы — на целый исторический период. Западные ученые, дотошно изучавшие историю СССР, очень высоко оценивают тот факт, что советской власти вновь удалось собрать «империю». Модель Советского Союза была *творческим* достижением высшего класса¹.

Для советской власти не существовало дилеммы: сохранить устройство Российской империи или преобразовать ее в федерацию республик. Задача состояла в том, чтобы *собрать* разделившиеся куски бывшей империи. Собрание могло быть проведено или в войне с национальными элитами «кусков», или через их нейтрализацию и компромисс.

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России очень много крови.

Глава образованного Центральной радой правительства Украины (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 г., признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками. Он пишет: «огромное большинство украинского населения было против нас», а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации». Он добавляет, в упрек украинцам: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское — украинский язык, музыку, школы, газеты и книги» (цит. в [33, с. 379])².

¹ Даже З. Бжезинский, обсуждая варианты развития СССР в 30-е годы, признает «изумительные достижения сталинизма» и приходит к выводу, что единственной альтернативой ему мог быть только шовинистический диктаторский режим с агрессивными устремлениями (см. [49]).

² В Центральной раде были представлены эсеры, меньшевики, социалисты-федералисты и национальные меньшинства. После Октябрьской революции правительство Украины разоружало находившиеся там советские и красногвардейские

Окончательное политическое банкротство националистов на Украине произошло в 1920 г., когда последний из министров Директории Петлюра заключил договор с поляками — национальными врагами украинских крестьян.

Работа по «собираению» страны велась в обстановке войны (историки называют это военно-политическим союзом советских республик). Скорее всего, иного пути собрать Россию и кончить гражданскую войну в тот момент не было. Но спорить об этом сейчас бесполезно. С.В. Чешко, автор взвешенной и беспристрастной книги на эту тему, считает, что «образование СССР явилось наиболее вероятным в тех условиях решением проблемы обустройства постреволюционной России».

Факт заключается в том, что большевики в октябре 1917 года *унаследовали* национальные движения, которые вызревали уже в царской России и активизировались после Февраля. Если бы Российская империя сумела преодолеть системный кризис 1905—1917 годов и продолжить свое развитие как страна периферийного капитализма, то ускоренное формирование национальной буржуазии и национальной интеллигенции неминуемо привело бы к мощным политическим движениям, требующим отделения от России и создания национальных государств. Эти движения получили бы поддержку Запада и либерально-буржуазной элиты в крупных городах Центра самой России. Монархическая государственность с этим справиться не смогла бы, и Российская империя была бы демонтирована. Большевики в 20-е годы XX века нашли способ обуздать эти движения (а в конце века просоветская часть КПСС такого способа не нашла).

Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... Австро-Венгрия сжалась в своих границах до размеров ее германско-

части и не позволял советским войскам проходить через украинскую территорию, но позволял «белым» формированиям двигаться на Дон к Каледину.

го ядра, некогда могущественное Османское государство, в течение многих веков занимавшееся «одомашниванием» находившегося в его пределах религиозного и этнического многообразия, сократилось до размеров своей внутренней турецкой цитадели, которая была затем перестроена по модели утвердившейся национальной идеи. И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм.

Мощно звучавшая в границах «тюрьмы народов» национальная идея оказалась кооптированной и надолго прирученной при посредстве лапидарной формулы «национальное по форме, социалистическое по содержанию»... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества. Последнее определяется Коннором в его плодотворном исследовании (1984) «национального вопроса» в государствах с социалистическим образом правления как «длительный процесс ассимиляции на диалектическом пути территориальной автономии для всех компактных национальных групп» [50, с. 95—96].

Сегодня гораздо продуктивнее не обвинять большевиков в том, что они не совершили невозможного и не создали унитарного государства по типу Франции, а понять, каким образом они смогли так нейтрализовать этнический национализм, чтобы вновь собрать не просто единое государство, но во многих отношениях гораздо сильнее консолидированное государство, нежели Российская империя.

Это знание сегодня необходимо, даже несмотря на то, что тот опыт не может быть применен в нынешних условиях. Важны не рецепты, а методология подхода к проблеме. Мы, например, почти не обращали внимания на тот смысл, который придавался идее *диктатуры пролетариата* как сред-

ства ослабления власти *национальных* элит. Националисты не могли ничего противопоставить спланированной силе идеи союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов России.

В практике государственного строительства ленинской группировке в 1918—1921 годах удалось добиться сосредоточения реальной власти в Центре с таким перевесом сил, что вплоть до 70-х годов власть этнических и местных элит была гораздо слабее Центра. Здесь и формирование системы неофициальной власти партии, подчиненной Центру, и полное подчинение Центру прокуратуры и карательных органов, и создание унитарной системы военной власти, «нарезающей» территорию страны на безнациональные военные округа, и политика в области языка и образования.

Другой опыт — *национальная политика «белых»*, которая кончилась полным крахом. Выдвинув имперский лозунг единой и неделимой России, белые сразу были вынуждены воевать «на два фронта» — на социальном и национальном. Это во многом предопределило их поражение. Недаром эстонский историк сокрушался, что белые, «не считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков — местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью». Разумно ли это? Сегодня спорить об этом бесполезно, но факт надо учесть.

Глава 10. РУССКИЙ КОММУНИЗМ И НАУКА

Патриарх русской революции, народоволец Н.А. Морозов, писал, что в русской интеллигенции 80-х годов XIX века сильна была выпестованная П.Л. Лавровым идея долга интеллигенции перед народом — «преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу». В следующем поколении эту идею пестовал большевик А.А. Богданов, ученый, философ и просветитель, «глубоко чтимый в кругах молодой социал-демократии» (по выражению Луначарского).

Из всех революционных движений, расходящихся в начале XX века по разным направлениям, именно русский коммунизм придал самое большое значение науке (в строгом смысле этого слова) как ключевой части ядра всей своей доктрины. Советское обществоведение как-то не обратило внимания на тот факт, что стремление образованной части молодых большевиков освоить научный метод познания и объяснения распространилось в массе грамотных рабочих и крестьян, приток которых в 1917 г. и создал партию, ставшую социальным и культурным субъектом революции. У всех революционеров бушевали страсти, у всех из сердца рвались замечательные, сильные слова — а большевики выделялись. Они как будто поднимались над схваткой и видели реальность *как она есть*, рассуждали холодно и тяжело.

В своих кружках и по тюрьмам большевики изучали Маркса, но не столько фактологию и теорию капитализма, сколько логику рассуждений, *метод* — то, что было у Маркса научного. М.М. Пришвин пишет о состоянии умов тех, кто был активным интеллектуальным ядром общественного процесса: «Господствующее миросозерцание широких масс рабочих, учителей и т.д. — материалистическое, марксистское. А мы — кто против этого — высшая интеллигенция, напитались мистицизмом, прагматизмом, анархизмом, религиозным исканием, тут Бергсон, Ницше, Джеймс, Меттерлинк, оккультисты, хлысты, декаденты, романтики. Марксизм, а как *это* назвать одним словом и что это?..».

При этом надо подчеркнуть, что *социализм* как желанный тип жизнеустройства был близок интеллигенции, даже включая ее праволиберальные течения. Даже консерваторы и религиозные философы не были *антисоциалистами*¹. На-

¹ В 1917 г., в своей известной работе «Христианство и социализм» видный кадет и православный философ С.Н. Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма («он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм наизворот»). Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме» [54].

учное сообщество России со второй половины XIX века было «переплетено» с разными течениями социалистической культуры. Многие либеральные ученые и авторитетные для ученых деятели культуры были воспитаны в социалистической мысли. В ней они видели порождение науки, интеллектуальную программу развития России.

Вот суждение академика В.И. Вернадского в момент формирования партии кадетов, членом ЦК которой он стал: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса — в конце XVIII, в первой половине XIX столетия — полна с этой точки зрения глубочайшего интереса» [55, с. 409—410].

Но именно большевики-практики не просто выводили свою политику из идеи соединения социализма с наукой, но и эффективно проектировали и создавали социальные формы, адекватные для быстрого развития российской науки. Как организаторы большого научного строительства в совершенно новой социальной среде, они гораздо глубже и лучше понимали «анатомию и физиологию» науки, чем сама интеллигенция.

Вероятно, на склонность интеллигенции к утопическим построениям, о которой писал Пришвин, наслоилося и то, что крах государственности и предчувствие еще более тяжелых катастроф произвел в умонастроении интеллигенции шок, который на время деморализовал ее и сдвинул к аутистическому сознанию. Возникла необычная социальная фигура «и.и.» — *испуганный интеллигент*. Его девизом было «уехать, пока трамваи ходят». Революция так дезориентировала интеллигенцию, что многие современники с удивлением говорили о ее политической незрелости и даже невежестве. Так, философ и экономист, тогда меньшевик, В. Базаров заме-

тил в те дни: «Словосочетание «несознательный интеллигент» звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину».

В этих условиях сразу после Октября 1917 г. большевики с поразительной активностью и напором занялись разработкой научной политики и строительством большой научно-технической системы. На фоне доктрин всех остальных политических движений это явление совершенно необычное.

Прежде всего, было принято стратегическое решение не демонтировать структуры *прежней* «императорской» организационной системы науки, а укрепить ее и сделать ядром и высшей инстанцией в строительстве советской системы. Академия наук, самое консервативное учреждение науки, стала «генератором» сети научных учреждений, выполняя форсированную программу расширенного воспроизводства научного потенциала. Какой контраст с мышлением антисоветских доктринеров 80—90-х годов! И ведь до сих пор они с параноидальной настойчивостью пытаются добить остатки Российской Академии наук, остатки советской школы и пр. Пилят сук, на котором сидят...

Уже в конце 1917 г. и начале 1918 г. были сразу подняты и пересмотрены наброски больших проектов, созданных в Академии наук. Таким большим проектом российского научного сообщества перед революцией была институционализация систематического и комплексного изучения природных ресурсов России. Важным шагом в этой работе было учреждение в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Она стала самым крупным подразделением Академии наук. Возглавлял ее академик В.И. Вернадский, ученым секретарем был избран А.Е. Ферсман. Но инициатива даже этой комиссии, работавшей для нужд войны, тормозилась. Так, в течение двух лет она не могла получить 500 руб. для изучения месторождения вольфрама, обнаруженного на Кавказе¹.

¹ Наконец на заседании, где обсуждался этот вопрос, академик Крылов обругал «царскую фамилию и великих князей, которые захватили в свои руки

Уже в декабре 1917 г. в Совнаркоме состоялись беседы с энергетиками, и было начато строительство Шатурской ГРЭС. В январе 1918 г. энергетика Г.О. Графтио была поручена разработка проекта Волховской ГЭС, посланы специалисты для выбора стройплощадки Каширской ГРЭС. Работы велись и в условиях Гражданской войны. Была создана комиссия ГО-ЭЛРО (18 человек), которая за год подготовила книгу «План электрификации России». План, который сформулировал задания по важнейшим видам промышленной продукции на 10—15 лет, был утвержден в декабре 1921 г.

Другой пример — работы по исследованию Курской магнитной аномалии. В ноябре 1918 г. начала работать созданная для этой цели комиссия, в феврале 1919 г. ее планы рассматривались в Совете обороны под председательством Ленина. Несмотря на боевые действия в этом районе, на месте стала работать экспедиция Академии наук, за год были определены границы аномалии. Работа была комплексной, участвовали ведущие ученые России (И.М. Губкин, П.П. Лазарев, А.Н. Крылов, В.А. Стеклов, Л.А. Чугаев, А.Н. Ляпунов и др.). Был создан целый ряд новых приборов, разработаны ценные математические методы¹.

Основанием «общественного договора» старой научной интеллигенции с советской властью были программные заявления и действия Советского государства буквально с первых месяцев его существования. Прежде всего, большинство научной интеллигенции, независимо от личных позиций в конкретном политическом конфликте того момента, принимало тот *образ будущего*, который декларировался в социальной философии советской власти.

вольфрамовые месторождения Забайкалья», вынул из кармана 500 рублей и сказал: «Это для спасения нашей армии, оставшейся без снарядов»

¹ Для ученых были важны и установки государства. Акад. П.П. Лазарев писал: «Мы можем с полным правом утверждать, что без Ленина не было бы предпринято это грандиозное комплексное исследование, получившее в настоящее время такое большое практическое значение. Несомненно, что идейная помощь Ленина, его ясное понимание задач, которые стояли перед исследованием, сыграли колоссальную роль в тех успехах, которые были получены в этой области».

Но главное, что декларации советской власти были подкреплены делом, причем начатым со страстью. Власть в этой части своего дела стала выполнять *чаяния* российской научной интеллигенции. Уже в январе 1918 г. Советское правительство запросило у Академии наук «проект мобилизации науки для нужд государственного строительства». Ответную записку готовил Ферсман, он предлагал расширить деятельность КЕПС и наладить учет и охрану научных сил.

Установка Советского государства на форсированное развитие науки была принципиальной и устойчивой. В апреле 1918 г. Ленин написал программный материал — «Набросок плана научно-технических работ». Его главные положения совпадали с представлениями КЕПС. Уже в апреле структура КЕПС была резко расширена. Ферсман руководил Радиевым отделом и отделом Нерудных ископаемых, а с 1920 г. и Комитетом порайонного описания России.

В июне 1918 г. КЕПС, а затем и Общее собрание Академии наук обсуждали «Записку о задачах научного строительства». Она была подготовлена, как сказано в протоколе КЕПС, в ответ на «пожелание Председателя Совнаркома выяснить те взгляды, которых придерживаются представители науки и научные общества по вопросу о ближайших задачах русской науки».

Строительство советской науки планировалось, как мы бы сегодня сказали, исходя из представления о научном потенциале страны как единой *системы*. В него закладывались важные организационные нововведения. За структурную единицу научной сети был принят *научно-исследовательский институт*, новая форма научного учреждения, выработанная в основном в российской науке. Только в 1918—1919 гг. было создано 33 таких института. Эта совокупность стала той матрицей, на которой сформировалась советская научно-техническая система. Первыми, по предложению Академии наук, поданному в Совнарком 2 апреля 1918 г., были открыты Институты платины (Л.А. Чугаев) и Физико-химического анализа (Н.С. Курнаков), Центральный аэрогидродина-

мический институт (ЦАГИ), Научный автотранспортный институт (НАМИ), Научный институт по удобрениям, позже Государственные оптический и радиовый институты, Физико-технический и Физико-математический институты, Институт химически чистых реактивов (ИРЕА). К 1923 г. число НИИ достигло 56 и в 1929 г. 406.

НИИ, созданные в 1918—1919 гг. и начавшие свою работу в условиях Гражданской войны, — явление особое. Они показывают, что, при всей важности материальных условий, для научной деятельности необходимо ощущение миссии, направленной на спасение своей страны и своего народа. Как *личность* ученый может прекрасно работать в любой стране, где для работы ему созданы благоприятные условия. Но в первые годы после революции в новых институтах вокруг ведущих ученых были собраны *коллективы*, которые стали ростками большой и целостной национальной науки. Это было явление чрезвычайное. Они сформировались в исследованиях высокого уровня, не имея, по нормальным меркам, минимально необходимого материально-технического обеспечения¹.

Сейчас многим трудно понять, что строить систему научных учреждений в 1918—1920 гг. значило прежде всего *сохранить* самих ученых в буквальном смысле слова. В 1919 г. был принят декрет Совнаркома «Об улучшении положения научных специалистов» — им были выданы пайки на усиленное питание (сначала 500, к сентябрю 1921 г. 4786 пайков, а в 1922 г. продуктовые пайки получали 22 589 работников науки и техники). В январе 1920 г. почти во всех университетских городах стали создаваться *комиссии по улучшению быта ученых*. Н.А. Семашко писал, что ЦекУБУ «питала деятельность громадного большинства, если не всех университетов, институтов и других высших учебных заведений... поддерживала «жизненную силу» этих учреждений». Это было решение ру-

¹ Во время Гражданской войны сотрудники созданного в 1918 г. Института физико-химического анализа, как с иронией говорил академик Н.С. Курнаков, «работали при нормальных условиях — температура 0°C и давление 760 мм».

ководства большевиков (принятое при личном участии Ленина), и вовсе не обычное.

С середины 20-х годов стала формироваться сеть проектно-конструкторских и проектных институтов. Первым из них стал созданный в 1926 г. Государственный институт по проектированию металлических заводов (Гипромез). Затем были учреждены Гипрошахт, Гипроцветмет и др.

Именно согласование взглядов Совнаркома, представителей науки (и, что менее известно, бывших министров и промышленников царской России) позволило выработать и сразу начать ряд больших научно-технических программ (ГОЭЛРО, геолого-разведочных, эпидемиологических и др.).

Вот пример научной программы с большим социальным эффектом. Она предлагалась учеными в дореволюционное время, но стала возможной лишь в новых социально-политических условиях. К середине 20-х годов резко снизилась младенческая смертность в России, которая в самом конце XIX века составляла 425 умерших на 1 тыс. родившихся. В результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила *на 12 лет*. Это было достигнуто интенсивной и массовой *культурно-просветительной* работой. Врач и демограф С.А. Новосельский писал в 1916 г.: «Высокая детская смертность у православного, т.е. преимущественно русского населения состоит, помимо общеизвестных причин, в связи с деревенскими обычаями крайне рано, едва ли не с первых дней жизни ребенка давать ему кроме материнского молока жеваный хлеб, кашу и т.п. Сравнительно низкая смертность магометан, живущих в общем в весьма антисанитарных условиях, зависит от обязательного грудного вскармливания детей в связи с религиозными предписаниями по этому поводу Корана»¹ [56].

Отказ русских крестьян от привычки давать новорожденному ребенку жеваный хлеб, от чего умирала треть младенцев, — результат форсированной просветительской про-

¹ У мусульман в 1897 г. детская смертность составляла 166 на 1 тыс.

граммы, и ее смог организовать только русский коммунизм, создав для нее и особые формы, и особого социального субъекта-исполнителя (комсомол). И подобных результатов было много, например, ликвидация в 20-е годы массового детского («бытового») сифилиса, вызванного элементарным незнанием правил гигиены.

На селе создавались учреждения, которых в дореволюционное время практически не существовало, но которым теперь придавалось приоритетное значение. Так, в систему здравоохранения вошли ясли, консультации, туберкулезные пункты, «венерические отряды». Стали проводиться обследования школьников, велась большая работа по санитарному просвещению в деревнях. Были созданы мобильные санитарные пункты, которые передвигались и по железным дорогам, и по водным путям. Бригады мобильной медицинской помощи на остановках открывали временные фельдшерские и консультативные пункты, пока судно стояло у пристани.

Проведенные в 20-е годы большие санитарные и противоэпидемические программы предотвратили эпидемии и резко снизили заболеваемость инфекционными болезнями, ликвидировали особо опасные инфекции. В 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет СНК об обязательном оспопрививании. В результате массовой иммунизации оспа в СССР к 1936—1937 гг. была полностью ликвидирована. С 50-х гг. структура заболеваемости и причин смерти в СССР стала типичной для экономически развитых стран.

Забегая вперед, надо сказать, что опыт 20-х годов и найденные тогда новые социальные формы здравоохранения были спасательными для СССР во время Великой Отечественной войны. Так, великим делом была эвакуация людей. Уже к началу 1942 г. в тыловые районы было вывезено 12,4 млн. человек, 8 млн. человек переместились летом 1942 г. Для эвакуации использовался непригодный транспорт, основная масса людей оказалась без зимней одежды и обуви, среди них было много истощенных и больных. Вокзалы и станции были переуплотнены, происходило массовое смеше-

ние эвакуированных со встречными воинскими контингентами. Теоретически, это должно было повести к *эпидемиологической катастрофе*. Требовались меры, небывалые даже для военных условий.

Такие меры были приняты, и в их реализации принимало участие множество людей самых разных ведомств и общественных организаций, а также из местных советских органов и колхозов. В результате за всю операцию по перемещению 20 млн. человек не было ни одной эпидемии. При гораздо меньших масштабах перемещения людей во время Гражданской войны от эпидемий за 1918—1920 гг. умерло более 5 млн. человек¹.

Такие назревшие и срочные программы начинались и складывались так, что множество людей разом понимало их смысл и сразу начинало предпринимать нужные действия как будто по какому-то тайному беспрекословному знаку. Вот пример. В Российской империи уже в 1890 г. законом была введена метрическая система мер и весов. Но для ее практического введения ничего не было сделано. В промышленности применялись три системы мер: старая русская — с пудами, фунтами и аршинами, британская (дюймовая) и метрическая. Такой разнობой делал невозможной кооперацию различных предприятий и резко затруднял снабжение. Наладить сложное отечественное серийное производство (автомобилей, самолетов) было в принципе невозможно.

Ученые Главной Палаты мер и весов сразу после Октября обратились в Совнарком. При советской власти государство взяло на себя ключевые контрольные и регулирующие функции по внедрению единой метрической системы мер и стандартов. Работа была начата после издания в 1918 г. дек-

¹ В 1941—1945 гг., когда половина врачей была мобилизована на фронт и в военные госпитали, страна прошла войну без крупных эпидемий. Помощь заболевшим приходила так быстро, а лечение было таким тщательным, что смертность всех пораженных инфекционными заболеваниями по стране составила в 1944—1945 гг. всего 5,1%. В СССР был достигнут самый высокий уровень возврата раненых и больных в строй (за время войны 72,3% раненых и 90,6% больных воинов). Все это — итог *общего дела*, специфически советской социальной организации.

рета Совнаркома (одного из первых декретов советской власти). Реформа представлялась делом исключительно трудным, насильно заставить Россию принять новую систему мер было нельзя. Началась массовая просветительская кампания, мобилизованы поэты и художники. Был объявлен конкурс на лучшее научно-популярное сочинение о метрической системе. Одной из первых и самых успешных книг была книга о ГОЭЛРО, написанная по заданию Ленина И. Скворцовым-Степановым. Предисловие к книге написал Ленин, а ее первый раздел был целиком посвящен метрической системе. Даже в условиях Гражданской войны был выделен драгоценный чугун на отливку гирь — и торговцам их разношерстные гири заменили метрическими.

В 1923 г. был создан Комитет эталонов и стандартов (КЭС), который разработал стандарты на меры длины, резьбы, калибры. В 1924 г. было организовано Бюро промышленной стандартизации, а в 1925 г. — Комитет по стандартизации при Совете Труда и Обороне. В его работе участвовали виднейшие ученые России. Обязательные общесоюзные стандарты получили силу государственного закона. За 1926—1932 гг. Комитет утвердил 4114 общесоюзных стандартов. В новый цикл индустриализации СССР входил, обладая современной единой государственной системой стандартов, которая опиралась на развитую строгую науку — *метрологию*. Это огромное по масштабам общенациональное дело было сделано так органично, что историки на него почти не обратили внимания¹.

С первых лет советского периода фигура ученого как носителя особого типа знания, языка и образа мысли присутствовала во всех важных делах страны. В социодинамике знания в советском обществе были связаны в сеть вертикальные

¹ Решение нынешней власти ликвидировать Госстандарт и отменить всю наработанную в советский период систему ГОСТов было настолько невероятным и немыслимым, что было встречено почти полным молчанием — специалисты, кажется, боялись о нем думать и говорить. Как будто в небесах увидели что-то ужасное.

и горизонтальные каналы информации и авторитета. Когда надо было поддержать крупную научно-техническую программу, то подключались ресурсы как советских, ведомственных и партийных структур, так и пересекающих по горизонтали их линии субординации связи общественных организаций — комсомола, профсоюзов, обществ. В ряде случаев такие кампании приобретали общенациональный характер.

В мировой истории большое внимание уделено осуществленной в СССР форсированной программе создания мощного авиастроения и авиации. Для ее успеха требовались программа *распространения знаний* об авиации и создание обстановки всенародной *любви* к авиации и авиаторам. Эта программа была типичной и может служить моделью.

Решение о развитии авиации было принято сразу после Гражданской войны, которая позволила оценить значение этой техники. В 1923 г. было учреждено Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) и акционерное общество Добролет (для развития гражданской авиации). ОДВФ стало первой общественной организацией в СССР (не считая политических и профессиональных). В 1924 г. состоялась торжественная передача XIII съезду партии эскадрильи «Ленин» из 19 самолетов, построенной на средства общества (на аэродроме собралось 20 тыс. человек и на Октябрьском поле вблизи него 100 тысяч).

На ОДВФ была возложена агитация и пропаганда авиации, помощь в подготовке кадров, развитие планеризма и авиамodelьного спорта, сбор средств на развитие авиации, содействие промышленности и научным исследованиям. В 1923 г. был проведен всенародный сбор средств на строительство самолетов, стал издаваться журнал «Самолет», тема авиации заняла заметное место в поэзии, кино, театре. Через год в обществе был миллион членов, повсеместно были организованы «авиауголки» с библиотечкой книг об авиации, с моделями и деталями самолетов, плакатами, чтением лекций и показом фильмов. Самым популярным мероприятием

были агитполеты, во время которых граждане могли бесплатно полетать на самолетах. В городах ожидали прилета самолетов многотысячные толпы, в Сибири крестьяне съезжались на такие встречи за сотни километров.

Маршруты таких полетов составляли иногда тысячи километров, самолет подлетал к деревне, разбрасывал листовки с агитацией за авиацию, затем садился. Около него собирался митинг, летчики показывали самолет, а затем поднимали в воздух желающих («воздушные крестины»). Во многих деревнях России крестьяне увидели самолет раньше, чем паровоз или пароход.

За короткое время в СССР возникла *мифология авиации*. Ей придавались магические черты как символического посредника между трудящимися всего мира. Летчиков называли «воздушными рыцарями», авиации приписывался огромный духовный потенциал как средству преодоления барьеров между людьми. В то же время авиация была представлена как символ знания, науки (1 мая 1923 г. на площади был установлен самолет и поднят лозунг «На крыльях науки к коммунизму!»).

Кампания поддержки авиации активизировалась, чтобы помочь другим программам. Так, на авиацию возлагалась важная роль в освоении Крайнего Севера. Было создано Главное управление Северного морского пути и при нем Управление полярной авиации. В 1925 г. советский летчик М.С. Бабушкин первым в мире освоил посадку самолета на дрейфующую льдину. Идея создать на Северном полюсе дрейфующую научную станцию для автономной работы была по тем временам фантастической. Для нее требовалось поднять авиостроение на новый уровень надежности, и эта программа вызвала всеобщее внимание. В 1934 г. прошло успешное 500-часовое испытание первого в СССР мощного авиадвигателя, и это было большим событием для мирового авиастроения. Новый мотор был исключительно надежным и обеспечил потребности полярной авиации и дальних перелетов.

Удивительный по нынешним временам уровень предвидения и организации больших программ можно видеть в *атомной программе*. Вот ее график:

— в 1910 году В.И. Вернадский подал в правительство записку с идеей этой программы, в которой предсказал «неизбежность практического использования атомной энергии»; на нее не обратили внимания;

— 29 марта 1918 г. ВСНХ предложил Академии наук организовать исследования, необходимые для производства радия. Сырье, предназначенное для отправки в Германию, было секвестировано и передано Академии наук. На работы по радию Академии была выделена крупная сумма. В декабре 1921 г. были получены высокоактивные препараты радия. В начале 1922 года был построен и заработал завод по производству радия;

— в 1918 г. в Радиевом отделе стали разрабатывать высоковольтный трансформатор на 2 млн. вольт как ускоритель элементарных частиц (он был опробован в 1922 г.);

— в 1938 году в АН СССР была образована Комиссия по атомному ядру, ее планы предусматривали строительство большого ускорителя в 1941 году и добычу 10 т урана в 1942—1943 годах;

— первая статья о делении ядер при бомбардировке нейтронами (в Радиевом институте) была представлена советскими физиками в журнал «Доклады Академии наук» всего через два месяца после публикации об открытии в 1939 году деления ядер;

— в ноябре 1942 года И.В. Сталин в беседе с академиками А.Ф. Иоффе и В.И. Вернадским поставил вопрос о создании атомной бомбы. Руководителем атомного проекта был назначен И.В. Курчатов. В 1943 году для этого проекта создано научно-исследовательское учреждение «Лаборатория измерительных приборов №2 АН СССР».

Научно-техническая работа в этой области сопровождалась интенсивной пропагандой. В новогоднем номере «Известий» 31 декабря 1940 года целый подвал занимала статья

под названием «Уран-235». А в «Правде» № 1 за 1941 год помещен шарж Кукрыниксов — около елки самые прославленные люди страны: Шостакович, Шолохов, Капица... и молодые физики Флеров и Петржак, которые в мае 1940 года открыли спонтанное деление урана.

Эта непрерывная работа по *предвидению и конструированию* будущего — особое качество и ученых, и политиков, работавших в философии русского коммунизма. Глядя на нынешних топ-менеджеров, даже не верится, что они родились в той же стране. Вот что значит растоптать интеллектуальную, духовную и трудовую конструкцию, которую в России сумели создать, отбирая все лучшее из истории и своей страны, и других культур.

В СССР научное сообщество по всем важным проблемам могло делегировать группу авторитетных ученых, которые без надрыва и внятно объясняли власти, в чем стратегическая необходимость для страны создать то или иное направление отечественной науки, выполнить ту или иную большую программу. В течение всего советского периода научное сообщество могло эту свою обязательную функцию выполнять. Академики — монархисты и кадеты — могли объяснить это Ленину в обстоятельных личных беседах и докладах. Академики Иоффе, Капица и Курчатов могли в личных беседах и записках объяснить это Сталину. Академик Келдыш мог объяснить это Хрущеву, академик А.П. Александров — Андропову и Черненко. А сегодня президенты говорят языком министров Фурсенко или Ливанова, совершенно неадекватным ни состоянию России, ни состоянию науки.

Вернемся к ранним программам. Даже политическое решение о переходе к нэпу вырабатывалось по типу *научной программы*. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России, Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову, было поручено подготовить два *альтернативных* программных доклада.

Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, т.н. «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным тру-

дом. Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией. Доклады обсуждались в июне 1920 г. на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу нэпа была положена концепция Чаянова. Речь шла именно о *новой* политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов и на основе знания, данного Гражданской войной.

Хотя все эти программы выполнялись, в их научной части, по планам и под руководством старых российских ученых (в основном бывших народников и либералов, монархистов и меньшевиков), их координация и степень взаимопонимания с политической властью были на таком уровне, какого, видимо, уже не удавалось достичь в послевоенный период.

Как ни парадоксально, советское обществоведение не донесло до нынешних поколений знания об этой важнейшей стороне больших довоенных программ. Например, нэп означал вовсе не только «замену продразверстки продналогом» (хотя и это преобразование требовало создания принципиально новых форм). Для осуществления нэпа требовались: обобщение научных концепций модернизации, большие медицинские профилактические программы на обширных территориях, глубокие изменения в системе права и кодификация большого числа законов, создание совершенно новой пенитенциарной системы, «конструирование» комсомола как необычной политической организации «для крестьян», большая философская дискуссия в сфере культуры (преодоление «пролеткульта»).

В результате выполнения по всему фронту работ научных программ высокого класса СССР подошел к началу Великой Отечественной войны как мощная научная держава, причем это было достигнуто с очень скромными финансовыми, кадровыми и техническими средствами. Наука тогда буквально «пропитала» все, что делалось для войны. Президент АН СССР С.И. Вавилов писал: «Почти каждая деталь военного оборудования, обмундирования, военные материалы, ме-

дикаменты — все это несло на себе отпечаток предварительной научно-технической мысли и обработки».

Во второй половине 30-х годов советская промышленность стала в высшей степени *инновационной* — и в технологическом, и в социальном смысле, и эти качества во многом предопределили темп развития во второй половине XX века и живучесть постсоветских стран в 1990—2010 гг. Тот опыт для нас чрезвычайно актуален сегодня.

В феврале 1941 г. председатель Госплана Н.А. Вознесенский отметил такие крупные инновации:

— непрерывная разливка стали на роторных линиях с обработкой отливок на автоматических станках (сокращение производственной площади в 6 раз, количества оборудования в 4 раза, брака и себестоимости в 2 раза, повышение производительности труда в 2,5 раза);

— широкое использование штамповки вместоковки;

— автоматическая электросварка под флюсом;

— применение станков с приборами автоматического контроля и программирования.

Здесь названы технологические нововведения, которые требовали участия современной и по-новому организованной науки. Таких достижений было множество.

Вот пример. В 1942 г. персонал промышленности сократился по сравнению с 1940 г. на 3,8 млн. человек, а из 7,2 млн. работников значительную часть составляли необученные женщины и подростки от 12 до 18 лет.

Обучить их не было времени, требовались широкая автоматизация и упрощение технологий. Была предпринята большая *программа* автоматизации и замены *дискретных* технологических процессов *поточными*. Этим занялись ученые АН СССР. Было быстро создано большое число автоматических и полуавтоматических станков и приборов, которые резко повысили производительность труда и снизили требования к уровню квалификации. Работы в СССР 1941—1942 гг. стали первым в мире опытом широкой автоматизации массового производства.

Исходя из этих принципиальных установок, были выработаны особые принципы советской промышленности, которые можно назвать способностью мобилизовать «дремлющие» ресурсы низкой интенсивности. Это качество присуще хозяйству «семейного типа», которое вовлекает ресурсы, негодные для рынка (трудовые и материальные). Конечно, для этого требуются и социальные отношения, аналогичные семейным! Это — великое достижение русского коммунизма.

Особым качеством советской промышленности стало привлечение для решения технических проблем *самого фундаментального теоретического* знания. Такое соединение стало возможным благодаря качественно новым контингентам научных работников, инженеров, рабочих и управленцев. Государственная система организации науки позволила с очень скромными средствами выполнить множество проектов такого типа. Примерами служат не только лучшие и оригинальные виды военной техники, как система реактивного залпового огня «Катюша» и ракеты «воздух-воздух», создание кумулятивного снаряда, а потом и кумулятивных гранат, мин, бомб, резко повысивших уязвимость немецких танков¹, но и крупные научно-технические программы типа создания атомного оружия.

Все участники этого процесса, от академиков до рабочих, продемонстрировали высокую культуру взаимодействия и коммуникативные нормы высшего качества. То, что им удалось сделать, поражает масштабами. Они создали первую в мире автоматизированную линию агрегатных станков для обработки танковой брони — производительность труда сразу возросла в 5 раз. Институт электросварки АН УССР под руководством Е.О. Патона, эвакуированный в Нижний Тагил, в 1942 г. создал линию автоматической сварки танковой брони под флюсом, что позволило организовать поточное произ-

¹ Осенью 1941 г. остро встала проблема борьбы с танками. Исходя из новой гидродинамической теории (исследования М.А. Лаврентьева по теории струй), была выдвинута идея боеприпаса нового типа — кумулятивных снарядов и мин. Они были испытаны в мае 1942 г. и показали удивительную эффективность.

водство танков, — общая производительность труда при изготовлении танков повысилась в 8 раз, а на участке сварки в 20 раз. Немцы за всю войну не смогли наладить автоматической сварки брони.

На основе развития теории баллистики и решения ряда математических проблем были улучшены методы проектирования артиллерийских орудий, способы стрельбы и живучесть артиллерийских систем. Были значительно улучшены дальность, скорострельность, кучность стрельбы, маневренность, надежность в эксплуатации и мощность артиллерийского вооружения. Коллектив, возглавлявшийся В.Г. Грабиным, в начале войны создал лучшую в мире (по признанию союзников и германских экспертов) дивизионную пушку 76-калибра ЗИС-3, причем снизил себестоимость каждой пушки по сравнению с ее предшественницей в 3 раза, что позволило в достатке обеспечить армию этой пушкой.

Разумеется, дело не только в себестоимости и производительности труда, а и в качестве продукта. Благодаря трудам С.А. Христиановича, М.В. Келдыша и других были достигнуты высокие аэродинамические качества новых образцов самолетов, усилена их броня, вооружение, упрощена технология изготовления, что позволило значительно обогнать германские заводы по производительности. Конструкторы удвоили мощность авиационных моторов, не увеличив при этом их массу. За период войны было создано 23 типа мощных двигателей¹.

Мы здесь говорим только о принципах, с которыми русские коммунисты с самого начала подходили к науке. Да и говорим очень кратко. В действительности само представление о науке, о ее роли в культуре и возможности соединения с «культурой простонародья» в русском коммунизме было новым и необычным явлением. Оно соединилось с тем представлением, которое родилось в самой русской науке и одновременно в русской классической литературе. Такого соеди-

¹ О краткой истории научного строительства в первый период СССР см. [57].

нения не произошло ни в монархической элите, ни у эсеров, ни у меньшевиков. Но, получив организационное оформление в советской власти, оно быстро привлекло интеллигенцию из всех этих групп, и их вклад в развитие советской науки достоин глубокого уважения и благодарности.

Система научного строительства (включавшая в себя, разумеется, и систему образования, о которой здесь нет места сказать), совершенствовалась и наполнялась и после Великой Отечественной войны, в чем-то обновляясь, но не отступая от главных принципов. Но культурный кризис 70—80-х годов болезненно сказался и на науке, и значительная часть научно-технической интеллигенции пошла за Горбачевым. В результате нынешняя судьба отечественной науки печальна. Но это — другая тема.

Глава 11. РУССКИЙ КОММУНИЗМ: ВЫБОР ПРИНЦИПОВ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

Советский проект был в главных своих чертах выработан в сознании крестьянства за время после реформы 1861 года и совершенно определенно изложен во всех его главных срезях в наказах и приговорах 1905—1907 годов. Затем он был дополнен «сознательными рабочими», сохранившими общинное мироощущение, и четко выявился в период между Февралем и Октябрем 1917 года в деятельности Советов и рабочего самоуправления. Научный социализм, развитый в приложении к России интеллигенцией самых разных политических оттенков, привнес в советский проект идею модернизации и развития.

В этом проекте вполне ясно просматривались главные черты будущего жизнеустройства. В главных чертах оно и было создано в 20—40-е годы. За него воевали, его защищали и строили сознательно.

Советская власть, как известно, полностью приняла крестьянский наказ о национализации земли, и община стала ос-

новным институтом, проводящим землеустройство, — а распределить надо было 150 млн. десятин земли, которую получили крестьяне по Декрету о земле. Автоматически были устранены арендные платежи, величина которых составляла огромную сумму — 700 млн. золотых рублей. Это сразу улучшило положение основной массы крестьян-середняков, которые были главными арендаторами. Крестьянам списали задолженность в Крестьянский банк в размере 1,4 млрд. золотых рублей. И эти шаги вовсе не были тактическими, конъюнктурными. Они вытекали из того нового представления о крестьянстве и русской революции, которое созрело в среде большевиков после 1907 года.

Напротив, в этом вопросе «дети Февраля» были вынуждены после Октябрьской революции сдвинуться далеко *вправо* от деклараций и намерений Временного правительства. Следуя принципу *непредрешенчества*, они не выдвигали никакой социальной программы на будущее. Но относительно либерально-буржуазной компоненты Белого дела позиция крестьян была совершенно устойчивой. Капитализм означал хищническую эксплуатацию крестьянства как «внутренней колонии», и в перспективе — раскрестьянивание и полное обнищание. Эту установку ясно выразил Л.Н. Толстой.

Пришвин записал в дневнике 27 декабря 1918 года: «Что же такое эта земля, которой домогались столько времени? "Земля, земля!" — это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты — это единственные люди из всех, кто поняли крик "земля!" в полном объеме».

Завоевания крестьянства в Октябрьской революции были настолько велики, что хозяйство крестьян не потерпело краха и даже поправлялось в условиях Гражданской войны — явление в истории беспрецедентное.

Сравним результаты двух сельскохозяйственных переписей: проведенной летом 1917 года Временным правительством и в конце лета 1919 года — Советским правительством в губерниях, на которые распространялась его власть. Главный результат за эти два года — сокращение числа «беспосев-

ных» и безлошадных крестьян, т.е. бедняков. Вектор процесса был очевиден. Вторым результатом — разделение больших семей благодаря тому, что крестьянам стали доступны (причем бесплатно) лесоматериалы из бывших помещичьих лесов для строительства домов и хозяйственных построек, устройства телег и саней. В результате в целом значительно обновились жилища и постройки в деревне.

Вследствие резкого снижения товарности сельского хозяйства крестьяне стали сами лучше питаться и смогли увеличить количество скота. Численность лошадей за 1917—1919 годы даже при больших реквизициях снизилась всего на 1,6%. На фоне той катастрофы, которая постигла остальные отрасли народного хозяйства, хозяйство села обнаружило в эти годы поразительную устойчивость; и крестьяне прекрасно понимали, что эта устойчивость обусловлена аграрной политикой советской власти, которая базировалась на философии русского коммунизма.

Мы говорили о большой программе сборки народа и страны. Но по своему масштабу и структурной сложности с этой программой сравнима задача проектирования форм *народного хозяйства* (точнее, это две стороны единой задачи). Именно тип народного хозяйства в огромной степени определяет социальные формы всего жизнеустройства. В этой работе на счету у русского коммунизма много оригинальных достижений общемирового значения. Рассмотрим некоторые из них.

С началом нэпа в советской экономике вводилось *плановое* начало. Еще в годы гражданской войны была начата разработка перспективного плана электрификации России. В декабре 1920 г. план ГОЭЛРО был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год утвержден IX Всероссийским съездом Советов. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства, который получил практическое воплощение.

Потребность в крупномасштабном народнохозяйственном планировании в России еще до революции осознава-

лась и монархическим государством, и промышленниками. В 1907 г. Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план* строительства и развития железных дорог. Деловые круги «горячо приветствовали этот почин». В 1909—1912 гг. работала Междуведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных путей сообщения Российской империи. Она применяла при разработке плановых документов широкий комплексный подход. В качестве главного критерия Комиссия приняла «внутренние потребности государства». Таким образом, за основу перспективных пятилетних планов развития бралась не система электрификации, а система путей сообщения. Была разработана программа на 1911—1915 гг., а затем пятилетний план капитальных работ на 1912—1916 гг. [58]. Реализации этих «первых пятилеток» помешала мировая война, однако изначально большие ограничения накладывались и отношениями собственности в Российской империи.

В 1921 г. для работы по планированию народного хозяйства была создана Государственная плановая комиссия (Госплан). Его функция не сводилась к разработке государственных народно-хозяйственных планов, они были лишь *инструментом*. Экономика — арена конфликта интересов (социальных групп населения, отраслей, регионов). Эти интересы воздействуют на соответствующие государственные органы, возникают объективные противоречия в их политике, иногда конфликты. Это происходит при любом экономическом строе. Разница в том, что при малой степени огосударствления хозяйства разрешение значительной части противоречий и конфликтов (хотя далеко не всех) возлагается на стихийно действующий механизм рынка. А в Советском государстве, роль которого в экономике резко возросла, стало необходимым создать авторитетное ведомство без своего особого «интереса». Его задачей было находить приемлемый или даже хороший способ удовлетворения многочисленных конкурирующих между собой экономических интересов.

Таким ведомством и был Госплан. Главной его функцией было изучение и согласование экономических интересов. Разумеется, значимость тех или иных интересов определялась политическими условиями. На первом месте стояла оборона, а значит, развитие обеспечивающих ее отраслей промышленности и т.д. Но это были *осознанные* политические решения, которые Госплан вписывал в общую систему всех других интересов. Советские плановики разработали и главный методологический инструмент — межотраслевой баланс. Госплан рассчитывал баланс потребностей и ресурсов, предвидя социальную и экономическую динамику.

Конкретные задания Госплана в количественном выражении часто выполнены не были, но это чисто формальная оценка планирования. Важно, в какой мере решались *структурные* задачи, поставленные пятилетними планами. Предвоенные пятилетки, которые должны были превратить Россию в индустриальную страну, полностью выполнили эту свою задачу. В советском хозяйстве были спроектированы и построены большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать промышленно развитой и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи потому, что жили «внутри нее», а официальное обществоведение внушило, что ответы на встающие проблемы автоматически вытекают из учения марксизма-ленинизма.

Суть *плана* в советском хозяйстве была вульгаризирована в идеологии перестройки. План — это не подсчет винтиков и пиджаков. Отличие плана от рынка в том, что при рынке ресурсы *обмениваются и покупаются*, а при плане они *соединяются*. Этот принцип проектирования советского хозяйства противоречил как либеральной, так и марксистской доктрине индустриальной экономики.

Прежде всего, была поставлена под сомнение центральная догма этой доктрины, согласно которой экономическое

равновесие достигается путем *обмена стоимостями*. Понятно, что для такой экономики, основанной на обмене, требуется создание и поддержание большой и дорогостоящей системы измерений. Для этого нужна даже особая духовная культура, которая возникла вместе с современным капитализмом и которую М. Вебер назвал «дух расчетливости» (*calculating spirit*). Быстро создать такую культуру нельзя.

Разумеется, из истории и опыта было известно, что совместная деятельность людей может быть организована и без купли-продажи товаров и обмена стоимостями — эти институты вообще возникли очень недавно. Существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен, повинность и т.д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия *складываются*, а не обмениваются — так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

К такому типу относится, например, *семейное* хозяйство. Этот тип хозяйства экономически эффективен (при достижении определенного класса целей) — замена его рыночными отношениями невозможна, т.к. оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад¹.

Хотя в качестве идеологии большевики приняли марксизм, на начальном этапе становления советской экономики стали быстро восстанавливаться *традиционные* («естественные», по выражению М. Вебера) взгляды на хозяйство и производственные отношения. Ленин после 1907 г. также сдвигался к установкам *экономи* — в смысле, который придавал этому термину Аристотель².

¹ Это показали расчеты американских экономистов, сделанные в 70-е годы. Проведенный недавно расчет показал, что средняя американская домохозяйка «производит и поставляет» своей семье услуги, которые на рынке стоили бы около 100 тыс. долларов в год.

² Аристотель разделял хозяйство на два типа — *эконом*ю, что означает «ведение дома» (экоса), и *хрематистику*, нацеленную на получение дохода (их

Для советского строя, который складывался на матрице крестьянского общинного коммунизма, был характерен высокий уровень уравнительности — прежде всего, выражавшийся в искоренении безработицы («право на труд»), в доступе к главным социальным благам (жилье, образование и здравоохранение) и в ценообразовании. Маркс называл это «казарменным коммунизмом». Мысль о его реакционности сохраняла свой антисоветский потенциал. Он был активизирован после смерти Сталина.

Одним из важных устоев жизнеустройства СССР был *государственный патернализм*. Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество. Отказ от патернализма и тотальная конкуренция — идеологический миф неолиберализма. Государство изначально возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без *отеческой* заботы государства.

Западные консерваторы видят в государственном патернализме заслон против разрушительного для любого народа «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». В любой культуре есть священные ценности, наделение которыми не должно регулироваться рынком — их распределяет государство как отец семьи.

В отношении доступа к *базовым* благам советский патернализм и количественно, и качественно отличался от буржуазного. Наше общество было устроено по типу семьи, в кото-

различают также как натуральное хозяйство и рыночную экономику). В царской России хрематистика не смогла занять господствующего положения, а в СССР она была подавлена или ушла в «теневую экономику». Господствовали нетоварные отношения, хотя сохранялась внешняя форма товарообмена и денег.

рой роль отца (*патера*) выполняло государство посредством планового производства и ценообразования, субсидирования определенных производств и полного государственного финансирования предоставления некоторых продуктов и услуг. Замечательным свойством советского патернализма была его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суэта убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспитанию детей — вот тогда и раскрывается его потенциал. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время¹.

СССР был обществом, в котором ушли в прошлое страхи, порожденные экономическими и социальными причинами. Люди чувствовали себя под надежной защитой государства, хотя и ворчали на него (или даже тяготились этой защитой, утратив ощущение угроз). Это чувство надежности — следствие государственного патернализма. Жители нынешней Российской Федерации живут в атмосфере нарастающих страхов — перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх — перед преступным насилием.

Понятие патернализма касается не только отношений государства и населения. В СССР народ всегда ожидал от государства *отеческого* отношения ко всем системам жизнеуст-

¹ Американский философ Ф. Джордж писал в 1984 г.: «Один молодой ученый из Западной Европы, возвратившийся из поездки по США и СССР, описывает людей в Советском Союзе как более счастливых, мягких и сердечных, чем те, которых он встретил в США. По его мнению, это говорит об огромном давлении, оказываемом на жизнь людей в западном мире, особенно в США, по сравнению с относительной простотой существования большинства русских... Интересна проблема: западный мир допустил, сам этого не понимая, многое из того, что делает жизнь более неприятной, более жестокой, превращает в борьбу не на жизнь, а на смерть, когда возможности прибыли сокращаются, а предпринимателей (или назовите их как угодно) оказывается в избытке» [62].

ройства России — к армии и школе, к промышленности и науке. Всё это — творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа с отходом от коммунизма произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли — все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их *оскорбило*.

Как тяжело было слышать, каким критериям будет следовать Правительство РФ, оказывая поддержку предприятиям во время кризиса: «Право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации». Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых — критерий просто небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения *критически важных для страны* задач. Но именно такие коллективы обычно неспособны «самостоятельно привлекать ресурсы», поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в СССР атомную программу? Можно ли было развить мощную науку? Нет, для этого нужен государственный патернализм.

Патернализм — свойство «натурального» хозяйства, он противопоставлен рыночной экономике (хрематистике). И вот водораздел между социал-демократией и поднимающимся русским коммунизмом. В 1899 г. Ленин писал, как ортодоксальный марксист, в понятиях политэкономии — прибавочная стоимость, цена рабочей силы, прибыль. А в статьях Ленина 1917—1918 гг. об «очередных задачах советской власти» хозяйство представлено в его *материальной* фактуре. Здесь нет понятий хрематистики и теории стоимости. Это можно было бы понять, внимательно читая Маркса — вместе

с примечаниями, в которых он для контраста описывал «нерыночное» хозяйство.

Поэтому в 20-е годы основная дискуссия при выработке доктрины хозяйства шла именно по вопросу о применимости к ней теории стоимости. О том, насколько непросто было заставить мыслить советское хозяйство в понятиях этой теории, говорит тот факт, что первый учебник политэкономии в СССР удалось подготовить, после двадцати лет дискуссий, лишь в 1954 году! Академик К.В. Островитянов писал в 1958 г.: «Трудно назвать другую экономическую проблему, которая вызвала бы столько разногласий и различных точек зрения, как проблема товарного производства и действия закона стоимости при социализме».

О непригодности категорий политэкономии для верного описания советского, явно не капиталистического, хозяйства предупреждал А.В. Чаянов. Он писал: «Обобщения, которые делают современные авторы современных политэкономических теорий, порождают лишь фикцию и затемняют понимание сущности некапиталистических формирований как прошлой, так и современной экономической жизни» [5, с. 396.].

Действительно, всякое «натуральное» хозяйство (*экономика*, а не *хрематистика*) выводится за рамки политэкономии, и Маркс берет сведения из натурального хозяйства только для контраста. Несмотря на колебания между идеологией и реальностью, вплоть до 1941 г., как пишет А. Пашков, «советские экономисты упорно твердили: наш товар — не товар, наши деньги — не деньги». В январе 1941 г. при участии Сталина в ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение макета учебника по политэкономии. А. Пашков отмечает «проходившее красной нитью через весь макет отрицание закона стоимости при социализме, толкование товарно-денежных отношений только как внешней формы, лишенной материального содержания, как простого орудия учета труда и калькуляции затрат предприятия». Сталин на том совещании предупреждал: «Если на все вопросы будете искать ответы у Маркса, то пропадете. Надо самим работать головой, а не заниматься нанизыванием цитат».

В реальности советское хозяйство строилось в основном не по типу *рынка*, а по типу *семьи* — не на основе купли-продажи ресурсов, а на основе их *сложения*. Это позволяло вовлекать в хозяйство «бросовые» и «дремлющие» ресурсы, давало большую экономию на транзакциях и порождало хозяйственную мотивацию иного, нежели на рынке, типа. Сложение ресурсов в «семье», расширенной до масштабов страны, требовало государственного планирования и особого органа управления — Госплана. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений войны 1941—1945 гг. очень быстро восстановить хозяйство — без иностранных инвестиций и не влезая в долги. В 1948 г. СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства — можно ли это представить себе в рыночной системе? Это удалось потому, что ресурсы не продавались и не покупались, а соединялись при помощи плана. А купить их — никаких денег не хватило бы.

В послевоенные годы, во время массового городского строительства, в СССР решили отказаться от индивидуального учета потребления ряда услуг ЖКХ (за исключением электричества) — в квартирах, например, были сняты имевшиеся ранее газовые счетчики. Это удешевило всю систему и вовсе не породило расточительства, которое вполне ограничивалось культурными средствами. Благодаря этим качествам хозяйства базовые материальные потребности населения удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть *при том же уровне развития*, но в условиях рыночной экономики.

Второе достижение, которое следует отметить, заключается в необычной модели *промышленного предприятия*, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «города»¹. Это пере-

¹ Отсюда — понятие «градообразующее предприятие», которое было понятно каждому советскому человеку и которое очень трудно объяснить эксперту из МВФ.

плетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. На самом деле это — особенность России, продукт русского коммунизма.

Действительно, одним из важных принципов рыночной экономики является максимально полное разделение *производства* и *быта*. Вебер писал о промышленном капитализме Нового времени: «Современная рациональная организация капиталистического предприятия немыслима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике *отделения предприятия от домашнего хозяйства* и без тесно связанной с этим рациональной *бухгалтерской отчетности*» [59, с. 51]. На советском предприятии как центре жизнеустройства нарушались оба эти условия — элементы «быта» находились в порах «производства» и не вполне отражались в рациональной бухгалтерской отчетности.

Советское предприятие, по своему «культурному генотипу» единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это — уникальная хозяйственная конструкция, созданная *русскими рабочими-коммунистами из общинных крестьян*. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР — как единый крестьянский двор. Семей в этом дворе и стал *советский народ*.

Наблюдение за попытками в 90-е годы разорвать переплетение производства и быта, отделить производство от создания условий жизни, позволило увидеть важную вещь, о которой не думали при советском строе. Соединение, кооперация производства с «жизнью» является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Отопление городов бросовым теплом, отходящим при производстве электричества на теплоцентрали, — один из примеров.

Наконец, устройство народного хозяйства СССР как хозяйства одной большой семьи обеспечило ему огромную мобильность всей системы производственных ресурсов, несравнимую с тем, что мог обеспечить рынок с его стихийны-

ми механизмами. Это отличие от рыночной экономики было столь разительно, что западная методология экономического анализа не позволяла делать стандартных измерений параметров советского хозяйства. Только на определение величины советских военных расходов США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд. долларов (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн. долларов в год.

Насколько необычным было советское хозяйство и как трудно было разобраться в нем западным (и прозападным) специалистам, говорит факт, изложенный видным экспертом по проблеме военных расходов в СССР и в нынешней РФ, бывший заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам В.В. Шлыков.

Он объясняет, почему ЦРУ не могло, даже затратив миллиарды долларов, установить реальную величину советского ВПК: «За пределами внимания американского аналитического сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная “мертвая зона”, не увидев и не изучив которую невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой “мертвой зоне” оказалась уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х — начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая “невидимая рука рынка” Адама Смита...

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Основные усилия советского руководства в

эти [30-е] годы направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны...

Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение... Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны...

После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде... При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности» [60].

Видимо, в создании новых форм жизнеустройства самой тяжелой была неудача первого этапа в коллективизации как

крупнейшей программе по модернизации страны. Те частные причины, которые обычно называют (слишком высокие темпы коллективизации, низкая квалификация проводивших ее работников, разгоревшиеся на селе конфликты, злодейский умысел Сталина), недостаточны, чтобы объяснить катастрофу такого масштаба. Между тем причина провала была фундаментальной: несоответствие социально-инженерного проекта социально-культурным характеристикам российских крестьян. Разработка модели кооператива для советской деревни была, видимо, одним из немногих *имитационных* проектов. Историки коллективизации до последнего времени не ответили на самый естественный и простой вопрос: *откуда и как* в Комиссии Политбюро по вопросам коллективизации, а потом в Наркомземе СССР появилась модель колхоза, положенная в основу государственной политики?

Из зарубежных источников следует такая история программы. Опыт разных типов сельскохозяйственных кооперативов, которые возникали во многих странах начиная с конца XIX века, в 20-е годы был обобщен в нескольких крупных трудах, изданных в Германии и Англии. Самым удачным проектом оказался *киббуц* — модель кооператива, разработанная в начале XX века во Всемирной сионистской организации. Эта разработка была начата учеными-аграрниками в Германии, затем продолжена сионистами (трудовиками и социалистами) в России. Проект киббуца был разработан для *колонистов-горожан* и вполне соответствовал их культурным стереотипам. Обобществление в киббуцах было доведено до высшей степени, никакой собственности не допускалось, даже обедать дома членам кооператива было запрещено. Видимо, руководство и Наркомзема, и Аграрного института было под большим впечатлением от экономических показателей этого типа кооперативов и без особых сомнений решило использовать готовую и проверенную модель.

Тот тип колхоза, в который пытались втиснуть крестьян, был несовместим с их представлениями о хорошей и даже приемлемой жизни. Не имея возможности сопротивляться

активно, основная масса крестьян ответила пассивным сопротивлением: уходом из села, сокращением пахоты, убоем скота. В ряде мест были и вооруженные восстания (с января до середины марта 1930 г. на территории СССР без Украины было зарегистрировано 1678 восстаний), росло число убийств в конфликтах между сторонниками и противниками колхозов.

Однако не менее важным для нас уроком является реакция советского руководства на восприятие коллективизации крестьянством. Уже в марте-апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд важных решений, чтобы выправить дело, хотя инерция запущенной машины была очень велика и созданный в селе конфликт разгорался. Лишь весной 1932 г. местным властям было запрещено обобществлять скот и даже предписано помочь колхозникам в обзаведении скотом. Была изменена модель колхоза, и новый устав артели гарантировал существование личного подворья колхозника. Вступили в действие крупные тракторные заводы, начала быстро создаваться сеть МТС, которая в 1937 г. обслуживала уже 90% колхозов. Переход к крупному и в существенной мере уже механизированному сельскому хозяйству произошел, производство и производительность труда стали быстро расти. Советское крестьянство «переварило» чуждую модель и приспособило колхозы к местным культурным типам (приспосабливаясь и само к новым формам). Экзаменом для колхозного строя стала война.

Для оценки действий проектирования жизнеустройства у коммунистов 30-х годов и нынешних антикоммунистов полезно сравнить *кризис становления* и *кризис ликвидации* колхозов как крупной формы жизнеустройства. История дала нам это сравнение как чистый эксперимент. Кризис коллективизации привел к снижению производства зерна в 1931, 1932 и 1934 гг. по сравнению с 1929 г. на 3%. Засуха 1933 г. была *стихийным бедствием*, а затем производство стало расти и через пять лет коллективизации превысило уровень 1929 г. на 36%. Исправление ошибок было быстрым и системным. Войдя

после войны в стабильный режим, колхозы и совхозы довели производство зерна в 1986—1987 гг. до 210—211 млн. т, то есть увеличили его более чем в три раза, а производство молока, яиц, технических культур — в 8—10 раз при общем снижении числа занятых в сельском хозяйстве. Западные специалисты-аграрники считают это великолепным результатом, а с идеологами мы спорить не будем — у них банки, у них СМИ, а теперь у них и подсознание нашего большинства (временно).

Каков же был кризис ликвидации? Колхозный строй стали демонтировать в 1990 г. С тех пор в течение 8 лет сельскохозяйственное производство стабильно снижалось и к 1998 г. упало *вдвое*. Никакой коррекции доктрины реформы это не повлекло. К настоящему моменту подорвана база производства, по сей день неуклонно сокращаются посевные площади, энергетические мощности сельского хозяйства и поголовье крупного рогатого скота (в три раза). Идет быстрый износ основных фондов, деградация кадрового потенциала и архаизация труда и быта сельского населения.

Мы здесь не говорим о множестве других важных сторонах жизнеустройства — жилищных условиях, питании, народном образовании и здравоохранении и пр. Приходится ограничиваться парой примеров, которые читатели могут дополнить чтением других книг, воспоминаниями и собственными размышлениями. Мы не говорим и о тех формах жизнеустройства, которые были понятны и необходимы на первом этапе советского строя и исходили из принципа минимизации массовых страданий (от войны, голода, болезней, преступности и пр.), но непритязательность и ограниченность которых стала тяготить городское население в 60—80-е годы. Об этом глухом конфликте, который стал важной причиной кризиса конца 80-х годов и краха СССР, можно прочесть в [61].

Но надо вспомнить слова очень авторитетного свидетеля. За первыми шагами советского хозяйства на том пути, который наметил русский коммунизм, наблюдал великий западный экономист Дж.М. Кейнс (в 20-е годы он работал в Москве). Он сказал, что в России тогда была *главная лаборатория*

жизни, что Советская Россия, как никто, близка и к земле, и к небу. Это объяснялось тем, что в СССР выполнялся самобытный цивилизационный проект, движимый мощной духовной энергией, а не эпигонское повторение формул западной социал-демократии. Кейнс писал в 1925 году: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса».

Глава 12. РУССКИЙ КОММУНИЗМ: ПОДХОД К ПРОЕКТИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ФОРМ

Уже в ходе формирования современного общества и на Западе, и в России выявилась *системообразующая* миссия знания как генератора базовых структур жизнеустройства. Эта миссия была присуща знанию на всех этапах развития человеческого общества, но с возникновением науки она приобрела организованный целенаправленный характер и стала включать в себя *социальную инженерию* и разработку *технологий*, основанных на научном анализе и предвидении.

XIX век стал веком интенсивного *проектирования* форм. Научная, буржуазные и промышленная революции были всплеском изобретения, конструирования и быстрого строительства структур общественного бытия — политических и хозяйственных, образовательных и культурных, военных и информационных. Объектами конструирования были и разные типы *человеческих общностей* — классы и политические нации, структуры гражданского общества (ассоциации, партии и профсоюзы), политическое подполье и преступный мир нового типа. Важные проекты новых форм делались в виде утопий (например, утопический социализм), футурологических предсказаний или фантастики, более или менее основанной на рациональном знании.

В России проектирование новых социальных форм в XIX веке велось как в рамках консервативной доктрины са-

ним правительством, так и культурными и социальными движениями — либералами и революционными демократами, анархистами и народниками. В начале XX века большие проекты новых форм жизнеустройства выдвинули консервативные реформаторы (Столыпин), либералы (кадеты) и большевики. В разработку этих проектов были вовлечены *все типы знания*.

После революции 1905—1907 гг. по интенсивности этого творчества стал выделяться русский коммунизм (*проект большевиков*). В нем шло быстрое развитие интеллектуального аппарата марксизма, основанного на картине мира классической науки, что привело к преодолению механистического детерминизма, свойственного историческому материализму. Ленин и близкие к нему интеллектуалы в большей степени, чем другие политические течения, сумели интегрировать в одну доктрину методологию марксизма, традиционное знание (общинный крестьянский коммунизм) и связанное с ним «народное» православие, разработки анархизма (концепцию М. Бакунина о союзе рабочего класса и крестьянства) и концепцию «некапиталистического пути развития» народников.

Этот синтез позволил большевикам внести важное нововведение в формирование политических и властных организаций, особенно Советов. С самого начала институты советской власти (еще в 1905 г.) формировались *не по классовому признаку*. Это было необычное решение — в то время во всех политических движениях структура общества представлялась в классовых терминах. Это была крупная ошибка — российское общество не было *классовым* (в понятиях либерализма и марксизма), но это игнорировали и кадеты, и меньшевики.

В августе 1917 года октябрист и многолетний председатель Государственной думы М.В. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас».

В отличие от этой установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы *общинно-сословные*, в которых многопартийность постепенно изживалась и в конце вообще исчезла. Не имело успеха и строительство профсоюзов по классовому признаку — фабзавкомы настаивали на том, чтобы в трудовой коллектив собирались представители всех классов, работающие на предприятии, включая «буржуев» (хозяев завода или фабрики).

В практике Советов была выработана система приемов, которые в конкретных условиях советского общества повысили устойчивость и эффективность государственности. Именно партия, членами которой в разные годы были от 40 до 70% депутатов, соединила Советы в единую государственную систему, связанную как иерархически, так и «по горизонтали». Главным способом воздействия партии на деятельность государства был установленный ею контроль над кадровыми вопросами. Уже в конце 1923 г. стала создаваться система *номенклатуры* — перечня должностей, назначение на которые (и снятие с которых) производилось лишь после согласования с соответствующим партийным органом.

В условиях острой нехватки образованных кадров и огромной сложности географического, национального и хозяйственного строения страны номенклатурная система имела большие достоинства. Она подчиняла весь госаппарат единым критериям и действовала почти автоматически. Это обусловило необычную для парламентских систем эффективность Советского государства в экстремальных условиях индустриализации и войны. Важным в таких условиях фактором была высокая степень *независимости* практических руководителей от местных властей и от прямого начальства. Эта «защищенность» побуждала к инициативе и творчеству — если они соответствовали главной цели¹.

¹ Что в номенклатуре будут возрождаться сословные притязания, а эффективность системы будет снижаться, было ясно уже в 20-е годы, об этом предупреждал Ленин, а потом и Сталин. Однако, пока система работала удовлетворительно, заниматься ее перестройкой в чрезвычайных условиях было бы неразумно — эта

После революции 1905—1907 гг. проект большевиков стал выделяться по степени привлечения *научного* знания к проектированию социальных форм. В том, что катастрофическая революция не привела к распаду интеллектуального общества, велика заслуга русского коммунизма. Большевики у власти непрерывно восстанавливали порванные связи и протягивали новые, даже в самое жестокое время. В результате советская власть смогла опереться даже на *идеологически* чуждые ей силы (например, в Академии наук).

После 1917 года эта установка сразу была реализована в деле формообразования самой российской науки (прежде всего, в создании нескольких десятков системообразующих научно-исследовательских институтов в 1918—1919 гг.). Параллельно были начаты работы по обустройству той «площадки», на которой велась индустриализация 30-х годов, а затем создание всего народного хозяйства, которое унаследовали РФ и постсоветские республики от СССР (включая нефтегазовые месторождения, энергетическую систему и культурную базу).

Эти работы уже в 20-е годы приобрели комплексный характер — как «по горизонтали» (междисциплинарные программы), так и «по вертикали» (соединение методологических, фундаментальных и прикладных исследовательских и опытно-конструкторских, производственно-практических задач). Самой своей структурой эти программы создавали *матрицы*, на которых собирались структуры будущего жизнеустройства. Указанная функция проектирования и изучения новых форм жизнеустройства присутствует во всех программах 20—30-х годов. Руководитель экспедиционных работ АН СССР Ферсман говорил в своем докладе: «На нас, работниках науки, лежит великая обязанность творить эти формы так, как мы творим и самую науку».

задача легла на плечи поколения 60—70-х годов, но решена не была, что в 80-е годы имело самые тяжелые последствия.

Именно новые социальные формы хозяйства и быта, условий и динамики социального статуса людей, новых типов жизненных планов молодежи вызвали огромную и массовую тягу к знаниям, учебе, науке и технике. Благодаря этому уже в 30-е годы в СССР возник человек такого культурного типа, что был способен создать и освоить технику, адекватную вызову Второй мировой войны. После революции за какие-то полтора—два десятилетия у нас появился такой человек, какого в СССР к 1941 году на Западе вообще не ожидали. Из крестьянских парней вырастили офицеров и солдат, которые владели современной авиацией, ракетной артиллерией, вырастили полководцев, способных разрабатывать сложнейшие стратегические операции Красной армии. Такой человеческий рост требовался, конечно, и для индустриализации, для развития советской науки, но особенно он проявился в армии во время войны.

Это означало произвести в России, вышедшей из Гражданской войны, целую культурную революцию, создав не только массовую школу, основанную на научном знании, но и специальные временные структуры, в ускоренном темпе готовившие молодых людей из крестьянских и рабочих семей к поступлению в вузы (курсы, рабфаки, техникумы). К концу 30-х годов страна имела 812 тыс. студентов вузов (в 8 раз больше, чем в 1913 г.) и 975 тыс. учащихся средних специальных учебных заведений (в 175 раз больше, чем в 1913 г.). Кадровой базой производства, образования, здравоохранения и науки в количественном отношении стала уже научно-техническая интеллигенция, получившая образование в советское время. За 1928—1941 гг. численность инженеров в СССР возросла с 47 тыс. до 289 тыс.

Безусловным результатом усилий по созданию за два десятилетия новых социальных форм было осуществление индустриализации 30-х годов, конструирование и производство той техники, без которой было бы невозможно победить в Великой Отечественной войне, а затем создать ракетно-ядерный щит России. Британская энциклопедия фиксирует этот факт: «В течение десятилетия [1930—1940 гг.] СССР дей-

ствительно был превращен из одного из самых отсталых государств в великую индустриальную державу; это был один из факторов, который обеспечил советскую победу во Второй мировой войне» [67, с. 105].

Конечно, в основе выполненных в те годы больших программ лежали замыслы старых российских ученых, они лично обучали молодежь и осуществляли научное руководство молодыми исследователями и конструкторами, было бы глупо пытаться разделить вклады разных поколений в успех всего сообщества. Здесь для нас важен факт: основной кадровый состав советского общества, подготовленный за 1920—1930-е годы, по своей квалификации, мотивации и трудоспособности оказался на высоте исторических вызовов того периода. Его качественные характеристики позволили решить главные критические задачи.

Надо подчеркнуть, что столь высокий уровень интеграции научных и человеческих ресурсов при относительно небольших затратах финансовых и организационных ресурсов достигался благодаря тому, что научная информация в советской системе находилась в общенародной собственности. В ходе ее концентрации и использования возникали, конечно, административные и культурные барьеры, но они были несравненно слабее, чем те, которые создавались частной собственностью. Академик А.П. Александров писал об организации «атомной программы» в конце 40-х годов: «Кроме специально созданных крупных научных учреждений в Москве, Харькове и других местах отдельные участки работ поручались практически всем физическим, физико-химическим, химическим институтам, многочисленным институтам промышленности. К работам широко была привлечена промышленность: машиностроение, химическая, цветная и черная металлургия и другие отрасли» (цит. в [65, с. 69])¹.

¹ Эта сторона советского способа проектирования и сборки социальных структур внимательно изучалась за рубежом. В 70-е годы в США самой эффективной по затратам первоклассной программой считалось создание ракеты

Функция проектирования структур видна и в научной разработке таких политических программ, как ГОЭЛРО, нэп, семейного или уголовного права, в создании метрологической службы СССР или разработке концепции советского высшего образования. Каждая из этих программ означала проектирование совершенно новых структур и была крупной социально-инженерной разработкой, к которой привлекались все готовые к сотрудничеству научные силы страны (и даже за рубежом — и в эмиграции, и в среде иностранных специалистов). Объем работы, который выполняли тогда российские ученые, по нынешним меркам кажется совершенно невероятным.

Проектирование новой пенитенциарной системы — один из множества примеров. Общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. 149 тыс. и на 1 января 1927 г. 185 тыс. человек. И это — после тяжелейшей Гражданской войны и периода тяжелого бандитизма. (Для сравнения: в 1905 г. в тюрьмах России находилось 719 тыс. заключенных, а в 1906 г. 980 тыс.). До срока в середине 20-х годов условно освобождались около 70% заключенных. По опубликованным за рубежом данным, предоставленным антисоветской эмиграцией, в 1924 г. в СССР было около 1500 политических правонарушителей, из которых 500 находились в заключении, а остальные были лишены права проживать в Москве и Ленинграде. Для молодых правонарушителей были учреждены места заключения нового типа — «рабочие коммуны», которые действовали по принципу «открытой тюрьмы».

Надо упомянуть и роль ученых в изучении проблемы алкоголизма, и программу по его преодолению, которая была частью нэпа. Именно в начале XX века была заложена тяже-

«Поларис», которая была организована по «советскому» образцу — нужные для работы ученые и конструкторы были собраны во временный коллектив из разных университетов и корпораций. Однако повторить этот опыт оказалось невозможным — корпорации сочли, что участие их персонала в таких совместных работах нарушает права интеллектуальной собственности и наносит ущерб их интересам.

лая традиция семейного пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 20—30-е годы. В 1907 г. 43,7% учащихся школ в России регулярно потребляли спиртные напитки. Из пьющих мальчиков 68,3% распивали спиртное с родителями (отцом, матерью или обоими родителями)¹. С 1900 по 1910 г., как показали повторные обследования, доля числа школьников, которые потребляли спиртное, сильно увеличилась. В Петербурге доля школьников, которые употребляли водку и коньяк, за это время возросла с 22,7% до 41,5%. В 1911 г. в городе было 35,1 смертных случая в расчете на 100 тыс. жителей на почве алкогольного отравления (в 1923 г. таких случаев было только 1,7) [16].

Во время Первой мировой войны государственное производство пищевого спирта прекратилось, борьба с самогонварением в деревне была неэффективна. Самогон стал суррогатом денег, им расплачивались по установленной таксе за работы, транспорт. Резко расширились масштабы обрядового пьянства (на свадьбах, похоронах, религиозных праздниках и т.д.). Введение в 1925 г. государственной монополии на производство водки было трудной акцией. Она сопровождалась планомерной антиалкогольной работой, с осени 1926 г. в школах были введены обязательные занятия по антиалкогольному просвещению. Активное участие в этой кампании приняли видные ученые, в 1927 г. вышла книга В.М. Бехтерева «Алкоголизм и борьба с ним». Благодаря массовой и интенсивной кампании был достигнут важный перелом — алкоголизм в России *«постарел»*, он перестал быть социальной болезнью *молодежи*. В 1907 г. 75,9% больных алкоголизмом в России имели возраст менее 30 лет, а 20,3% были моложе 20 лет.

Выше говорилось о «сборке» советского народа и системы межэтнического общежития. Это была огромная работа по изобретению и созданию новых социальных форм, причем в малоизученных культурах. Примером может служить работа

¹ В 1926 г. обследование 22 617 деревенских детей показало, что в возрасте семи-восьми лет потребляли спиртное 61,2% мальчиков и 40,9% девочек.

экспедиций, сыгравших важную роль в выработке форм жизнеустройства Таджикистана и той матрицы, на которой шло «собрание» таджикского народа.

В этой работе многое было сделано уже дореволюционными русскими учеными и путешественниками, которые исследовали Памир. Но сразу после установления в крае советской власти эти исследования стали соединять в большую интегрированную программу, включающую в себя проектирование и строительство Таджикистана. Ученые из Москвы, Ленинграда и Ташкента начали широкие геологические, ботанические и гляциологические исследования территории. Сразу после образования Таджикской АССР (1924 г.) ученые всех профилей были объединены в одну группу и было учреждено Общество изучения Таджикистана. В 1925 г. вышел первый сборник научных трудов по Таджикистану, включавший работы по истории и этнографии таджиков, флоре и фауне края, природных условиях и хозяйству республики. Глава «Таджики» была написана академиком В.В. Бартольдом и была первым научным текстом об истории народа, который находился на этапе его формирования и обретения национального сознания. Этот текст, изложивший этническую историю края со времен Александра Македонского, задал и структуру того исторического предания, которое необходимо для собрания любого народа¹.

Для изучения хозяйственных ресурсов в конце 20-х и начале 30-х годов АН СССР направляла в Таджикистан ряд крупных экспедиций. В 1930 г. была учреждена Академическая комиссия по научному обследованию Таджикской ССР, а в 1932 г. начата Таджикско-Памирская комплексная экспедиция, которая стала одной из крупнейших в Советском Союзе

¹ В 20-е годы все население Средней Азии имело еще слабое этническое самосознание и нечеткие этнонимы — самоназвания этнических групп. Государственное строительство требовало упорядочения этнических и административных границ, и здесь формообразующая роль ученых проявилась очень наглядно. Они разработали программу первых переписей, в которых вводилось понятие национальности. «Я сама родила множество узбеков», — говорила одна из этнографов — участников переписи 1926 г. в Самарканде.

(в 1932 г. она включала 72 отряда из 144, работавших в тот год в составах всех экспедиций АН СССР). В 1932 г. была создана Таджикская база АН СССР во главе с востоковедом С.Ф. Ольденбургом, в ее состав вошли виднейшие ученые АН СССР. После этого началось создание отраслевых НИИ и зональных научных станций, а в 1940 г. был открыт Таджикский филиал АН СССР.

К концу XX века в сознании советской интеллигенции была сильно ослаблена историческая память, что было одним из проявлений культурного кризиса СССР. Образованные люди потеряли интерес к большим комплексным программам, которые осуществлял их народ всего полвека назад. Они не могли оценить масштаба и сложности тех задач, которые тогда решались очень небольшими силами. Им стало казаться, что массивные структуры современной цивилизации, в которых протекала жизнь страны в 70—80-е годы, возникли естественно, почти как явления природы. Естественными казались всеобщее среднее образование и отсутствие эпидемий, Единая энергетическая система и открытые в Сибири нефтяные и газовые месторождения, просвещенные, индустриально развитые Азербайджан или Таджикистан с их национальной научной интеллигенцией. Когда в них перестали видеть продукт социального творчества, который надо непрерывно воспроизводить, «ремонтить» и развивать, они стали деградировать, разрушаться и расхищаться.

А все эти структуры цивилизации были достроены в основном результатом исследований, анализа и проектирования силами участников программ 20—30-х годов и их предшественников. Это была работа подвижническая, смелая и с очень высоким уровнем творчества. Сейчас для нас главным следствием утраты этой исторической памяти стала потеря интереса к *методологии* и *организации* тех программ. Например, в результате паразитологических и эпидемиологических экспедиций была выработана доктрина профилактической медицины. Созданная на ее основе советская система была признана ВОЗ лучшей в мире, она позволила с неболь-

шими затратами резко улучшить здоровье населения. А сейчас о тех уроках как будто забыли.

Возвращаясь к комплексным программам изучения и проектирования структур жизнеустройства Таджикистана, надо подчеркнуть, что в совокупности они были методологически очень важной программой. За 20—30-е годы XX века был создан таджикский народ с развитыми национальным самосознанием и культурой. Хотя слово «таджик» еще в VIII в. значило «араб» (*воин халифа*), ему вплоть до 1918 г. не придавалось этнического значения. Отцы и деды нынешних таджиков о себе говорили: «я мусульманин, персоязычный».

Это была большая этническая общность иранской группы, в 20-е годы в Туркестане и Бухаре она насчитывала более 1,2 миллиона человек. Но они, окруженные узбеками, оказались под сильным давлением идеологии пантюркизма, так что даже малочисленная таджикская интеллигенция принимала идею «обузбечивания» и считала бесперспективным развитие своей культуры. Проводить здесь советские установки было очень трудно — в Средней Азии были популярны идеи Ататюрка о государстве-нации «по-тюркиски», и этим идеям были привержены руководители узбекских коммунистов. Укрепление советской власти послужило тому, что таджикские интеллигенты стали преодолевать и пантюркизм, и джадидизм (течение либеральных модернизаторов, идущих в русле младотурок).

В 1924 г. стал издаваться журнал «Голос таджикского бедняка», потом еще два журнала. «Голос бедняка» стал создавать историографию таджиков, печатать переводы выдержек из трудов В.В. Бартольда. Статьи в журнале начинались с таких разъяснений: «Вот кто мы, вот где мы географически расположены, в каких районах проживаем, в каком районе что выращивается».

Потом стали выпускать газету на таджикском языке. О ней «Голос бедняка» писал в 1924 г.: «Газета — это язык народа, волшебный шар, в котором отражается мир, подруга в уединении, защитница угнетенных. Газета — источник бдитель-

ности, пробуждения народа. Да здравствует образование, да здравствует печать». Газета помогла становлению таджикской светской школы. Как писал в стихах Айни, «лишь отсутствие школы в ту эпоху немного задержало полет таджика». Вот как обстояло дело со школами в Таджикистане:

Школьное образование и ликбезы в Таджикистане (1921—1929)

Годы	Число школ	Преподавателей	Учеников	Число ликбезов	Число их учеников
1921/22	31	61	904	-	-
1925/26	62	85	2287	63	1400
1926/27	154	184	5024	140	2100
1927/28	258	?	9070	271	7400
1928/29	307	393	12000	318	12400

В декабре 1924 г. наркомпрос образовал свой журнал на таджикском языке и писал: «Наш журнал должен быть справочником, в любой момент полезным учителю. Поскольку школьное дело в Таджикистане еще очень молодо и таджики не вполне понимают настоящий литературный персидский язык, наш журнал должен быть несложным и доступным для простого народа. Пусть нас не будут считать людьми высокого слога, но пусть каждый учитель сможет понять нас» [66].

В 1929 г. был открыт первый таджикский драматический театр, в 1931 г. первый вуз — Педагогический университет с одним факультетом и 12 преподавателями, а затем в том же году — Университет сельского хозяйства. Таджики стали *народом*. Причем этот народ сформировался как *советский*¹. Именно в Таджикистане угроза утраты Союза и советской государственности воспринималась в массе населения осо-

¹ Исследования некрологов по погибшим боевикам Исламской партии возрождения Таджикистана в гражданской войне 1992—1994 гг. показали, что эти тексты сочетают в себе представления ислама, архаичных таджикских культов и структуры *советского* типа культуры — в частности, в некрологах подчеркивается принадлежность погибшего к таджикскому народу. Это не предусмотрено канонами ислама и традиционных культов. Кроме того, само понятие национальной принадлежности является в Таджикистане порождением советского периода [68].

бенно остро. По данным социологов, в 1992 г. «подавляющая часть опрошенных рабочих, колхозников, сельской и технической интеллигенции не разделяла идей суверенизации страны, 77% опрошенных выразили сожаление о распаде СССР, даже высказались против независимости Таджикистана... Иные настроения овладели политической и хозяйственной элитой, она решительно высказалась за независимость Таджикистана» [64].

«Сборка» таджикского народа — лишь иллюстрация той огромной программы нациестроительства, которая была выработана политиками и учеными в первый период СССР.

В конструировании новых социальных форм, которое велось на основе философии русского коммунизма, едва ли не самым удивительным качеством было то, что эти формы были понятны большинству населения — они соответствовали культурным стереотипам. Поэтому какое-то новое устройство начинало функционировать как будто «само собой». Люди воспринимали задачу своей деятельности как разумную и полезную и работали привычно и добросовестно. Инновациям, которые рождались в советском обществе, было присуще необычное сочетание фундаментальности с размахом. Это проявилось уже в ГОЭЛРО, а потом стало нормой. Советские ученые, инженеры и рабочие проектировали и строили большие межконтинентальные технические системы, дававшие огромный эффект. Взять хотя бы единую систему железных дорог. Делегация государственной администрации железных дорог США, ознакомившись в годы перестройки с этой системой, назвала ее «чудом XX века». Ведь она пропускала в советское время через километр пути в 6 раз больше грузов, чем в США, и в 25 раз больше, чем в Италии. Прикиньте разницу!

Но главное, что меня поражало, когда я еще был ребенком, это чувство, что каждый взрослый человек, какую бы должность он ни занимал, вел себя как государственный человек. Он тебе все объяснит, и поругает, и поможет, и научит — как заботливый командир. Нас везли целый месяц в

теплушках в эвакуацию, в Казахстан. И за все время нам ни разу не дали выпить сырой воды, только кипяченой. На каждой станции и полустанке кипел огромный титан, из крана тек кипятки. Голая степь, а работники станции, старики, откуда-то везут дрова, непрерывно их пилят и колют, поддерживают огонь. И видно, что они считают свое дело очень важным, государственным — чтобы никто не заболел, чтобы никто в очереди не обжегся, не уронил чайник. Мелочь, но я ребенком каждый день видел этих людей и их отношение к делу. Их образ меня всю жизнь поддерживает.

Глава 13. ЭПОХА БРЕЖНЕВА

В жизни Советского Союза период 1965—1980 гг. называют «эпохой Брежнева», а на злобном языке перестройки — «периодом застоя». Это было время созревания кризиса советского строя и ослабления государства. Менялось поколение, старики сходили с общественной сцены, а хорошей теории социалистического общества не было. Возникающие проблемы решались ситуативно, методом проб и ошибок. Население переживало кризис быстрого изменения образа жизни — страна стала городской, изменились материальные и культурные потребности. Тем не менее, в целом развитие страны велось еще в русле того большого проекта, который был в основном выработан в мировоззренческих рамках русского коммунизма.

В 1990—1991 гг., когда фиговый листок горбачевской демагогии завял и отвалился и людям приоткрылась мерзость грядущего «переходного периода», большие опросы среди граждан разных национальностей СССР обнаружили замечательное явление. Из всех исторических эпох, как их представляли себе жители нашей страны, больше всего положительных оценок получила «эпоха Брежнева», а наихудшим временем оказалась перестройка (только среди евреев она вышла на первое место, но и среди них за нее высказались 11% опрошенных).

Замечательно это явление тем, что именно после завершения эпохи Брежнева массы с жадностью, даже со страстью приветствовали Горбачева с его «общечеловеческими ценностями». Как же произошел такой облом? Сейчас обе эти эпохи стали историей, страсти слегка утихли, можем спокойно разобраться. Как видится сегодня исторический смысл эпохи Брежнева?

На мой взгляд, массовое сознание, при его кажущейся расщепленности, верно ухватило главное. Брежнев с его достоинствами и ограничениями создал условия для вызревания того нарыва, который прорвался катастрофой перестройки. Когда этот нарыв созрел, люди буквально жаждали прихода Горбачева, чтобы вскрыть его. Да, фельдшером Горбачев оказался негодным, с грязными руками и липовым дипломом. Занес заразу, чуть не уморил — не повезло нам. Но мы не о нем, а о Брежневе. В чем же тут мудрость — подвести страну к катастрофе? Дал вызреть кризису вместо того, чтобы его предотвратить!

Начиная с XVIII века, когда возникла современная энергичная и хищная западная цивилизация, Россия как цивилизация и независимая страна могла выжить, только совершая регулярные сверхусилия — чрезвычайные программы модернизации с творческой переработкой заимствованных у Запада технологий (в том числе интеллектуальных). Времени, кадров и ресурсов для этих программ всегда не хватало. Их мобилизация и концентрация на главных, критических направлениях всегда приводили к истощению и загниванию «тылов».

Это значит, что быстрое и даже чудесное развитие одной части культуры, которая принимала на себя главный удар очередного исторического вызова, сопровождалось кризисом других частей. Можно сказать, что каждое поколение, решая главную для него, поставленную именно перед ним историческую задачу, обеспечивало жизнь России еще на целый исторический период — но «готовило» для следующего поколения новый кризис, который также мог стать смертель-

ным. Если Запад научился экспортировать свои кризисы на периферию (в колонии, «третий мир», теперь и в Россию), то нам приходилось экспортировать наши кризисы в будущее, перекладывать их на плечи следующего поколения. Иногда эти «посылки из прошлого» содержали бомбы, хотя и с вынужденными взрывателями. Их активизировали своими неумелыми или злонамеренными действиями реформаторы. Горбачев много таких бомб подорвал, оправдываясь тем, что это, сами же видите, взрывчатый материал.

Какому кризису дал вызреть Брежнев и в каком виде он подготовил его к экспорту в наше настоящее? На какой исторический вызов ответило поколение «периода застоя»? Можно ли было разделить эти две сущности эпохи Брежнева и уже тогда разрушить структуру кризиса, не дав ему вызреть в бомбу перестройки? Ответ на эти вопросы и будет оценкой доктрины, которую реализовала собранная Брежневым команда.

Мы помним, что главной задачей с середины 50-х годов был выход из чрезвычайной программы «мобилизационного социализма» (сталинизма) и переключение энергии военного и восстановительного периодов на развитие и модернизацию всех сфер общественной жизни. За десятилетие хрущевской «оттепели» ряд задач был выполнен, но в целом «демобилизация» была проведена очень плохо. Был нанесен тяжелый удар по советской государственности, а развитие мировоззренческой основы советского строя и мирового коммунистического движения было загнано в коридор, который закончился «стенкой» еврокоммунизма и горбачевщины.

Скольжение к этой пропасти было заторможено изгнанием Хрущева, и кризис «подморожен» — подобно тому, как в 2000—2005 гг. был подморожен кризис, запущенный Ельциным. Противоречие, которое должен был разрешить «режим Брежнева», заключалось в следующем. Развитие общества и государства требовало осуществления нового цикла модернизации, в том числе обновления той мировоззренческой основы, на которой были «собраны» советское общество и государство, а также был легитимирован советский об-

щественный строй. Однако модернизация политической, хозяйственной и социальной систем усугубляла кризис мировоззренческой основы, ядром которой был крестьянский общинный коммунизм, слегка прикрытый адаптированным к нему («вульгаризированным») марксизмом. Модернизация требовала урбанизации, а урбанизация подружала этот самый крестьянский общинный коммунизм — тот сук, на котором в действительности сидела советская идеология.

Идеальным было бы разрешение этого противоречия через синтез — переход на новый уровень социальной и политической философии, а также антропологии советского общества. Это было необходимо для обновления и укрепления культурной гегемонии советского строя, модернизации остальных сфер с опорой на прочные мировоззренческие тылы. Сегодня очевидно, что сил и средств для такого идеального решения в середине 60-х годов в наличии не было.

Интеллектуальный задел для этого мы только-только начинаем нарабатывать сегодня, уже освоив тип мышления городского человека и приобретя опыт катастрофы, которая всегда прочищает мозги хотя бы у небольшой части общества. В 60-е годы мы и в малой степени не понимали природы накатывающего на нас кризиса. Мы даже и признаки его трактовали неверно (вспомним хотя бы, с каким непониманием все отнеслись к сигналу, который подали «стиляги» в середине 50-х годов). Более того, прозорливое предсказание Сталина о том, что именно на этапе «развитого социализма» у нас вспыхнет классовая борьба, воспринималось как старческое чудачество. Понять этого мы не могли, как римляне не могли складывать большие числа столбиком — цифры у них были не те. Когда сейчас говорят, что Брежневу следовало бы провести демократизацию партии и начать творческий диалог о проблемах социализма, это выглядит наивным детским лепетом.

Вот в 50-е годы на философском факультете МГУ вместе учились Мамардашвили, Зиновьев, Грушин, Щедровицкий, Левада. Теперь об этой когорте пишут: «Общим для талант-

ливых молодых философов была смелая цель — вернуться к подлинному Марксу». Что же обнаружила у «подлинного Маркса» эта талантливая верхушка наших философов? Жесткий евроцентризм, крайнюю русофобию, блестящее доказательство «неправильности» всего советского жизнеустройства и отрицание «грубого уравнилельного коммунизма» как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития.

Сталинское руководство, не имея возможности отцепиться от марксизма, спрятало от советского общества все эти идеи, сфабриковав для внутреннего пользования вульгарную, очищенную версию марксизма. Но уже к 60-м годам талантливые философы «вернулись» к Марксу, раскопали все эти антисоветские заряды и запустили их в умы трудовой советской интеллигенции. Ну как не быть кризису в обществе, в основу официальной идеологии которого положено учение, это самое общество отрицающее!

Ни о какой «свободной дискуссии» тогда и речи не могло быть. Повязанные официальным марксизмом, наши большие и малые сусловы были бы тут же биты знатоками подлинного Маркса, и перестройка была бы приближена на 10 лет. Вот это была бы катастрофа безо всяких метафор. Задача обновления философской базы без прямого конфликта с марксизмом настолько сложна и нетривиальна, что и сегодня для ее решения не найдено приемлемого варианта. Это видно и по западным левым, и по нашим коммунистам, которые пока что не смогли сказать ничего внятного о будущем «обновленном социализме».

Брежнев рассудил настолько разумно, что сегодня это просто поражает. Тут, видимо, здравый крестьянский смысл большевизма помог. Спорить с талантами не стали, их рассовали в разные башенки из слоновой кости — Мамардашвили в Прагу, Зиновьева в Мюнхен, с другими тоже как-то договорились. «Подморозили» их. Решили все наличные средства бросить на то, что было тому поколению по силам, — отстроить и укрепить страну, насколько возможно, до прихода Горбачева.

В какой мере удалось выполнить эту программу? В очень большой. Можно спорить по мелочам, находить конкретные ошибки или упущения. Но в целом программу на три пятилетки надо считать удивительно компактной, системной и гармоничной. Вряд ли из нынешних умников кто-то смог бы сладить ее лучше. Это, кстати, видно из того, что «второе Я» Брежнева, исполнительный директор всей этой программы А.Н. Косыгин за все время перестройки и реформы не получил от умников ни одного замечания. Хотели бы сказать про него гадость, но не нашли, к чему прицепиться. Все вокруг да около — «застойный период, застойный период...»

Команда Брежнева — Косыгина выжала все что могла из стареющей плановой системы. Правильно сделали, что свернули «реформу Либермана», — если бы стали переделывать хозяйственный механизм, то потеряли бы темп и подошли к перестройке на спаде. А так, на «энергии выбега» системы, успели создать тот запас прочности, который позволил нам куролесить уже двадцать лет и, очень возможно, вылезти живыми из этой ямы.

Так что выбор, который был сделан бригадой Брежнева, сводился к тому, чтобы перевести кризис мировоззренческих оснований советского строя в режим хронического медленного течения, а все силы бросить на конструктивную работу, задачи которой были ясны и кадры имелись. Этот выбор был стратегически верным. Любой другой реально осуществимый вариант с большой вероятностью приблизил бы крах системы, но в любом случае резко ухудшил бы положение страны и народа в тот момент, когда этот крах наступил.

Вот поэтому наши разумные граждане так высоко оценивают «эпоху Брежнева». Тогда работалось легко, потому что делали заведомо нужные стране вещи. Более того, «казарму» нашего социализма расширили и прибрали так, что людям стало легче дышать, в буквальном смысле жить стало лучше, жить стало веселей. Милиция ходила без оружия, о дубинках и слезоточивых газах читали в газетах и считали это «антибуржуазной пропагандой». В Крым и на Кавказ можно было

ехать на машине с детьми и жить в палатке. Посмотрите сегодня на карту страхов среднего советского человека в «период застоя» и сравните с нынешней. Это был золотой век, который уже не повторится.

И никакого с этим нет противоречия в том, что люди жаждали перестройки, — ведь кризис духовных оснований продолжал развиваться, хотя и в режиме хронической болезни. Его надо было преодолевать, и это была историческая задача нового поколения. Оно ее не решило, а сорвалось в катастрофу. Это уже другая история, теперь уж надежда на новых молодых.

Давайте посмотрим, что было сделано за «эпоху Брежнева» (округлим ее до трех пятилеток 1966—1980 гг.). Начнем с самых обыденных вещей. За это время был кардинально обновлен жилищный фонд страны. Было построено 1,6 млрд. кв. метров жилья, то есть 44% от всего жилья, что имелось в СССР к 1980 г. Новое жилье получили 161 млн. человек — за три пятилетки. Если бы не эти колоссальные вложения, жилищный фонд РФ в 90-е годы просто рухнул бы, ветхие дома не пережили бы реформы, которая оставила жилье страны без капитального ремонта.

За эти три пятилетки было построено 2/3 инфраструктуры всех городов и поселков СССР — водопровода, теплоснабжения и канализации. Стоимость этих систем такова, что сейчас экономика РФ не может даже содержать их, не то чтобы строить. Инфраструктура быстро ветшает, и средств хватает только на аварийный ремонт.

В общем, именно в «эпоху Брежнева» быт подавляющего большинства граждан был поднят до стандартов самых развитых стран — при отсутствии в СССР массовой бездомности, присущей этим самым странам. Другое дело, что режим Брежнева не смог объяснить нашим гражданам, чего стоит эта ценность, и они ее выплюнули — но это уже проблема мировоззрения.

В эпоху Брежнева было создано то развитое информационное пространство, в котором советский народ уже дозре-

вал до связности современной нации. Он стал связан интенсивными потоками печатной информации, тираж журналов вырос в 3 раза, а их объем в листах в 4 раза. Сегодня постсоветское информационное пространство приобретает параметры, присущие племенам слаборазвитых стран. Средняя обеспеченность населения газетами снизилась в РФ в 7,3 раза, а, например, в Грузии в 137 раз. Вперед, в каменный век!

Именно за эпоху Брежнева хозяйство и все другие сферы насытились кадрами высокой квалификации и энергетическими мощностями. Пашня страны стала получать удобрений почти достаточно, чтобы компенсировать вынос питательных веществ с урожаем. Почва стала улучшаться. Это был эпохальный рубеж в истории России. В 90-е годы мы его сдали и откатились назад, село осталось без удобрений, без тракторов и без электрической энергии. За эпоху Брежнева в стране было создано стадо породистого скота — сейчас оно вырезано на две трети.

За эпоху Брежнева люди обустроились, стали хорошо питаться, расширились социальные возможности — в 3 раза выросло число выпускников полной средней школы, в 2 раза число студентов вузов. Население стабильно прирастало — в РСФСР за те 20 лет выросло на 20 млн. человек. Почувствуйте разницу...

Именно в ту эпоху были созданы большие системы, благодаря которым мы сегодня держимся на плаву, хотя и пускаем пузыри. Были разведаны, обустроены и введены в строй основные мощности топливно-энергетического комплекса, построена основа единой энергетической системы. Все большие системы страны, включая армию, были обеспечены научным сопровождением высшего класса. Трудно перечислить преимущества, которые давал нам статус великой державы, в том числе научной. Даже в сугубо шкурном смысле для каждого обывателя. Сейчас мы этот статус проедаем, и будущее не кажется таким мрачным, каково оно на деле, — пока есть что жевать.

Принципом доктрины Брежнева стали массивные инвестиции в фундамент страны. Наконец-то были сделаны огромные металлоинвестиции — вложена масса металла в машины, мосты, трубопроводы. По величине металлического фонда мы подтянулись к США — что, кстати, вызвало ярость придворных экономистов перестройки. Была обновлена техническая база промышленности — ввод в действие активной части основных фондов (машин и оборудования) за пятилетку 1976—1980 гг. составил в целом 41% от имевшихся в 1980 г., а в машиностроении 49%. Сегодня это кажется фантастикой.

Если принять рост валового общественного продукта СССР (аналог ВВП, только «сдвинутый» в сторону реальной экономики по сравнению с рынком) с 1950 по 1989 г., после которого начался спад, то на «эпоху Брежнева» (1965—1980 гг.) приходится 51% этого роста. Это эпоха, в которую машина советского хозяйства работала с максимальной мощностью (рис. 1).

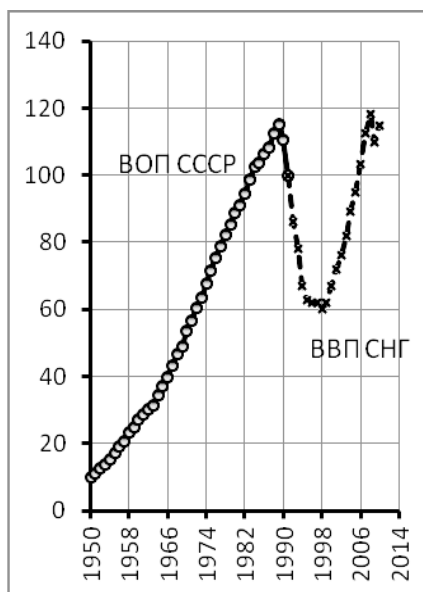

Рис. 1. Индексы ВОП СССР и индексы ВВП СНГ (1991 г. = 100)

Так в нашем хозяйстве был накоплен очень толстый слой подкожного жира. Представьте себе, что «рынок» навалился на нас до «эпохи Брежнева»! При том спаде, который произошел после 1990 года, не было бы сегодня ни света, ни топлива, ни канализации. Надо к тому же учесть, что при Брежневе был создан промышленный капитал, который в 90-е годы страна смогла бросить в пасть «новым русским», чтобы утолить их волчий аппетит. Иначе бы они, победив нас в холодной гражданской войне конца XX века, вырезали бы у каждого по фунту мяса из груди, как контрибуцию. Ведь такие покладистые народы надо резать или стричь.

Ценность эпохи Брежнева в том, что она наглядно показала: если устроить жизнь в России, не разделяясь на волков и овец, то в материальном плане можно жить вполне прилично всем — с большим потенциалом улучшения. Сам этот факт очень важен, он вселяет надежду. Ведь он означает, что непреодолимых, физических запретов на создание такого жизнеустройства для нас нет. А барьеры, построенные в сфере сознания, разумные люди могут преодолеть. Если, конечно, захотят.

Глава 14. ИТОГИ

В этой книжке мало говорилось о тех больших системах, которые были построены по проектам, основанным на доктринах русского коммунизма, и которые пребудут еще долго, пусть и с модификациями и сменой идеологических ярлыков. Они уже крепко вросли в российскую землю, как, например, сибирские ГЭС и единая система высоковольтных ЛЭП, как система централизованного теплоснабжения или нефтегазовый комплекс.

Не говорили мы и о больших тотальных программах, в которых явление русского коммунизма выразилось полностью и с жгучей остротой, — как Великая Отечественная вой-

на или репрессии 1937—1938 гг. Такие тотальные явления слишком сложны и противоречивы, что мы пока не готовы их спокойно обсуждать. Поэтому мы в основном говорили о русском коммунизме как культурном явлении, которое возникло в столкновении множества разнородных и, казалось бы, несовместимых факторов.

Сейчас практическую важность это явление нашей истории приобрело потому, что русский коммунизм создал методологическую систему, позволяющую быстро ухватить, с приемлемой точностью, состояние «пространства и времени», в котором приходится принимать срочное решение. Затем, не прибегая к мистике и патетике, представить и обсудить реалистичные альтернативы действий, оценить их социальную цену и вероятные последствия, объяснить людям эти альтернативы и аргументы за и против того или другого выбора. А уж решив, мобилизовать ресурсы и начать реализацию программы в необходимом темпе, но с регулярным анализом ошибок и коррекцией хода работ.

Я лично мог наблюдать людей этого культурного типа на всех стадиях жизненного цикла малых и больших программ в разных сферах жизни. Мой первый период такого наблюдения пришелся на годы войны (ее начало как будто вдохнуло в меня сознание, и она запечатлелась в памяти). Тогда русский коммунизм господствовал в СССР, и мне казалось, что все наши люди, за малыми исключениями, таковы, созданы по одному подобию и действуют как будто по сигналам свыше, идущим от абсолютного разума и добра.

А после войны, со школьных лет до конца 80-х годов, я видел таких людей, учился у них, нередко спорил, что-то новое объяснял им сам. А под конец с печалью видел, как уходят эти люди со сцены и как их заменяют более молодые, лучше образованные, энергичные и раскованные — другие. И все больше и больше подступала тяжелая мысль, что эти новые люди мыслят, говорят и действуют совсем по-другому. Настолько тупо и неряшливо, что трудно было поверить: от-

куда они? почему они забыли все главное? из какого места у них растут руки? С ними было трудно говорить, они не слушали самых простых и очевидных доводов. Они легко ввали и влезали в нелепые интриги и аферы. Странно и тревожно было и то, что люди менее образованные и, как стали говорить, «более низкого социального статуса» оказывались более разумными, рассудительными и более *широкими*, чем те, кто поднимался вверх. С ними можно было говорить о главном. Как же стране выжить при таких тенденциях!

Эти мысли и заставили написать эту книжку, очень не совершенную, только обозначающую тему. Одна мысль: те навыки мышления, принятия решений и действия, которые были выработаны русским коммунизмом, мы обязаны раскопать, систематизировать и ввести в оборот — с обновлениями соответственно условиям. Это возможно, потому что этими навыками владели и пользовались миллионы людей нашей страны и в главном еще нашей культуры — наши отцы и деды. Как же нам не освоить их багаж в дополнение к тому новому, что мы узнали!

Конечно, что-то из тех знаний и умений устарело, в чем-то последние 30 лет пресекли их корень, но очень много знаний и умений входит в культуру необратимо — если только их специально не стирают из памяти. В этом и надо будет разобраться. И здесь, в заключение, попробуем выделить, что из разработок коммунистов представляет собой активную ценность и будет использовано в будущем. Их и надо будет изучать как методологическое знание.

Главное я вижу так.

— Русский коммунизм преодолел почти на целый век цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это — исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Японцам это

было сделать гораздо проще, а уже Китай очень многое почерпнул из опыта большевиков.

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего, на культурные ресурсы русской общины, как это предвидели народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован — в виде индустриализации, модернизации деревни, культурной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии.

Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем — если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ — из того же «жира»).

— Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, это на целый исторический период нейтрализовать западную *руссофобию* и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 по конец 60-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские — полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, очень важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

Из современных философов об этом хорошо сказал А.С. Панарин: «Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада — тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами — власть символическую.

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национально-

го типа, с бородой и в одежде «а la cozak», вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого: «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив» [52, с. 139].

— Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том, что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение — после того, как опыт второй половины XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Но в решении этой задачи еще важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали» начиная с середины XIX века — и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистничеству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция. Но сильна была крестьянская община, и она сама, вопреки всем этим силам, начала сборку народа на новой матрице. Матрица эта (представление о благой жизни) изложена в тысячах наказов и приговоров сельских сходов 1905—1907 гг., составленных и подписанных крестьянами России. И нашлось развитое политическое движение, которое от марксизма и перешло на эту матрицу («платформу»). Так и возник русский коммунизм.

Сборка народа была совершена быстро и на высшем уровне качества. Так, что Запад этого не мог и ожидать — в 1941 году его нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а образованная и здоровая молодежь с высоким уровнем самоуважения и ответственности.

— Русский коммунизм сохранил и продолжил развитие российской *государственности*. Он опирался на государственное чувство всех массивных социальных групп России и сумел устранить из своей доктрины представление марксизма о государстве как «паразитическом наросте на теле гражданского общества». Это было очень непростой задачей.

Русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых, трудных условиях XX века. Основные ее контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это и сделали большевики, и это была творческая работа высшего класса.

— Русский коммунизм не допустил *разрыва непрерывности* культурного развития России. В условиях той катастрофы, какой была революция в целом, это было великим, почти невероятным достижением. Достаточная для обеспечения преемственности часть ученых, инженеров, управленцев, военных и гуманитарной интеллигенции включилась в советское строительство и не была отторгнута революционной массой. Культура как национальное достояние была перенесена в советское общество и государство и стала базой для модернизации и развития. Насколько это непростое дело, мы видим сегодня, когда «рыночная революция» сознательно оборвала связь с культурой России советского периода.

— Русский коммунизм (именно в его двуединой сущности) спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного ка-

питализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к современному уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее», — как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

На деле большие системы «советского типа» — большое творческое достижение. Достаточно упомянуть такие создания, как советская школа и наука, советское здравоохранение и советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и советская колхозная деревня, советское теплоснабжение и Единая энергетическая система.

Мы здесь не рассматриваем важное достижение русского коммунизма, которое осталось в форме *неявного* знания, — сложное соединение марксистского интернационализма с «державным национализмом». Это отдельная тема.

Надо сказать и о другом. Какие критически важные задачи *не решили* советское общество и государство, которые следовали проекту русского коммунизма? Критически мы будем считать задачи, неудача в решении которых привела к развитию кризиса советской системы вплоть до порога, за которым начался распад государства и общества. То есть речь идет о кризисе, который завершился ликвидацией СССР и сменой политического и общественного строя.

Эти нерешенные задачи наглядно вскрылись лишь в ходе кризиса и осмысления катастрофы 90-х годов. Все они остаются актуальными и для постсоветской России и должны стать предметом исследований и обсуждения в «новом обществоведении». Здесь мы их только перечислим с короткими комментариями.

Упорядочим этот перечень соответственно общности (системности) воздействия того фактора, который следовало тщательно контролировать, но это не удалось. Назовем эти *нерешенные задачи*.

— Не удалось обеспечить необходимый и достаточный уровень самоосознания быстро развивающегося советского общества.

Как уже говорилось, на начальном этапе самоидентификация советского общества происходила в рамках понятий «общинного крестьянского коммунизма», прикрытого «тонкой пленкой» марксизма. Эффективность языка этих понятий усиливалась состоянием и поведением *значимого иного*, которым служил Запад как инкарнация мирового капитализма. От Запада исходил тот *исторический вызов*, ответом на который и была советская революция. Более того, этот вызов приобретал и форму военной угрозы — в Гражданской войне, а затем и в осознаваемой назревающей войне, которая поднялась на уровень Отечественной.

На втором этапе, уже в процессе выхода из мобилизационного состояния, общество изменилось настолько, что прежние формулы стали явно недостаточны, чтобы описать «самое себя». Стали возникать диссиденты (в широком смысле слова), но диалога с ними не возникло. Структуры самоосознания начали выхолащиваться, разногласия — углубляться. Мы перестали «знать общество, в котором живем». Это — тяжелая болезнь.

В 70-е годы уже было смутное чувство, а в 90-е годы стало понятно, что советский строй не создал непрерывно действующего и обновляющегося механизма самоосознания общества и гражданина. Требуется срочный инженерный анализ этого дефекта.

— Не удалось проводить регулярную модернизацию мировоззренческой матрицы советского общества в соответствии с изменениями картины мира и антропологией советского человека.

Революция, форсированная индустриализация и тотальная война предопределили *чрезвычайный* темп изменений советского человека, общества и массовой культуры. Государство и его «инженеры человеческих душ» после войны пере-

стали понимать смысл и темп этих изменений и стали «отставать» от них. В «духовном окормлении» общества возник провал, который не был закрыт. Это привело к разрыву важных коммуникаций между государством и обществом. Часть сигналов, посылаемых обществу на языке официальной идеологии, перестала восприниматься. Для идеократического государства это создавало большие угрозы. Мировоззренческая матрица, на которой было собрано и консолидировано общество, стала разрыхляться, а во многих своих частях хаотизироваться.

Это привело к тому, что стали терять эффективность созданные ранее инструменты и механизмы воспроизводства культурной гегемонии советского строя. Ни отремонтировать, ни обновить эти инструменты и механизмы государство и его интеллектуальные службы (обществоведение) не смогли.

— Не удалось выработать дееспособную рациональную модель СССР как этнической системы в ее динамике, на этой основе выработать собственную доктрину нациестроительства — сплочения советского народа в полиэтническую гражданскую нацию и развития системы общежития народов.

Благоприятный момент для обновления национально-государственной модели, которое предотвратило бы возрождение этнического национализма элит, наступил после Великой Отечественной войны, но тогда государство было вовлечено в борьбу с культом личности Сталина.

Как только со сцены стали сходить старшие поколения, решавшие задачи в сфере этничности на основе опыта и неявного знания, обнаружилось это слабое место советской системы. Была мобилизована политизированная этничность местных элит, а к середине 80-х годов были созданы очаги «бунтующей этничности». Советское государство уже не обладало ни памятью, ни знанием, чтобы справиться с этой враждебной ему силой. Более того, антисоветская часть номенклатуры даже использовала ее как таран для ликвидации советского строя. В постсоветской России положение не выправляется.

— Не удалось выработать собственную (а не копирующую Запад) доктрину и социальные механизмы расширения и развития системы потребностей советского человека.

Эту задачу требовалось решить как обязательное условие выхода из мобилизационного состояния и модернизации общества и государства. Она решалась медленно и на низком уровне знания и понимания. Результатом стал то острый, то вялотекущий «конфликт поколений», нарастание недоброжелательного инакомыслия и ослабление легитимности советского строя. Этот процесс завершился «ускользанием национальной почвы из-под производства потребностей» (Маркс), что стало важным фактором краха СССР.

В постсоветской России эта проблема быстро усугубляется, приобретая характер фундаментальной угрозы.

— Не удалось разработать концепцию советской демократии как дееспособного развивающегося механизма.

Советский строй вырос из традиционного сословного общества. С самого начала и «разработчики» советского проекта, и практики советского строительства предвидели угрозу возрождения, в новых формах, многих сторон сословности. Противодействовать этому могла только демократия, отвечающая антропологии и культуре советского общества. Она и развивалась на восходящей ветви революции, но не было создано концептуальной («теоретической») основы, которая позволила бы выстраивать институты демократии сознательно и планомерно. Произошла, по выражению Вебера, «институционализация харизмы» — бюрократизация и укрепление сословных барьеров. Это проявилось прежде всего в номенклатуре и элите всех профессиональных общностей. Те временные структуры, которые создавались для решения срочных чрезвычайных задач (например, номенклатурная система в кадровой политике), сравнительно быстро перерождались и укоренялись. Механизма их оздоровления и обновления выработать не удалось. В постсоветской России эта проблема усугубилась.

— Руководству КПСС и элите советской гуманитарной интеллигенции не удалось объяснить с западными левыми и предотвратить их сдвиг к антисоветизму.

Не имея внятной и развитой объяснительной модели советского проекта и советского строя, партийная интеллигенция СССР не смогла рационально представить корни конфликта, назревающего в мировом левом движении, и предотвратить переход еврокоммунистов на антисоветские позиции. Углубление конфликта привело к кризису культуры левых в целом и краху коммунистического движения как в СССР, так и в обоих «лагерях» холодной войны.

— Самое главное: советской системе не удалось наладить воспроизводство того культурно-исторического типа, который получил название человек советский (*homo sovieticus*).

Это тот культурно-исторический тип, который начал складываться с начала XX века, стал движущей силой советской революции, созрел во время Гражданской войны, индустриализации и Великой Отечественной войны. Он «продержал» Россию в течение почти всего XX века, проявил специфические культурные и социальные качества, но стал слабеть и утрачивать свои позиции в обществе начиная с 60-х годов. Его отступление и вытеснение конкурирующими с ним социокультурными типами и является непосредственной причиной краха советского строя.

Эта проблема остается фундаментальной и для постсоветской России, поскольку доминирующий в настоящее время социокультурный тип обнаружил неспособность быть носителем цивилизационных качеств России и обеспечивать жизнеспособность страны.

Каковы же перспективы восстановления, модернизации и создания структур социализма и коммунизма (поначалу теоретических, методологических и в форме «образа будущего») в России на путях ее развития из нынешнего состояния? Эта проблема волнует и правых, и левых. Вот предварительные суждения.

Кризис, который переживает Россия, — эпизод русской революции. Ее заряд не был исчерпан в первой трети XX века и вырвался наружу в перестройке. На арену вышли духовные «внучата» прежних акторов с прежними проектами, вплоть до столыпинской реформы. Такая их живучесть свидетельствует о том, что советское общество было *традиционным*. Оно сохранило почти все множество «малых народов», групп и сословий, а классовое гражданское общество все их сплывило бы в своем тигле.

Какова же социокультурная «карта» общества в свете нашего вопроса? Грубо, ее надо представить в двух пространствах — плоскости скрытых, не всегда осознаваемых *чаяний* и в плоскости *расхожих суждений* (идеологических, конъюнктурных, внушенных СМИ). Сведения о такой «карте», если она кем-то составляется, не публикуются, это было бы контрпродуктивно и для власти, и для всех входящих в «систему» политических организаций. Поэтому мои оценки основаны на совокупности отрывочных данных и на интуиции.

Прежде всего, почти очевидными являются два важных факта: *легкость свержения* советской власти под социал-демократическими и либеральными лозунгами — и в то же время *невозможность осуществить* социал-демократические и либеральные реформы. Как объяснить эти, на первый взгляд, противоречащие друг другу факты?

Первый факт я объясняю тем, что в ходе урбанизации иссяк ресурс *общинного крестьянского коммунизма*, служивший центральным блоком мировоззренческой матрицы, которая легитимировала советский строй. Обновления и «ремонта» этой матрицы идеологическая машина КПСС провести не смогла. Подорвать остатки легитимности «сверху», воздействуя именно на стереотипы советской идеологии (равенство и справедливость), было нетрудно. С помощью «гласности» были возбуждены *расхожие суждения*.

СССР и его политическая система были ликвидированы, но затем оказалось, что реформа во всех своих главных установках противоречит *чаяниям* большинства. Это большинст-

во, не имея политических средств, чтобы остановить реформу, оказывает ей пассивное «молекулярное» сопротивление. Каков его вектор? Исходит ли он из системы ценностей социал-демократии или коммунизма?

Я считаю, что корни этого сопротивления уходят в коммунизм, как это было и сто лет назад. Это резко осложняет всю картину. А.С. Панарин писал: «Современный «цивилизованный Запад» после своей победы над коммунизмом открыл «русское народное подполье», стоящее за коммунизмом и втайне питавшее его потенциалом скрытой общинности... В тайных нишах народной общинности находил укрытие жизненный мир с его до сих пор скрытыми законами, может быть, в принципе не переводимыми на язык прогрессизма» [52, 243].

Первые же шаги реформы оживили и резко усилили коммунистические «архетипы». Уже в предчувствии реформы общественное мнение стало жестко уравнильным. В октябре 1989 года на вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили «*не справедливо*», а 44,7% — «*не совсем справедливо*». Что же считали несправедливым 98% жителей СССР — невыносимую уравниловку? Совсем наоборот — люди считали распределение *недостаточно уравнильным*.

84,5% опрошенных считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами», и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума».

Следует подчеркнуть, что в СССР был принят и выдерживался принцип, согласно которому *минимальная заработная плата* составляла не менее полутора *минимальных потребительских бюджетов* (этот бюджет и составлял прожиточный минимум) — так, чтобы обеспечивать воспроизводство работника и «половины» иждивенца. В конце 80-х годов прожиточный минимум был определен в размере 100 руб. в месяц, а минимальная зарплата — в 165 руб. В 1992 году критерий изменился — «прожиточный минимум» был оторван от мини-

мального потребительского бюджета, он стал меньше него в 2,25 раза. Само понятие «минимальной зарплаты» потеряло свой социальный смысл — в январе 1999 года она составляла 10,6% от прожиточного минимума и равнялась 3 долларам США в месяц. В начале 2006 года минимальная зарплата в РФ составляла 30,2% от прожиточного минимума.

В 1996 году ВЦИОМ повторил этот опрос, и выяснилось, что уравнильные настроения усилились: 93% опрошенных считали, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — что оно должно гарантировать доход не ниже прожиточного минимума. Это — уравнильная программа коммунизма, а не рациональной социальной защиты социал-демократии.

Каким может быть проект «нового коммунизма» (или, не используя такой шокирующий термин, «нового советского строя»? Уход активного крестьянского коммунизма на подсознательный уровень «архетипов» очень сильно меняет институциональную матрицу желаемого будущего жизнеустройства. Если смена вектора нынешнего развития произойдет до катастрофы, то можно предвидеть, что будущий строй будет складываться как система с принципиально бóльшим разнообразием, нежели «первый советский строй». Большинство ограничений, которые предопределили тип жизни в старом СССР, утратили свою силу, нет нужды их восстанавливать. Коммунизм СССР обладал большим потенциалом для прорыва в постиндустриализм посредством «туннельного эффекта» — в отличие от социал-демократии, обязанной «исчерпать конструктивный потенциал капитализма». Этот потенциал можно оживить и быстро провести модернизацию хозяйства и быта, создать эффективную инновационную систему. Нынешний «переходный» тип государства и экономики таких возможностей не имеет.

Политический механизм «перехода» требует для разработки больших усилий, нежели конструирование «образа будущего». Предварительно можно сказать, что надо ожидать возникновения сильной партии, которую можно назвать «со-

циал-демократической на российский манер» — совмещающей стереотипы (расхожие суждения) социал-демократии с подсознательными архетипами русского коммунизма. Такие гибриды возможны и эффективно действуют, не вступая в борьбу с устоями национальной культуры. К несчастью, этого не получилось в начале XX века, но вполне может быть достигнуто сейчас. Если бы возникла такая партия, достаточно интеллектуальная и честная, она бы завоевала культурную гегемонию и вокруг нее сложился бы исторический блок, способный изменить ход событий.

Литература

1. Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., Т. 19, с. 434-436.
2. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905—1907 гг. Т. 1, 2. М.: Ин-т российской истории РАН. 1994.
3. Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Л., 1925. С. 149.
4. Кондрашин В.В. Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1995, № 4.
5. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // В сб. А.В. Чаянов. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
6. Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500—2010 // Свободная мысль, 1996, № 5.
7. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука. 1991.
8. Купцов А.Г. Земля-Ёк. М.: Крафт+. 2002.
9. Кожин В. Россия. Век XX. 1901—1939. М.: Алгоритм — Крымский мост. 1999.
10. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика. 1987. С. 471.
11. Толстой Л.Н. Стыдно // Собр. соч., т. 16. М.: Художественная литература, 1964.
12. Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия. 1991.
13. Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Агро-XX. 1998.
14. Горький М. Собр. Соч. Т. 17. С. 25.

15. Gramsci A. La revolución contra «El capital». // En: A.Gramsci. Para la reforma moral e intelectual. Madrid. 1998. P. 35-39.

16. Шереги Ф.Э. Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986, № 2.

17. «Нива», № 33, 1913, с. 659. Цит. по статье: В. Логинов. Столыпинские итоги // *scepsis.ru/library/id_771.html*.

18. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990.

19. Ленин В.И. Первое мая. Соч., т. 10. С. 83.

20. Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М.: Прима Б. 1995.

21. Бердяев Н. Русская идея // «Вопросы философии». 1990, № 2.

22. Богословский вестник. 1917. Октябрь — декабрь. С. 352. — Цит. в [8, с. 140].

23. Балакирев А. Русские коммунистические утопии и учение Н.Ф. Федорова // Россия XXI, 1996, № 1-2, 3-4.

24. Семенова С.Г. Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель. 1989. С. 262.

25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35.

26. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 186.

27. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 158.

28. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. XIX-XX вв. СПб.: Наука. 1998. С. 343-344.

29. Энгельс Ф. Может ли Европа разоружиться. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22. С. 403.

30. Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм. 2003.

31. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии, 1989, № 3, 4.

32. Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории, 1993, № 2.

33. Либер М.И. Социальная революция или социальный распад. Харьков. 1919, с. 16, 17.
34. Новейшая история Отечества: XX век. Т. 1. М.: ВЛАДОС. 2002, с. 324—325.
35. Пайпс Р. Русская революция. Часть вторая. М.: РОССПЭН. 1994, с. 229.
36. Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Политиздат. 1959, с. 37.
37. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий. 1996.
38. Балуев Б.П. Дело Лопухина // Вопросы истории, 1996, № 1.
39. «Куда идет Россия? Власть, общество, личность». М., 2000, с. 43 — 44.
40. Кожин В.В. Победы и беды России. Русская культура как порождение истории. М.: Алгоритм. 2002.
41. Бердяев Н.А. Человек и машина. // Вопросы философии. 1989, № 2.
42. Чернявский Г. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия. 2009.
43. Экономическое развитие России. Выпуск второй. Эпоха финансового капитализма. Сост. Н.Ванаг и С.Томинский. М.-Л.: Государственное изд-во. 1928.
44. Старцев В. «Русское прошлое» в наши дни // Свободная мысль. 1992. № 1. С. 118.
45. Теремов О.В. // Вопросы Истории. 1993, № 3.
46. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. СПб.: Академический проект, 2009.
47. Ключников Ю.В. Наш ответ // Смена вех. 1921, № 4.
48. Баграмов Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей. М.: Политиздат. 1982.
49. Кортунов С.В. Судьба русского коммунизма // «НГ-сценарии». 4.11.1997.
50. Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

51. Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика. 1995, с. 634.
52. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКМО. 2006.
53. Карр Э. История Советской России. Т. 1. М.: Прогресс. 1990.
54. Булгаков С.Н. Христианство и социализм. // В кн. «Христианский социализм. Новосибирск: Наука. 1991.
55. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука. 1988.
56. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Календарь для врачей на 1916 г. СПб., 1916. Цит. по: Андреев Е.М., Добровольская В.В., Шабуров К.Ю. Этническая дифференциация смертности // СОЦИС. 1992, № 7.
57. Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г. «Общество знания». Переход к инновационному развитию России. М.: УРСС. 2012.
58. Беляков А.А. План ГОЭЛРО в технико-экономическом контексте эпохи // Альманах Центра общественных наук (МГУ). 1998, № 7. С. 67-89.
59. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — В кн.: М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990.
60. Шлыков В.В. Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах. — Военный вестник МФИТ. 2001, № 8.
61. Кара-Мурза С.Г. Крах СССР. История и версия объяснения. М.: Алгоритм. 2013.
62. Джордж Ф. После 1984. Перспективы лучшего мира // В кн. Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.
63. Пришвин М.М. Дневники. 1914—1922. (3 тома). М.: Московский рабочий. 1991—1995.
64. Олимова С.К. Коммунистическая партия Таджикистана в 1992—1994 гг. // Восток. 1996, № 2.

65. Беляев Е.А., Пышкова Н.С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М.: Наука. 1979.

66. Джахангири-Жанно Г. К вопросу о формировании таджикского национального сознания (1920—1930 гг.) // Восток. 1996, № 2.

67. Орлов Г.В. Отечественная история: Мир и россияне: 1861—2001. — М.: Вузовская книга, 2003.

68. Микульский Д.В. Анализ некрологов членов ИПВТ: традиционное и современное // Восток. 1996, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
----------------------	---

Раздел 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО КОММУНИЗМА

Глава 1. Вызревание крестьянского общинного коммунизма .	10
Глава 2. Соединение крестьянского коммунизма с социалистическим учением	47
Глава 3. Коммунизм и социал-демократия	66

Раздел 2. РУССКИЙ КОММУНИЗМ: ОБРАЗ МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЙ

Глава 4. Русская революция в свете современного кризиса .	76
Глава 5. Большевики: восстановление государственности .	105
Глава 6. Возрождение государства после катастрофы 1917 года: вооруженные силы	126
Глава 7. Русский коммунизм: методология мышления и практических решений	139
Глава 8. Первые большие государственные программы: военный коммунизм	154
Глава 9. Первые большие государственные программы: сборка народа	164
Глава 10. Русский коммунизм и наука	177
Глава 11. Русский коммунизм: выбор принципов жизнеустройства	196
Глава 12. Русский коммунизм: подход к проектированию социальных форм	213
Глава 13. Эпоха Брежнева	226
Глава 14. Итоги	235
Литература	250

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
РУССКИЙ КОММУНИЗМ
Теория, практика, задачи

Ответственный редактор С.В. Маришков
Художник Б.Б. Протопопов
Верстка А.А. Кувшинников
Корректор И.А. Носкова

ООО «Издательство Алгоритм»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-08-25
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 19.12.12. Подписано в печать 20.01.13.
Формат 84х108/32. Бумага тип.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л.8. Тираж 2000 экз. Заказ